

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Мировая политика и перспективы демократии

2021 Том 23 № 3

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Д.Б., кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Акчурина Виктория – доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин – доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр – доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола – доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич – доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати – доктор политических наук, доцент факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Научный журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследование социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторов.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор: И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28;

e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 14.07.2021. Выход в свет 31.08.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,75. Тираж 500 экз. Заказ № 623. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

World Politics and Prospects for Democracy

2021 VOLUME 23 No. 3

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ASSOCIATE EDITORS

Viktoria Akchurina – PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell – PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska – Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy – PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz – Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada – Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France
Boris G. Kapustin – Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova – Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova – Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar – PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Associate Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22;
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Dutkiewicz P., Pochta Yu.M. Issues of Democratic Development and Construction of National Identity at the End of the Age of Imitations: Editorial Introduction (Дуткевич П., Почта Ю.М. Вопросы демократического развития и конструирования национальной идентичности в конце эпохи имитаций: представляем номер)	339
--	-----

ГЕОПОЛИТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ

Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе	348
Керимов А.А. Консоциональная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития	364
Гарбузарова Е.Г. Государства Центральной Азии в международных рейтингах развития демократии	379
Everett J. Poland and Hungary: Democratic Backsliding and the Shifting European Political Landscape (Эверетт Дж. Польша и Венгрия: демократический откат и сдвиг политического ландшафта Европы)	394

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

Hrabina J. The Challenges of Future Leadership in International Affairs (Храбина Й. Вызовы для лидерства в международных отношениях будущего)	407
Солюянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций	424

ПАРТИИ В ПОЛИТИКЕ: ИДЕОЛОГИЯ РАДИКАЛИЗМА И РЕГИОНАЛИЗМА

Головин М.С. Конструирование идеологии праворадикальной партии в современной Великобритании: пример Партии независимости Соединенного Королевства	446
Грабевник М.В. Сила регионалистских партий Соединенного Королевства: концептуализация и измерение	463

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Романычев В.В. Теоретико-методологические основания изучения GR-менеджмента в политической науке	479
Матюсова А.И. Политико-психологические особенности глав российских регионов в отечественной политической науке: обзор исследований	495

CONTENTS

Dutkiewicz P., Pochta Yu.M. Issues of Democratic Development and Construction of National Identity at the End of the Age of Imitations: Editorial Introduction	339
GEOPOLITICS AND PROSPECTS FOR DEMOCRACY	
Avatkov V.A., Gudev P.A. Geopolitics of Russian-Turkish Relations in the Black Sea Region	348
Kerimov A.A. Consociational Democracy in Lebanon: Modern Challenges and Development Prospects	364
Garbuzarova E.G. Central Asian States in the International Rankings of Democracy Development	379
Everett J. Poland and Hungary: Democratic Backsliding and the Shifting European Political Landscape	394
WORLD POLITICS AND GLOBAL LEADERSHIP	
Hrabina J. The Challenges of Future Leadership in International Affairs	407
Soluiyanov V.S. The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations	424
PARTIES IN POLITICS: THE IDEOLOGY OF RADICALISM AND REGIONALISM	
Golovin M.S. Constructing the Ideology of the Right-Wing Radical Party in Modern United Kingdom: The Case of the United Kingdom Independence Party	446
Grabevnik M.V. Party Strength of Regionalist Parties of United Kingdom: Conceptualisation and Measuring.....	463
CURRENT ISSUES OF POLITICAL SCIENCE	
Romanychev V.V. Theoretical and Methodological Foundations for Government Relations Research in Political Science.....	479
Matiusova A.I. Political and Psychological Characteristics of Russian Governors in the Domestic Political Science: Review of Scientific Research.....	495

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-339-347

Editorial article / Редакционная статья

Issues of Democratic Development and Construction of National Identity at the End of the Age of Imitations: Editorial Introduction

P. Dutkiewicz¹, Yu.M. Pochta²

¹Carleton University, Ottawa, Canada

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the article, the guest editor Piotr Dutkiewicz and editor-in-chief Yuriy M. Pochta introduce the current issue of the journal, interpreting cross-cutting topics such as democratic development and the construction of national identity in the societies of the East and the West. They believe that the most appropriate heuristic explanation for these issues today is the idea that after the end of the Cold War the hopes for the final victory of the liberal democratic project on a global scale ended in disappointment. The end of history never took place, just like the victory of communism did not take place previously. All these years we have been witnessing an imitation of liberalism, the era of which is already over. There is currently a global revolt against the liberal imitation imperative. From this point of view, there is a great interest in articles devoted to Russian-Turkish relations, the place of the Central Asian states in the international rankings of democratic development, the evolution of the political development of the Lebanese Republic, the formation of democratic political regimes in such Eastern European EU member states as Poland and Hungary, the role of parties in the political life of Great Britain and Nigeria, as well as such theoretical and methodological problems of political science as the processes of forming future political leaders, methodology of the study of GR-management and approaches to the study of the political and psychological characteristics of the heads of Russian regions. In general, this issue of the journal pictures the current state of democratic development of Western and non-Western countries in the context of globalization, which is at the stage of transition from American monopolarity to multipolarity, from imitation of the Western liberal-democratic project to the search for its own development projects. The authors believe that from the point of view of Russia and its interests the materials of this issue allow for outlining the prospects for further research on ways to build the most effective relations with world and regional powers, the possibilities of protecting its sovereignty and its geopolitical interests, and the mechanisms for forming the Russian post-Soviet identity at the national and regional levels.

Keywords: democracy, ideology, geopolitics, right-wing radicalism, regionalism, GR-management, political parties, national identity, elite, Russia, Turkey, Lebanon, European Union, Great Britain, Poland, Hungary

© Dutkiewicz P., Pochta Yu.M., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation: Dutkiewicz, P., & Pochta, Yu.M. (2021). Issues of democratic development and construction of national identity at the end of the age of imitations: Editorial introduction. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 339–347. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-339-347

Вопросы демократического развития и конструирования национальной идентичности в конце эпохи имитаций: представляем номер

П. Дуткевич¹, Ю.М. Почта²

¹Карлтонский университет, Оттава, Канада

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье приглашенный редактор П. Дуткевич и главный редактор журнала Ю.М. Почта представляют материалы номера, трактуя их сквозную тематику как вопросы демократического развития и конструирования национальной идентичности в обществах Востока и Запада. По их мнению, наиболее подходящим эвристическим объяснением этих вопросов сегодня может служить представление о том, что после окончания холодной войны разочарованием закончились надежды на окончательную победу либерально-демократического проекта в глобальном масштабе. Конец истории не состоялся аналогично не состоявшейся до этого победе коммунизма. Все эти годы мы наблюдали имитационный либерализм, эпоха которого уже закончилась. В настоящее время происходит глобальное восстание против либерального имитационного императива. Под этим углом зрения представляют несомненный интерес статьи, посвященные российско-турецким отношениям, месту государств Центральной Азии в международных рейтингах развития демократии, эволюции политического развития Ливанской Республики, становлению демократических политических режимов в таких восточноевропейских странах – членах ЕС, как Польша и Венгрия, роли партий в политической жизни Великобритании и Нигерии, а также таким теоретико-методологическим проблемам политической науки, как процессы формирования будущих политических лидеров, методология изучения GR-менеджмента и подходы к изучению политико-психологических особенностей глав российских регионов. В целом данный номер журнала дополняет картину современного состояния демократического развития западных и незападных стран в условиях глобализации, находящейся на стадии перехода от американской монополярности к многополярности, от имитации западного либерально-демократического проекта к поискам собственных проектов развития. Представляя краткий обзор статей, составивших тему номера журнала, авторы полагают, что с точки зрения интересов России материалы этого номера позволяют наметить перспективы дальнейших исследований способов выстраивания наиболее эффективных отношений с мировыми и региональными державами, возможностей защиты своего суверенитета и своих геополитических интересов, механизмов формирования российской постсоветской идентичности на национальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: демократия, идеология, геополитика, правый радикализм, регионализм, GR-менеджмент, политические партии, национальная идентичность, элита, Россия, Турция, Ливан, Европейский союз, Великобритания, Польша, Венгрия

Для цитирования: *Dutkiewicz P., Pochta Yu.M.* Issues of democratic development and construction of national identity at the end of the age of imitations: Editorial introduction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 339–347. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-339-347

The issues of democratic development and the construction of national identity remain relevant for both Western and Eastern societies. They also dragged the attention of the authors, who contributed to the current issue of our journal.

In order to explain the contents of our journal, we would like to refer to the ideas expressed by Bulgarian political scientist Ivan Krastev and American lawyer Stephen Holmes in their book “The Light That Failed: Why the West is Losing the Fight for Democracy”. They consider that the hopes for a complete and final victory of the liberal-democratic project on a global scale after the end of the Cold War ended in disappointment: “Liberalism ended up the victim of its heralded success in the Cold War” [Krastev, Holmes 2019:16]. Post-communist states only imitated liberal democracy, while their leaders eventually began to publicly deny and criticize liberal values. Thirty years after the collapse of the Soviet Union and the socialist camp, it became evident, that what we had during these years was not the actual implementation of the principles of liberal democracy, but only their mimicry and imitation. It was the imitation of liberalism, the age of which is over. Currently, there is a global uprising against the liberal imitation imperative.

Post-Soviet Russia made one of its first attempts at independent participation in world politics in 2015, combining diplomatic efforts with the use of its armed forces in order to stop the destabilization of statehood in Syria and to counter international terrorism. However, Russia’s return to the Middle East affected the interests of a number of states, in particular, Turkey, which took an active part in the Syrian crisis. Russia, seeking to regain its role as one of the leading participants in Middle Eastern politics, inevitably collided with the interests of Turkey. However, Syria represents only a small part of the sphere of Turkey’s geopolitical interests, where Russian and Turkish interests collide. It is also necessary to consider the global context of Russian-Turkish relations.

Disappointed in its hitherto failed entry into the EU, under the moderate Islamist leadership of Erdogan, moving away from the republican legacy of Atatürk towards neo-Ottomanism, Turkey is becoming a regional power and is trying to take control over some of the former regions of the Ottoman Empire. It claims to be the leader of the Turkic peoples, preserving traditional Islamic values and striving to implement one of the projects of political Islam in the Muslim world. Currently, Turkey, under the authoritarian leadership of President Tayyip Erdogan, combines the desire to integrate into the Western world with one of preserving its own identity. Considering the American Greater Middle East project, Turkey is inevitably forced to seek pragmatic partnership with Russia. According to Russian international journalist Andrey Isaev, in case the United States are dissatisfied with Erdogan’s policy, “it is not impossible for others to come into power in Turkey – professing the ideals of either Euro-Atlanticism or a world caliphate”¹. The partnership between Russia and Turkey is important for ensuring the security of the

¹ Isaev, A. The US-Turkish summit in Brussels: the moment of truth or the point of no return? *The International Affairs*. Retrieved June 07, 2021, from <https://interaffairs.ru/news/show/30368> (in Russian).

two countries. At the same time, it can be argued that after a century-long break, the rivalry between the successors of the Russian and Ottoman empires is taking new forms, rejecting the dictates of the liberal-democratic project of globalization and seeking to use their own civilizational heritage. The idea of Ivan Krastev and Stephen Holmes that “the withdrawal of peoples into barricaded national and ethnic communities is one of the consequences of today’s populist and identity-based war on universalism” [Krastev, Holmes 2019:318] is quite suitable for Russia and Turkey. A vivid example of the rivalry between Russia and Turkey is the competition between their two integration projects – the Eurasian integration and the neo-Ottoman integration. The representatives of the elites of Turkic post-Soviet states are attracted to the idea of returning to their historical roots under the leadership of Turkey, which offers a trans-regional integration project connecting a number of post-Soviet states to liberal-democratic globalization as part of the Turkic-Islamic world. Taking into account this current complicated context, our reader may be interested in the article by V.A. Avatkov and P.A. Gudev – researchers from the Center for post-Soviet Studies of The Institute of World Economy and International Relations after Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences, which analyzes the geopolitical factor in Russian-Turkish relations and examines the main problems of Russian-Turkish cooperation in the Black Sea area in the context of the restoration of bilateral relations after the 2015 incident, related to Russia’s participation in the Syrian crisis.

The above-mentioned allows to comprehend how difficult it is to establish statehood in the post-Soviet societies, which, shortly after the collapse of the Soviet Union, started rejecting the Soviet in favor of the liberal-democratic project. They have no choice but to construct their new identity, eclectically combining elements of such identities as Western liberal-democratic, religious (Islamic), ethnic (Turkic), civilizational (neo-Ottoman), anti-colonialist and anti-imperialist (most often aimed against Russia, which is interpreted as a former metropolis). As a result, by leaving the sphere of Russian influence, these states fall under the influence of either the dominant global West or regional powers, primarily Turkey, as well as China. Turkey offers its own trans-regional project, combining moderate Westernization with a basis on civilizational heritage as part of the Turkic-Islamic world. Some representatives of the elites of these states are looking for an opportunity to enter the global world through the trans-regional structure created by Turkey on the basis of the neo-Ottoman Turkic identity. The overview by E.G. Garbuzarova, a researcher from the Political Science Department of the Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek), regards democratic development assessment in the post-Soviet space on the example of the Central Asian states, showing the placement of these states in international democracy development ratings. The author concludes, that, according to the ratings, having abandoned the ideology of Marxism, the Central Asian states sought to implement a liberal political ideology and follow the path of democratic transit. However, the

introduction of the basic elements of democracy into the political process of the countries turned out to be of formal or declarative nature, while the participation of the masses in politics still remains strictly limited.

Radical Arab nationalism and the ideology of socialism failed to resolve the pressing socio-economic issues of several Middle Eastern countries that became republics after gaining independence. Traditional monarchical regimes turned out to be more stable. Under this ideological vacuum, political Islam (Sunni and Shiite, moderate and radical) started leading in the political life of Middle Eastern countries. This was also facilitated by the destabilization of several states as a result of foreign interventions, as well as the desire of the oil-producing monarchies of the region with large financial resources to preserve their authoritarian political regimes and extend their influence to other countries of the Muslim world [Pochta 2020]. According to Russian islamologist Gumer Isaev, the destabilization of the Greater Middle East and its radical Islamization will entail serious consequences, manifested in the decline of “the era of local modernism associated with nationalism, Westernization, in an attempt to build a political system based on the Western model, but taking into account cultural specifics”².

We presume that the specifics of political life in this region, especially after the upheavals of the “Arab spring”, is that local players (states, ethno-religious groups, opposition movements, terrorist groups) do not have stable allied ties, their contacts are situational, they depend on external influences, on the evolution of the interests of clans, tribes and authoritarian leaders. In countries such as Lebanon, brief periods of fragile political stability can quickly be replaced by violent clashes (civil wars) between various ethnic, ethno-religious, religious, tribal structures, as well as within these structures (between Arabs themselves, between the Lebanese and Palestinian refugees, between Arabs and Iranians, between Shiites and Sunnis, between Christians and Muslims, etc.). In addition, neighboring states such as Syria and Israel, as well as Iran, have had and continue to have a great impact on Lebanese politics. Their intervention can significantly determine the development of the internal political situation in Lebanon. The abovementioned showcases the difficulties of Lebanon’s development. A.A. Kerimov, an employee of the Russian Embassy in the Lebanon, analyzes the democratic development of the Lebanese Republic based on a comparison of the political life of this country with the ideal consociational democracy model by A. Leiphart in order to identify the country’s specific features and find ways to overcome the expanding instability. The author shows the internal and external causes of the Lebanese political crises, assesses the possible ways of evaluating the country’s political regime, including the prospects for the transformation of consociational democracy into a general civil democracy.

The European Union also encounters problems with democratic development. Discussions on the problems and internal contradictions of the European integration

² Isaev, G. The collapse of the Arab dream. What is the future of the nation States of the Middle East. Retrieved December 27, 2015, from <http://www.ansar.ru/analytics/krah-arabskoj-mechty> (in Russian).

become more and more common. The UK's withdrawal from the project expressed the unwillingness of one of the most important EU members to participate in solving its current issues. There is a growing concern among Russian political scientists and politicians regarding the possibility of dealing with the EU as a single monolith structure. The EU refused linking European integration to Russia's Eurasian integration project (to begin with, the creation of a free trade zone was proposed)³, and moreover, refused creating the "Common European Home" with Russia's participation. The admission to the EU of a number of post-Soviet Eastern European states was held under the pretense of accelerating their democratization, as well as was based on the principle: "joining Europe to confront Russia". The politically motivated sharp expansion of the EU brought to the loss of manageability, turning it into a heterogeneous structure with growing internal contradictions. The migration crisis and the coronavirus pandemic have further led to a discussion of whether the EU is capable of continuing to exist as a single structure, as a subject of world politics⁴.

If the problems of democracy in non-Western countries are considered in the aspect of establishing democratic political regimes, then in such Eastern European EU member states as Poland and Hungary what attracts attention is their recent "retreat" from the democratic values under the migration crisis. If we turn to the ideas of Ivan Krastev and Stephen Holmes, the situation with Hungary turns out to be even more difficult. These authors believe that the Hungarians, who overthrew the Soviet hegemony, are now trying to overthrow the "liberal-democratic empire administered by Brussels with American backing". The anti-liberalism of the Hungarians "is mostly fueled by nationalist resentment against the post-national European Union which cares nothing for Hungarian identity" [Krastev, Holmes 2019:116–117]. Hence, it is quite clear why the article for our journal by HSE Postgraduate Judas Everett raises the question of whether Poland and Hungary can be considered consolidated democracies. The article shows that Poland and Hungary intend to actively influence the evolution of the European integration project, whether transforming the agenda (as during the migrant crisis), or creating a new European political grouping.

The role of parties in the political life of Great Britain is analyzed in several articles in our issue. The political life of Great Britain is of great interest to political scientists for many reasons. In particular, the country shows a unique combination of the values of British democracy and constitutional monarchy, which was

³ See [Bolonina 2021] for extended analysis of the political reasons for the "non-recognition" of the Eurasian Union by the EU, among which are the strained relations between the Russian Federation and the EU countries, as well as the attitude of Europeans to the EAEU as an instrument for promoting the format of regional integration, alternative to the European one.

⁴ Chizhov V. The COVID-19 epidemic: the future of "European unity" and the EU's foreign policy. *The Russian International Affairs Council (RIAC)*. Retrieved June 10, 2020, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/epidemiya-covid-19-budushchee-evropeyskogo-edinstva-i-vneshney-politiki-es/> (in Russian).

seriously put to test during the Brexit period, splitting the country in half between the supporters and the opponents of leaving the EU. The UK is now in the process of forming its own foreign and defense policy, while refusing to discuss it with Brussels [Khakhalkina 2021], and is revising the political ideologies on which party life was based [Aleshin 2019]. Brexit also proved to be a serious challenge for the national identity of a state entity as complex as the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, since the majority of the population of Scotland and Northern Ireland had no wish of leaving the EU, and the majority of the English were inclined towards the exit. The correlation of European and national (regional) identity is widely discussed and interpreted in the modern political life of France [Alekseev, Fomin 2020] and the United Kingdom⁵.

In this regard, the influence of political ideologies of radicalism and regionalism in the UK under the country's exit from the EU grabbed the attention of our authors. On the example of the UK Independence Party, the article by M.S. Golovin, a researcher from Chelyabinsk State University, reveals how the ideological base of the right-wing radical party was being formed in the initial period after the state's withdrawal from the EU. The article shows how one of the leading far-right parties in the UK constructs its discourse, using the most painful issues for the society in the framework of political struggle. M.V. Grabevnik, a researcher from Perm State National Research University, considers the influence of the ideology of regionalism on the example of the evolution of four regionalist parties in the UK. The author proposes a method for measuring and evaluating regionalism by studying the influence of regionalist parties in different political and institutional conditions

Theoretical and methodological problems of political science are considered in articles devoted to studies of the formation of future political leaders, GR-management, and political-psychological characteristics of the heads of Russian regions. Regarding the first problem, MGIMO Postgraduate Jozef Hrabina attempts to determine the scale of the impact of current challenges on future political leaders. The author suggests that the mindset of future leaders will be largely shaped by the shift to multipolarity, in which international relations will be determined by the balance of power logic. He also claims that future politicians will have to deal with emergencies generated by the climate crisis, pandemics and industrial revolutions 4.0 and 5.0 on a global scale. V.V. Romanychev assumes that the sphere of interactions between the government and the business has an interdisciplinary character. However, most of the scientific works on GR studies are narrowly focused, practical and analytical in nature, which does not allow us to consider GR as a system or its embeddedness in the political structure. The author proposes several options for a system methodology, which integrate various methodological

⁵ Francis Fukuyama [Fukuyama 2018:206, 208] draws special attention to the problem of identity on a global scale. He is concerned that in the EU, each of the 28 member states “continues to zealously defend national prerogatives”. To ensure the success of liberal globalization and limit the growth of populism, he sets the task of forming a national identity based on the fundamental ideas of modern liberal democracy.

strategies for a comprehensive analysis of GR activities. Regarding the third problem, A.I. Matiusova, a Postgraduate Student at the Lomonosov Moscow State University, makes an overview of research works on the political and psychological characteristics of the heads of Russian regions. The author concludes that in nowadays Russian political science, within the framework of the political-psychological approach, significant materials have been accumulated on the subject characteristics of the Russian governor's corps. However, it is not properly reflected in the current studies on the regional elites of modern Russia.

In general, this issue of our journal complements and expands the picture of the current state of democratic development of Western and non-Western countries in the context of globalization, which is currently at the stage of transitioning from American monopolarity to multipolarity, from imitation of the Western liberal-democratic project to the search for individual development projects. The desire to preserve and strengthen sovereignty, to move away from liberal and market fundamentalism is shown quite convincingly on the example of such different countries as Russia, Turkey, Hungary, Poland. After leaving the EU, the UK also confirmed its desire to pursue an independent policy, not limiting itself to the framework of the European integration project, creating "Global Britain", implementing its own integration project of the British Commonwealth of Nations. The great attention of our authors to the problem of identity was manifested in their interesting conclusions. The authors showed that, in the course of state-building process in the post-Soviet countries, which declared their choice in favor of the liberal-democratic project shortly after the collapse of the Soviet Union, these countries were obliged to construct their new identity by imitating democratic development.

The articles also showed the difficulties faced by the European identity, which has always been characterized as allegedly based on a set of common values, as well as described how the practical implementation of the concept of consolidated democracy in the EU member states is being questioned. Our authors identified the problems of national identity of certain parts of the United Kingdom under the Brexit process, which leads to an increase in the influence of regional political parties and the transformation of right-wing radical movements. Regarding Russia's interests, the materials of this issue allow for outlining the prospects of further research on the ways of establishing the most effective relations with world and regional powers, the opportunities to protect sovereignty and geopolitical interests of Russia, as well as the mechanisms of forming Russia's post-Soviet identity at the national and regional levels.

Received: 05.05.2021

Accepted: 10.05.2021

References

- Alekseev, A.V., & Fomin, I.V. (2020). "We, the defenders of nations and liberties". How the EU populist radical right discursively constructs identities: the case of the Rassemblement National. *Political science (RU)*, 4, 128–156. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.07> (in Russian).

- Aleshin, A.A. (2019). UK Political Elite Approaches to National Security and Defense after Brexit. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(4), 8–26 (in Russian).
- Bolonina, A. (2021). Political aspects of “non-recognition of the EAEU by the European Union. *Contemporary Europe*, 1, 200–208. DOI: 10.15211/soveurope12021200208 (in Russian).
- Krastev, I., & Holmes, S. (2019). *The Light that Failed. A Reckoning*. Allen Lane.
- Pochta, Yu.M. (2020). Islamism and nationalism in the Greater Middle East: Enmity or symbiosis? *Asia and Africa Today*, 3, 4–11. DOI: 10.31857/S032150750008741-7 (in Russian).
- Khakhalkina, E. (2021). “Global Britain”: from idea to implementation. *Contemporary Europe*, 1, 21–32. DOI: 10.15211/soveurope120212132 (in Russian).
- Fukuyama, F. (2018). *Identity: The demand for dignity and the politics of resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

About the authors:

Piotr Dutkiewicz – PhD in Political Science, Professor of Political Science and Director, Centre for Governance and Public Management, Carleton University (Canada) (e-mail: piotr.dutkiewicz@carleton.ca) (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116).

Yuriy M. Pochta – Doctor of Philosophy, Full Professor, Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID ID: 0000-0001-9600-2665).

Сведения об авторах:

Дуткевич Петр – доктор политических наук, директор Центра государственного управления и общественной политики, профессор Карлтонского университета (Канада) (e-mail: Piotr.Dutkiewicz@carleton.ca)(ORCID ID: 0000-0001-9749-9116)

Почта Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID ID: 0000-0001-9600-2665).

ГЕОПОЛИТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ GEOPOLITICS AND PROSPECTS FOR DEMOCRACY

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363

Научная статья / Research article

Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе

В.А. Аватков, П.А. Гудев

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Черноморский регион имеет особое геополитическое значение как минимум для двух относящихся к нему государств – России и Турции. В целях выявления ключевых факторов, осложняющих региональное сотрудничество двух стран, рассмотрены основные проблемы российско-турецкого взаимодействия на Черноморском пространстве в условиях процесса посткризисного восстановления двусторонних отношений после инцидента 2015 г. Региональные противоречия Москвы и Анкары во многом обусловлены разными позициями по вопросу присоединения к России Крыма, режима судоходства Черноморских проливов, а также политики пантюркизма, проводимой Турцией в отношении тюркоязычных народов региона для формирования «тюркского мира». Авторы обосновывают вывод о необходимости дальнейшего укрепления многовекторного двустороннего сотрудничества с Турцией и уделения особого внимания сфере безопасности и инициативам в гуманитарной плоскости.

Ключевые слова: Россия, Турция, Украина, Черноморский регион, Крым, Босфор, Дарданеллы, канал «Стамбул», НАТО, пантюркизм

Для цитирования: Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363

Geopolitics of Russian-Turkish Relations in the Black Sea Region

V.A. Avatkov, P.A. Gudev

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The Black Sea region has a special geopolitical significance for at least two states – Russia and Turkey. In order to identify the key factors that complicate regional cooperation between

© Аватков В.А., Гудев П.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

the two countries, the article considers the main problems of Russian-Turkish cooperation in the Black Sea area under the conditions of post-crisis resumption of bilateral relations after the 2015 incident. Regional contradictions between Moscow and Ankara are largely caused by different positions on such issues as Crimea's joining to Russia, the regime of the Black Sea Straits as well as the policy of pan-Turkism pursued by Turkey towards the Turkic-speaking peoples of the region in the strive to form a "Turkic world". In conclusion the authors explain the need to further strengthen versatile bilateral cooperation with Turkey and to pay special attention to security and humanitarian fields.

Keywords: Russia, Turkey, Ukraine, Black Sea region, Crimea, Bosphorus, Dardanelles, Istanbul Canal, NATO, pan-Turkism

For citation: Avatkov, V.A., & Gudev, P.A. (2021). Geopolitics of Russian-Turkish relations in the Black Sea Region. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 348–363. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363

Введение

Российско-турецкие отношения проходят период активного восстановления после трагических инцидентов, связанных со сбитым российским военным самолетом и убийством российского посла А.Г. Карлова. Основой положительного взаимодействия двух стран продолжает оставаться экономика, однако – особенно после произошедшего кризиса – укрепляются контакты и в сфере безопасности. Ключевыми проектами взаимодействия остаются как действующий Голубой поток, запущенный в январе 2020 г. Турецкий поток, атомная станция Аккую, так и сотрудничество в треугольнике Россия–Турция–Иран в Сирии, а также поставки С-400. И несмотря на то, что Черноморский регион был исторически конфликтной зоной между Россией и Турцией, в последнее время у двух держав начинает складываться понимание перехода от соперничества к кооперации. Это обусловлено в том числе и трансформацией внешнеполитического курса Турции: Анкара переходит от позиции ведомого к более самостоятельной политике в регионе.

Такого рода самостоятельность в Черноморском регионе, с одной стороны, представляется позитивной с точки зрения России и мира – не нужно каждый раз думать, чем руководствуется Анкара – своими или американскими интересами. С другой стороны – таит много угроз в связи с амбициозностью политики Турции на постсоветском пространстве и территориях бывшей Османской империи. Кроме того, не стоит упускать из внимания тот факт, что Турецкая Республика является членом Североатлантического альянса и при всем своем стремлении к независимому курсу не может (и не хочет?) его полностью оторвать от союзнических обязательств. Современной Анкаре свойственно «маятниковое» поведение во внешнеполитических делах. Турция легко превращает бывших соперников в союзников и наоборот, и российской стороне, особенно в свете имевших место инцидентов, необходимо учитывать данный факт при выстраивании политической линии в отношении Турции.

Краткая характеристика взаимодействия

Следует иметь в виду, что при всех положительных составляющих экономического взаимодействия с Россией Турция за счет ряда экономических и политических проектов (в частности ОЧЭС) пытается стать лидером в Черноморском бассейне и экономическим хабом торговых путей по линиям Север–Юг, Запад–Восток. Важно, что в данном контексте Турецкая Республика постепенно отдаляется от российских инициатив, отказываясь от посредничества Москвы на этом направлении. Наглядным примером изменения региональных приоритетов государства в пользу единоличной гегемонии является резкое снижение закупок российского газа в 2020 г., фактически означающее отказ от реализации в полном объеме совместного проекта «Турецкий поток».

Кроме того, Р.Т. Эрдоган объявил о найденных в Черном море больших запасах природного газа и намерении Анкары начать добычу в 2023 г.¹, что в очередной раз подтверждает амбициозные планы Турции. Отдельного внимания заслуживает и политика Турции относительно Абхазии, которую Анкара не признает в качестве независимого государства, но при этом активным образом укрепляет свое влияние на территории страны, и в первую очередь – влияние экономическое.

Вместе с тем в последнее время Турция активизировала украинский вектор своей внешней политики: участвовавшие взаимные визиты лидеров Турции и Украины, резкий скачок товарооборота, в том числе в области поставок Турцией вооружений, переговоры о заключении соглашения о свободной торговле² свидетельствуют о переориентации Турции и о том, что Анкара старается вовлечь Киев в орбиту своего влияния, используя черноморский и крымский факторы как одни из главных методов воздействия.

Тем не менее у Москвы и Анкары все же есть несколько совпадающих интересов – это потребность усиления держав в рамках формирующейся полицентричной системы международных отношений, стремление не допустить укрепления в регионе внерегиональных акторов и желание минимизировать конфликтный потенциал.

При этом у России и Турции есть с точки зрения взаимодействия в регионе и одна существенная проблема. Турция на протяжении 30 лет вкладывала большое количество ресурсов в укрепление пантюркизма на всем постсоветском пространстве, для нее воссоединение Крыма с Россией оказалось неожиданностью и существенно повлияло на потенциал расширения «тюркского мира» по-турецки. Россия во всеуслышание вновь заявила, что является покровителем тюрков как минимум не меньше, чем турки. Более того, Москва старается продемонстрировать, что она не навязывает доминирование (в отличие от

¹ Турция нашла в Черном море 85 миллиардов кубометров газа // РИА Новости. 17.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201017/turtsiya-1580282935.html> (дата обращения: 23.11.2020).

² Украина нацелена на заключение соглашения о свободной торговле с Турцией // Агентство «Анадолу». 21.08.2020. URL: Украина нацелена на заключение соглашения о свободной торговле с Турцией (aa.com.tr) (дата обращения: 24.11.2020).

Турции), а пытается учитывать интересы местного населения, в частности, строя школы, мечети и расширяя статус крымскотатарского языка.

Однако подобные усилия едва ли воспринимаются в позитивном ключе Анкарой. Современные идеи пантюркизма, распространяемые Турецкой Республикой, прочно закрепились в ее неофициальной внешнеполитической идеологии неосманизма, в рамках которой территории Крымского полуострова рассматриваются как неотъемлемая сфера влияния Турции, что в значительной степени представляет угрозу национальной безопасности России.

Жесткая риторика Анкары относительно Крыма, поддержка «меджлисовцев», награждение орденами, спонсирование протурецких крымских фондов – закономерная реакция на произошедшее с точки зрения турецких интересов и ценностей. Следует в особенности подчеркнуть, что во внешнеполитическом курсе Турции часто главенствует идейный фактор, который определяет проводимые линии. Однако парадокс заключается в том, что прагматизм доминирует в сознании политического истеблишмента. Следует полагать, что, с учетом экономического взаимодействия России и Турции, последняя рано или поздно перейдет к прагматике и в отношении Крыма. Однако на это потребуется время, особенно в условиях роста националистических тенденций в Турецкой Республике.

Крымский полуостров

Турция пристально следит за событиями на Крымском полуострове. Ее предельно волнует положение крымскотатарского населения, и она, безусловно, готова проявить негласную солидарность с Украиной, которая активно акцентирует на этом внимание международного сообщества.

Так, Украина еще в 2014 г. подала несколько исков в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) против России, касающихся нарушений Европейской конвенции по правам человека³. Они, помимо прочего, касались ограничений прав крымскотатарского сообщества в Крыму (незаконные аресты, исчезновение оппозиционных активистов, языковые ограничения)⁴. ЕСПЧ продолжает рассмотрение этих исков.

16 января 2017 г. Украина инициировала судебное разбирательство в рамках Международного Суда ООН против России, обвиняя последнюю в нарушении положений Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.)⁵. В части иска, который непосредственно касается Крыма, Киев

³ Общее количество персональных исков в ЕСПЧ по событиям в Крыму и на Востоке Украины насчитывает более 4 тыс.

⁴ Grand Chamber to examine four complaints by Ukraine against Russia over Crimea and Eastern Ukraine // European Court of Human Rights. 09.05.2018. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf?library=ECHR&id=003-6081540-7832894&filename=Relinquishment%20to%20Grand%20Chamber%20of%20four%20interstate%20cases%20Ukraine%20v.%20Russia.pdf> (accessed: 23.11.2020).

⁵ Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine

обвиняет Москву в том, что незаконная оккупация полуострова привела к проведению политики «этнического доминирования». Имеется в виду, что Россия проводит государственную кампанию по дискриминации всего нерусского населения полуострова в виде «культурных чисток»⁶. Россия, как указывается, пресекает деятельность институтов крымскотатарского сообщества, препятствует их культурному сближению и развитию, создает режим «убийств и исчезновений», осуществляет преследования крымских татар, ограничивает работу СМИ и права на получение образования.

Так, это касается введения в апреле 2016 г. запрета на деятельность Меджлиса крымскотатарского народа и признание его экстремистской организацией⁷, а также арестов нескольких членов Меджлиса за проведение незаконного собрания и непризнание вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Им также не дают право на проведение ежегодных мероприятий, связанных с памятью жертв сталинских депортаций.

На основе этих данных делается вывод о том, что под угрозой находится само существование крымскотатарской культуры на полуострове, и приводятся показатели о качественном сокращении крымскотатарского населения с 243 тыс. человек до 42 тыс.

Принимая во внимание высказанные обвинения, Украина настаивала на том, чтобы Международный Суд принял решение о введении так называемых временных мер, предполагающих фактическую «заморозку» ситуации с целью недопущения дальнейших нарушений со стороны России. По вопросу расовой дискриминации суд обязал Москву воздержаться от ущемления прав крымских татар и гарантировать возможность обучения на украинском языке.

Требование выполнить рекомендации Международного Суда об отмене запрета Меджлиса и обеспечить обучение на украинском и крымскотатарском языках на полуострове было зафиксировано также в «Резолюции по правам человека в аннексированном Крыму» ГА ООН от 19 декабря 2017 г.⁸, рассмотрение которой инициировала Украина, а Турция проголосовала «за»⁹.

v. Russian Federation) // International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/166> (accessed: 20.11.2020).

⁶ Request for the indication of provisional measures of protection submitted by Ukraine // International Court of Justice. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/19316.pdf> (accessed: 20.11.2020).

⁷ Запрет, введенный Россией, был связан с обвинениями в том, что лидеры Меджлиса сотрудничают с наемниками ультраправых радикальных структур (например, турецкие «Серые волки»), а также террористических организаций, таких как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (организация запрещена в РФ).

⁸ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2017 года [по докладу Третьего комитета (A/72/439/Add.3)] 72/190. Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/72/190> (дата обращения: 20.11.2020).

⁹ Поощрение и защита прав человека: положение в области прав человека и доклады специальных докладчиков и представителей. A/72/439/Add.3 // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/72/439/Add.3> (дата обращения: 20.11.2020).

При этом проявляя солидарность с крымскими татарами в вопросе «культурных чисток» и «дискриминации», Турция зачастую забывает о том, что сама является инициатором подобных мер на тюркском пространстве СНГ и территориях тюркоязычных субъектов России. Так, пропагандируя туркоцентричные идеи интеграции в рамках «тюркского мира» под предлогом наличия общих ценностей и этнокультурного единства, официальные лица Турецкой Республики не только пренебрегают вопросом национальной идентичности, но и не принимают во внимание историко-цивилизационные особенности и различия тюркских народов [Почта 2019:624], многие из которых не имеют очевидных связей с Турцией.

Украинский фактор

На российско-турецкие отношения накладывает свой отпечаток и другой иск, поданный Украиной против России в Международный Трибунал по морскому праву и переданный по процедуре в Постоянную Палату Третейского Суда (ППТС). Данный иск касается нарушений Россией прав Украины в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁰ В частности, украинская сторона, не признавая новую государственную принадлежность Крыма, указывает на нарушение ее прав в прилежащих к Крыму морских акваториях. Москва отказалась признать юрисдикцию Арбитража на том основании, что украинский иск целиком и полностью касается вопроса о суверенитете над Крымским полуостровом, а значит, не может быть рассмотрен в рамках формата интерпретации и применения норм и положений Конвенции 1982 г.

Проблема заключается в том, что Турция продолжает считать Крым территорией Украины, нередко называя присоединение полуострова к России «незаконной аннексией»¹¹. Такая позиция предполагает, что Анкара считает акватории вокруг Крыма украинскими, а не российскими. Более того, в рамках турецкого неоосманизма, предполагающего лидерство Турции на постосманском пространстве (о чем в том числе в своей работе пишет А. Давутоглу [Davutoğlu 2009]), не исключено, что Турция сама претендует на территорию Крыма, несмотря на то что избегает прямых заявлений на этот счет.

Теоретически турецкая сторона имеет возможность обращаться за получением разрешения на осуществление тех или иных видов морехозяйственной деятельности (например, проведение морских научных исследований в пределах исключительной экономической зоны или же на континентальном шельфе), когда такое предписано Конвенцией 1982 г., не к российской, а украинской стороне. Несомненно, сама возможность возникновения такой ситуации ставит российско-турецкие отношения в более конфликтные рамки.

¹⁰ Dispute Concerning Coastal State Rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait (Ukraine v. the Russian Federation) // Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/ru/cases/149/> (accessed: 20.11.2020).

¹¹ Эрдоган подтвердил Зеленскому непризнание «незаконной аннексии» Крыма // Lenta.ru. 16.10.2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/10/16/krym/> (дата обращения: 23.11.2020).

Вопрос морских границ

Еще одна проблема, напрямую связанная с вышеуказанным сюжетом, касается признания Турцией новых морских границ (ИЭЗ и континентального шельфа) между нашими странами в акватории Черного моря. Эти границы были согласованы между СССР и Турцией в 1978 и 1987 гг.¹² После развала СССР здесь появились уже новые, но совпадающие с предыдущими границы между Турцией и Украиной, Турцией и Россией, Турцией и Грузией. Вхождение Крыма в состав Российской Федерации де-факто привело к ликвидации участка турецко-украинской границы. Однако непризнание Турцией новой государственной принадлежности Крымского полуострова ставит вопрос о квалификации с ее стороны этого нового участка морской границы.

Россия, безусловно, крайне заинтересована в том, чтобы данные изменения были переподтверждены в рамках нового российско-турецкого соглашения, как это было сделано Турцией в 1997 г. в отношении участка турецко-грузинской морской границы¹³. Однако ожидать такого шага с турецкой стороны в настоящий период времени не представляется возможным, так как он будет означать де-юре признание российской принадлежности Крымского полуострова. Соответственно, неурегулированность данной ситуации может оказывать негативное влияние на состояние двусторонних отношений.

Регламент судоходства

Элемент конфликтности в российско-турецкие взаимоотношения вносит и то обстоятельство, что Анкара поддержала практические шаги Украины по закрытию крымских портов и приняла в 2017 г. решение о запрете для судов, прибывающих из портов Крыма или направляющихся в порты Крыма, заходить в порты Турции¹⁴.

В частности, Украина на уровне национального законодательства закрепила факт того, что временно оккупированной территорией Украины является не только сухопутная часть Крымского полуострова, но и все морские зоны вокруг него, в которых запрещены любые виды морских сообщений, за нарушение этих требований предусмотрено уголовное наказание¹⁵. Был

¹² Limits in the Sea No. 109. Continental Shelf Boundary Turkey – USSR and Straight Baselines: USSR (Black Sea) // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/58383.pdf> (accessed: 22.11.2020).

¹³ Maritime Claims Reference Manual. Turkey // U.S. Navy Judge Advocate General's Corps. URL: <http://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/Turkey2016.pdf> (accessed: 22.11.2020).

¹⁴ Турция официально запретила принимать суда, прибывшие из Крыма // Примечания. 21.03.2017. URL: https://primechaniya.ru/home/news/mart_2017/turciya_oficialno_zapretila_prinimat_suda_pribyvshie_iz_kryma/ (дата обращения: 22.11.2020).

¹⁵ Закон Украины «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовой режим на временно оккупированной территории Украины» [The Law of Ukraine “On ensuring the rights and freedoms of citizens and the legal regime in the temporarily occupied territory of Ukraine”] (In Ukr.) // Верховная Рада Украины. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1207-18> (дата обращения: 14.03.2019).

принят закон о закрытии всех крымских портов¹⁶, а затем это же положение было проведено через Международную морскую организацию (ИМО), где Украина, совместно с Грузией, выступила с декларацией, согласно которой все крымские порты, незаконно оккупированные Россией, закрыты, и никакие суда/корабли не имеют права захода в них без разрешения Киева¹⁷. В дополнение к этому Украина ведет реестр судов-нарушителей, которые незаконно, с ее точки зрения, заходили в Крымские порты¹⁸. В этом списке было немало турецких судов¹⁹.

Турция приняла решение, согласно которому администрациям турецких портов не разрешается принимать суда из портов Крыма, а также запрещается отход судов из турецких портов в порты полуострова. Турецкие судовладельцы, которые достаточно активно заходили в порты Крыма с 2014 г., возглавляя третье место по судозаходам после российских и украинских, практически перестали заходить в них²⁰. Таким образом, Турция официально присоединилась к «морской блокаде» Крыма, а Украина продолжает настаивать на том, чтобы эта практика, включая арест и задержание судов, была поддержана всеми другими государствами не только Черноморского региона. Пример Турции в данном случае является крайне неприятным прецедентом для России.

НАТО в Черноморском регионе

Определенную неизвестность в двусторонние отношения в черноморском регионе вносят анонсированные в апреле 2019 г. планы руководства Североатлантического альянса по усилению своего присутствия в акватории Черного моря [Петров 2018:24] в качестве реакции на усиление военно-морских возможностей России и ее поведение в Керченском проливе и

¹⁶ Закон Украины «О закрытии морских портов» [The Law of Ukraine “On the Sea Ports closing”] (In Ukr.) // Верховная Рада Украины. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0690-14> (дата обращения: 12.03.2019).

¹⁷ IMO Maritime Safety Committee. 97th session, MSC 97/4/2, 19 September 2016. Safety and security of navigation in the North-Eastern part of the Black Sea Submitted by Georgia and Ukraine // International Maritime Organization. URL: <https://docs.imo.org/Shared/Download.aspx?did=99517> (accessed: 15.03.2018).

¹⁸ Прокуратура АРК сотрудничает с Мининфраструктуры, МТОТ, ДПС и ДФС в направлении фиксации судов, которые заходят в закрытые порты Крыма // Прокуратура Автономной Республики Крым и Севастополя. URL: https://ark.gp.gov.ua/ua/news.html?%20_m=publications&_t=rec&id=223589 (дата обращения: 21.11.2020).

¹⁹ Реальные судовладельцы крымского «черного списка» – расследование BSNews // Майдан иностранных дел. 14.05.2017. URL: <https://www.mfaua.org/ru/projects/realnye-sudovladeltsy-krymsko-ho-cherneho-spyska-rassledovanye-bsnews> (дата обращения: 22.11.2020).

²⁰ В течение 14 месяцев МТОТ зафиксировано 1207 судозаходов и грузовых танкеров в порты оккупированного Крыма // Министерство по вопросам реинтеграции временно оккупированных территорий Украины. URL: <https://mtot.gov.ua/ua/vprodovzh-14-misyatsiv-mtot-zafiksovano-1207-zahodiv-suden-ta-vantazhnyh-tankeriv-do-portiv-okupovanogo-krym> (дата обращения: 20.11.2020).

Азовском море²¹. Речь идет, прежде всего, об усилении разведывательных мероприятий, включая воздушную разведку, а также увеличении присутствия кораблей стран НАТО²².

Турция, являясь членом НАТО, с одной стороны, активно вовлечена в проведение военно-морских учений и маневров Альянса в Черном море. Так, например, сразу после саммита НАТО в начале апреля 2019 г. здесь состоялись большие военно-морские учения «Морской щит 19» с привлечением кораблей Румынии, Болгарии, Канады, Греции, Нидерландов и Турции. Кроме того, Турция самостоятельно усиливает свои возможности: в 150 км от границы с Грузией начато строительство базы ВМС в Сюрмене, которая призвана дополнить уже имеющиеся базы в Синопе и Самсуне.

С другой стороны, вероятно, и далее будет сохраняться тенденция, согласно которой Анкара будет поддерживать подход по обеспечению безопасности в Черном море исключительно усилиями черноморских государств. И хотя Турция без одобрения смотрит на усиление военно-морских возможностей России здесь, пытаясь не допустить превращения Черного моря в «российское озеро» и претендуя на роль регионального лидера, это не мешает ей скептически относиться как к усилению внерегионального присутствия, так и созданию военно-морской коалиции региональных государств в противовес России. Так, Турция не поддержала румынский проект 2016 г. по формированию в рамках НАТО «Союзнической флотилии» на Черном море.

Однако существующие планы НАТО фактически означают частичное возрождение румынской идеи. Во всяком случае, принимая во внимание ограничения Конвенции Монтрё 1936 г. по классу²³, конкретному²⁴ и общему тоннажу²⁵, а также времени пребывания²⁶ военных кораблей нечерноморских государств в акватории Черного моря, усиление их присутствия здесь может быть осуществлено на ротационной основе. При этом речь может также идти об укреплении военно-морских возможностей других членов НАТО – Болгарии и Румынии и отдельно – Украины и Грузии. Им могут

²¹ Пресс-конференция Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга в преддверии встречи министров иностранных дел стран НАТО в Вашингтоне, округ Колумбия, 3 и 4 апреля 2019 года // Организация Североатлантического договора. 01.04.2019. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_165174.htm (дата обращения: 20.11.2020).

²² Так, в 2014 г. корабли внерегиональных государств находились в акватории Черного моря около 250 дней в году (корабли 6-го Флота США присутствовали здесь около 150 дней). В 2015 г. произошло снижение до 180, в 2017 – до 80, в 2018 – началось увеличение времени пребывания до 120 дней. Планы на 2019 г. не озвучены, но очевидно одно: скорее всего, произойдет увеличение времени пребывания в течение календарного года, как и увеличение количества присутствующих кораблей.

²³ Проход подводных лодок и авианосцев нечерноморских государств запрещен.

²⁴ Корабли водоизмещением не более 10 тыс. тонн каждый.

²⁵ Общий тоннаж при проходе – не более 15 тыс. тонн; присутствие в акватории Черного моря – не более 45 тыс. тонн, и не более 30 тыс. тонн со стороны одного государства-флага.

²⁶ Не более 21 дня для каждого корабля.

быть предоставлены как находящиеся в резерве стран НАТО военные корабли и катера, так и те, которые планируется вывести из эксплуатации.

Отношение Турции к этому натовскому проекту пока не озвучено. С одной стороны, Анкара не может ограничить общее время пребывания всех военных кораблей нечерноморских государств, приходящих сюда на ротационной основе в течение года, как и их предельное количество за год, за исключением ограничений, которые уже прописаны в Конвенции Монтрё. С другой – практические действия Турции свидетельствуют о ее попытках создать определенные препятствия на пути усиления военно-морских возможностей региональных государств.

Так, в сентябре 2018 г. была принята новая Инструкция по применению Правил движения морских судов через Турецкие проливы²⁷. В ней, в частности, было зафиксировано, что теперь все гражданские суда, перевозящие военные корабли в качестве груза, будут приравниваться к военным кораблям, а значит, на них будут распространяться все конвенционные ограничения. Без сомнений, данное нововведение может отразиться и на условиях российского военного транзита, но в большей степени оно касается попыток США усилить военно-морскую компоненту своих союзников на Черном море.

Конвенция Монтрё: «за» или «против»?

Турция, безусловно, крайне заинтересована в том, чтобы режим Конвенции Монтрё сохранял свою дееспособность. Это один из наиболее старых правовых режимов, действующих в отношении проливов, который дает Турции преимущественные права по контролю за военным судоходством. Ликвидация этого режима означала бы на практике, что здесь были бы применимы нормы и положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., черноморские проливы в ее рамках получили бы статус международных с правом транзитного прохода²⁸. Этим правом могли бы пользоваться абсолютно все государства, оно было бы применимо в отношении всех гражданских судов и военных кораблей, более того – транзитный проход не мог бы быть приостановлен. Заход в акваторию Черного моря не был бы ограничен ни классом, ни водоизмещением, ни сроком пребывания военных кораблей, а подводные лодки и авианосцы нечерноморских стран получили бы возможность захода

²⁷ Türk Boğazları Deniz Trafik Düzeni Tüzüğü Uygulama Talimatı (TBDDTD) [Turkish Straits Maritime Traffic Order Regulation Application Instruction] (In Turk.) // Istanbul and Marmara, Aegean, Mediterranean, Blacksea Regions Chamber of Shipping. URL: <http://www.denizticaretodasi.org.tr/sayfalar/sirkulerdetay.aspx?DUYURU=10734&en=false> (accessed: 15.11.2020).

²⁸ Турция не является участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., что теоретически дает ей право не соблюдать те или иные конвенционные нормы, которые были новеллами международного морского права (например, право транзитного прохода через международные проливы) и не получили статус норм международного обычного права (так называемый международный обычай). США со своей стороны считают Конвенцию 1982 г. документом, кодифицирующим нормы обычного права, а значит, ее положения должны быть обязательны для исполнения всеми государствами, в том числе ее не ратифицировавшими.

в эту акваторию. Таким образом, Россия тоже заинтересована в том, чтобы этот режим не подлежал размыванию, так как он полностью соответствует интересам ее национальной безопасности.

Турция, за очень редким исключением²⁹, выполняет свои обязательства в рамках Конвенции Монтрё. Так, в частности, во время событий 2008 г. в Южной Осетии США пытались провести госпитальные суда Mercy и Comfort водоизмещением 65 и 70 тыс. тонн соответственно с целью оказания гуманитарной помощи Грузии, но Турция на абсолютно легальных основаниях отказала им в проходе, что вызвало крайне болезненную реакцию в Вашингтоне. Данный пример – наглядное свидетельство того, что Россия более чем заинтересована в Турции как сильном региональном партнере, обеспечивающем баланс безопасности в Черном море.

Крайне провокационным в данном случае выглядит позиция украинского руководства, которое выступает с идеей закрытия черноморских проливов для России в качестве ответа на развитие ситуации в Керченском проливе. Акцент делается на том, что Россия и Украина находятся в состоянии войны, а значит, Турция должна закрыть проход для военных кораблей ВМФ России как «воюющей Державы» (ст. 19).

Закрытие проливов также допускается Конвенцией Монтрё, но только в тех случаях, когда: а) Турция участвует в войне (ст. 20); или же б) Турция, не будучи воюющей стороной, посчитает себя «находящейся под угрозой непосредственной военной опасности» (ст. 21). Последняя формулировка, безусловно, дает Турции возможность весьма гибко расценивать ситуации относительно того, находится ли она под угрозой непосредственной военной опасности или нет. При этом воспользоваться таким правом Анкара может лишь при уведомлении всех участников Конвенции, а необоснованность такого решения может быть оспорена³⁰.

На сегодняшний момент любая апелляция к данным положениям с турецкой стороны выглядит абсурдной, так как Россия и Турция не воспринимают друг друга как противники. Более того, Турция не склонна рассматривать конфликт на востоке Украины как факт войны между Украиной и Россией, не признавая последнюю в качестве страны-агрессора.

Тем не менее турецкая сторона, правда на неофициальном уровне, неоднократно спекулировала на том, что может перекрыть проливы для России за нарушение территориальной целостности Украины и дискриминацию крымских татар. Данные заявления, с наибольшей степенью вероятности, не следует воспринимать серьезно, однако такой «проливной» шантаж весьма характерен для турецкой стороны.

²⁹ В 2014 г. фрегат ВМС США Taylor превысил допустимые лимиты пребывания в Черном море в 21 сутки и из-за поломки винта по причине посадки на мель провел здесь 33 дня. Российский МИД был вынужден выразить свою озабоченность турецкой стороне по этому поводу.

³⁰ Можно полагать, что все права Совета Лиги Наций сегодня перешли к Совету Безопасности ООН.

Черноморские проливы и Россия

Российско-турецкие расхождения в отношении правового статуса черноморских проливов касаются исключительно торгового судоходства.

В мирное время все торговые суда пользуются правом полной свободы прохода через проливы без всяких ограничений, за исключением обязательной платы за санитарный осмотр и пошлины за содержание технического оснащения фарватера и спасательной службы. Они также обязаны сообщать турецким властям о своем названии, флаге, тоннаже, месте отправления и месте назначения. Однако Турция, используя экологическую риторику, выступает за значительное ужесточение режима гражданского судоходства в проливах.

С одной стороны, такие усилия турецкого правительства предельно понятны. Они обусловлены опасением повторения катастроф с нефтеналивными танкерами, а также фактом значительного увеличения объемов транспортировки нефти и других опасных веществ через проливы. С другой стороны, все вводимые Анкарой меры – принятие новых версий Регламентов (1982, 1994 и 1998 гг.) и Инструкций (2001, 2018 гг.) по их применению, требование об обязательной лоцманской (1999 г.) и буксирной проводках (2018 г.) – были сделаны ею в одностороннем порядке, без каких-либо предварительных консультаций с участниками Конвенции Монтрё.

С позиции Турции, она – как прибрежное государство – обладает полным суверенитетом над проливами и обязана вводить меры по ужесточению судоходства в целях обеспечения безопасности, в том числе экологической. Однако в Конвенции Монтрё на Турцию возложены определенные обязательства в отношении торгового и военного судоходства в проливах, – и это факт, свидетельствующий об ограниченном суверенитете Турции над проливами. Более того, Анкара не наделена полномочиями вводить какие-либо меры по регулированию без консультаций и согласия других участников. Само наличие Конвенции Монтрё, определяющей правовой режим судоходства в Черноморских проливах, указывает на то, что предмет правового регулирования находится в сфере международного, а не внутригосударственного права [Дремлюга 2013].

Любые попытки Анкары заменить режим Конвенции своим внутренним национальным законодательством с целью приблизить режим международного морского судоходства через черноморские проливы к режиму внутренних вод, закреплённому в Конвенции 1982 г., – являются незаконными. Никакие турецкие Регламенты не могут рассматриваться как официальные поправки к Конвенции, а подмена Анкарой понятия «свобода судоходства» на понятие «обеспечение безопасности судоходства», где второе выше первого, – чистая спекуляция [Котляр 2014].

Для России расширительное толкование Турцией своих полномочий – более чем неприемлемо, так как суда под российским флагом, включая нефтеналивные танкеры, или просто перевозящие российские грузы, крайне заинтересованы в свободе судоходства через проливы.

Канал «Стамбул»

Элемент неопределенности в отношении режима Конвенции Монтрё вносит амбициозный проект президента Р.Т. Эрдогана по строительству канала «Стамбул» к востоку от пролива Босфор, который будет соединять Мраморное и Черное моря. Строительство канала, скорее всего, не приведет к размыванию режима Монтрё, но, тем не менее, сможет несколько ухудшить ситуацию в области безопасности в черноморском регионе, в том числе и с точки зрения российских интересов.

С одной стороны, Конвенция Монтрё действует как в отношении Босфора, соединяющего Черное и Мраморное моря, так и пролива Дарданеллы – между Эгейским и Мраморным морями. Соответственно, путь к новому каналу из Эгейского моря в любом случае проходит через Дарданеллы, а это означает что все конвенционные ограничения на проход, прежде всего, военных кораблей нечерноморских стран – будут оставаться в силе [Занина 2014].

С другой стороны, пока теоретически, но с согласия турецких властей нахождение любого иностранного военного корабля водоизмещением не более 10 тыс. тонн в новом турецком канале, но не заходящего в акваторию Черного моря, уже может быть не ограничено конвенционным лимитом в 21 сутки. На практике это может означать возможность постоянного присутствия эсминцев ВМС США, равно как и других кораблей НАТО, в том числе с крылатыми ракетами на борту, на расстоянии примерно в 500 с лишним километров от базы российского флота в Севастополе (с согласия турецкого правительства).

Даже в рамках Конвенции Мотре предполагается, что с визитом вежливости в турецкие порты, находящиеся в проливе, могут заходить любые военные корабли внечерноморских государств, включая авианосцы, но без нанесения ущерба безопасности черноморских государств. Такая практика существовала во времена холодной войны, когда турецкие порты посещали с визитом вежливости даже американские авианосцы, хотя по Конвенции Монтрё их присутствие в акватории Черного моря прямо запрещено.

Следует также помнить, что проект строительства канала, параллельного Босфору, – не единственный. Сегодня, пока только на бумаге, существует и второй проект – канала, параллельного Дарданеллам из Эгейского в Мраморное море. Несмотря на то, что к этим каналам, как к искусственным гидротехническим сооружениям, будет полностью применимо турецкое национальное законодательство (Турция рассматривает планы по сбору средств за проход через каналы), в международном морском праве сложилась норма обычного права: в каналах, используемых или тех, которые могут использоваться для международного судоходства, должна соблюдаться свобода судоходства одинаково, как в отношении гражданских судов, так и военных кораблей для всех государств-флагов [Колодкин, Гуцуляк, Боброва 2007:249].

Однако между этими двумя прогнозируемыми каналами находится акватория Мраморного моря, воды которого являются по своему правовому статусу внутренними водами, находящимися под полным суверенитетом Турции. Соответственно, невозможность их не-пересечения позволяет турецкому правительству рассматривать эти два канала не как единую судоходную систему, а исключительно в индивидуальном порядке. Будет ли режим судоходства через эти каналы более либерализован, в том числе и под давлением международного сообщества (в частности США), или же Турции удастся отстоять, если не более жесткий, то как минимум идентичный Конвенции Монтрё режим применительно к ним, – зависит от усилий Анкары.

Заключение

На пространстве Черноморского региона Россия и Турция, с одной стороны, являются конкурентами в борьбе за региональное лидерство, с другой – имеют общие цели по сохранению региональной стабильности и предотвращению возникновения каких-либо крупномасштабных конфликтов. Очевидным является тот факт, что Турция стремится занять главенствующие позиции, и в этом вопросе имеет определенное преимущество, являясь единственной страной, контролирующей ключевые Черноморские проливы – Босфор и Дарданеллы. Однако, помимо важного вопроса проливов и судоходства, для Российской Федерации принципиальное значение имеет осуществляемая Турецкой Республикой политика пантюркизма, нацеленная на дестабилизацию региона и, в частности, входящего в состав России Крыма с межнациональной точки зрения. Для Москвы данный кейс скорее представляет собой вопрос не международной, а национальной безопасности, и основная задача России состоит в выработке эффективных механизмов, способных своевременно противостоять пантюркистским усилиям Турции.

Таким образом, в рамках идей неоосманизма Анкара старается закрепиться в Черноморском регионе за счет трех основополагающих факторов: *геополитического*, обусловленного выгодным географическим расположением страны и стремлением Турции использовать обстоятельства в своих целях; *партнерства*, заключающегося в поиске более ведомых и слабых с экономической и стратегической точек зрения союзников (Украина); а также *идеологического* [Аватков 2019:114], который включает в себя комплекс инструментов «мягкой силы», оказывающих влияние на тюркское население в целях продвижения протурецких ценностей.

Все эти факторы в значительной степени осложняют российско-турецкое взаимодействие в регионе. Для преодоления существующих проблем необходимо развивать сотрудничество во всех областях, не обходя стороной не только сферу безопасности, но и гуманитарную. Россия сильна в геополитическом плане, что позволяет ей сохранять позиции даже при отсутствии в регионе надежных союзников. Однако Москва существенно уступает Анкаре в

гуманитарно-идеологическом контексте. По этой причине России необходимо формировать собственные идеи и проекты, и в условиях активности Турции на Черноморском пространстве данный вопрос приобретает особую значимость.

Поступила в редакцию / Received: 24.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (4). С. 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Дремлюга Р.И. Международно-правовой режим Черноморских проливов // Lex Russica. 2013. № 10. С. 1107–1114.
- Занина В.А. Из Кремля Босфор не виден // Международная жизнь. 2014. № 6. С. 82–94.
- Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. 637 с.
- Котляр В.С. Международно-правовой режим черноморских проливов и политика Турции в вопросе о режиме проливов // Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина / сост. Р.А. Колодкин, С.М. Пунжин. М.: Статут, 2014. С. 182–205.
- Петров В.П. Геополитическое значение Крыма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 1. С. 21–30. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-21-30
- Почта Ю.М. Религия и политика в постсоветской России (на примере мусульманского фактора) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 620–632. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632
- Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu [Стратегическая глубина. Международное положение Турции]. Ankara: Küre Yayınları, 2009. 583 p. (In Turkish).

References

- Avatkov, V.A. (2019). Ideology and values in Turkey's foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), 113–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129. (In Russian).
- Davutoğlu, A. (2009). *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu* [Strategic depth. Turkey's international position]. Ankara, Küre Yayınları. 583 p. (In Turkish).
- Dremlyuga, R.I. (2013). International legal regime of the Black sea straits. *Lex Russica*, 10, 1107–1114. (In Russian).
- Zanina, V.A. (2014). The Bosphorus is not visible from the Kremlin. *The International Affairs*, 6, 82–94. (In Russian).
- Kolodkin, A.L., Gutsulyak, V.N., & Bobrova, Yu.V. (2007). *World ocean. International legal regime. Main problems*. Moscow, Statut. (In Russian).
- Kotlyar, V. S. (2014). International legal regime of the Black sea Straits and Turkey's policy on the Straits regime. In R.A. Kolodkin & S.M. Punzhin. *International law of the sea. Essays in memory of A.L. Kolodkin* (pp. 182–205). Moscow, Statut. (In Russian).
- Petrov, V.P. (2019). Geopolitical significance of the Crimea. *RUDN Journal of Political Science*, 1, 620–632. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-21-30. (In Russian).
- Pochta, Yu.M. (2019). Religion and politics in post-Soviet Russia (on the example of the Muslim factor). *RUDN Journal of Political Science*, 4, 620–632. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-620-632. (In Russian).

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-6345-3782).

Гудев Павел Андреевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: gudev@imemo.ru) (ORCID ID: 0000-0002-2951-6313).

About the authors:

Vladimir A. Avatkov – PhD in Political Science, Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-6345-3782).

Pavel A. Gudev – PhD in History, Leading Researcher at the Center for North American Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) (e-mail: gudev@imemo.ru) (ORCID ID: 0000-0002-2951-6313).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378

Научная статья / Research article

Консоциональная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития

А.А. Керимов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены ключевые проблемы организации и функционирования конфессиональной политической системы Ливанской Республики в настоящий период. Исследование выполнено в русле компаративистского подхода и по своему существу представляет собой сравнение ливанских реалий с идеальным типом консоциональной демократии с целью выявления страновых особенностей и поиска путей преодоления растущей нестабильности. В качестве главного аналитического инструмента используется концепция консоциональной демократии А. Лейпхарта. На основе анализа формирования и развития консоциональной системы Ливана определены ее исторические корни, а также сильные и слабые стороны. Рассматриваются внутренние и внешние причины ливанских политических кризисов, оцениваются возможные пути эволюции политического режима страны, включая перспективы трансформации консоциональной демократии в общегражданскую. Применительно к Ливану термины «консоционализм» и «политический конфессионализм» используются в качестве синонимов.

Ключевые слова: Ливан, политический конфессионализм, консоционализм, консоциональная демократия, общественная демократия, глубоко разделенные общества, религиозные общины, религиозные сегменты

Для цитирования: Керимов А.А. Консоциональная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 364–378. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378

Consociational Democracy in Lebanon: Modern Challenges and Development Prospects

A.A. Kerimov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article explores some key problems of the organization and operation of the Lebanese confessional political system. The study is carried out within the framework of the comparative approach and, in essence, is a comparison of the Lebanese realities with the ideal type

© Керимов А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

of consociational democracy in order to identify country specific features and find ways to overcome the growing instability. Arend Lijphart's consociational theory is used as the main analytical tool. Based on the analysis of the formation and development of the Lebanese consociational system, the study identifies its historical roots, as well as its strengths and weaknesses. The article examines the internal and external causes of the Lebanese political crises and assesses the possible ways of evolution of the country's political regime, including the prospects for the transformation of consociational democracy into a civil one. When applied to Lebanon, the terms "consociationalism" and "political confessionalism" are used as synonyms.

Keywords: Lebanon, political confessionalism, consociationalism, consociational democracy, deeply divided societies, religious communities, religious segments

For citation: Kerimov, A.A. (2021). Consociational democracy in Lebanon: Modern challenges and development prospects. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 364–378. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378

Введение

На протяжении нескольких десятилетий второй половины XX в. консоционализм как система аккомодации перманентно возникающих, порой весьма напряженных межсегментных политических конфликтов в глубоко разделенных обществах в целом успешно функционировал в некоторых государствах Европы.

В западном мире консоционализм был в полной мере реализован в Ливанской Республике, где, заметим, со всей очевидностью проявилось его сущностное, трудно разрешимое противоречие. Являясь всеобъемлющей системой политической коммуникации, которая гарантирует как определенные формальные институциональные механизмы, так и дополняющие их неформальные процедуры и практики, консоционализм одновременно способствует политизации и институционализации групповых идентичностей, что становится препятствием для надлежащего функционирования государства. Данное противоречие стало предметом постоянного внимания отечественных и зарубежных ученых. В частности, многие проблемы политического развития разделенных обществ были проанализированы в монографии «Метаморфозы разделенных обществ» [Метаморфозы разделенных... 2020]. Среди новейших публикаций, посвященных именно ливанской форме консоционализма, следует отметить работы, вошедшие в специальный выпуск журнала «Национализм и этническая политика» [Nagle, Clancy 2019; Vogaards 2019; Baumann 2019], а также труды А.В. Сарабьева [Сарабьев 2019].

Исследовательский вопрос настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: существуют ли на данном этапе политического развития Ливана реальные предпосылки к трансформации системы, базирующейся на конфессиональном представительстве, в систему, опирающуюся на общегражданскую идентичность?

Для ответа на этот вопрос ставятся следующие задачи:

1) изучить становление и развитие консоциализма в Ливане, который в данном конкретном случае воплощается в политическом конфессионализме – особом способе организации публичной власти, предполагающем ее пропорциональное распределение между этнорелигиозными сегментами;

2) проанализировать формально-юридические основания ливанского консоциализма;

3) осмыслить современное состояние консоциальной демократии Ливана, ее преимущества и недостатки;

4) определить возможные пути эволюции политического режима страны.

В качестве основного аналитического инструмента в статье использована концепция консоциальной (в русскоязычных исследованиях нередко именуемой общественной) демократии. Она была сформулирована А. Лейпхартом и наиболее полно изложена в его монографии «Демократия в многосоставных обществах» [Лейпхарт 1997] 1977 г.¹ Как отмечал сам автор, разработанная им теория являлась усовершенствованием и дополнением классической типологии политических систем Г. Алмонда [Almond 1956], в которой не нашлось места для некоторых малых европейских демократий.

Главную причину сохранения демократических режимов в условиях политизации межсегментного размежевания Лейпхарт видит в сотрудничестве различных элитных групп, являющихся выразителями воли своих сегментов, что и позволяет преодолевать субкультурные противоречия низового уровня. Институционально и функционально данное сотрудничество реализуется в следующем:

– наличие во власти так называемой большой коалиции, а также предоставление всем этнокультурным группам права взаимного вето при принятии политических решений, затрагивающих их интересы;

– следование принципу пропорциональности при назначении на государственные должности и дистрибуции средств госбюджета между сегментами;

– гарантирование каждой группе высокой степени независимости в управлении своими внутренними делами [Лейпхарт 1997:60–88].

Вышеперечисленные формы зачастую дополняются частными, кулуарными и неинституционализированными практиками взаимодействия².

¹ В русском переводе монография была опубликована в 1997 г.

² Наряду с упомянутыми факторами Лейпхарт выделяет и дополнительные, которые, хоть и не являются непременным условием успеха консоциальной демократии, благоприятно влияют на ее развитие. Среди них: примерное равенство сегментов как в демографическом, так и социально-экономическом и политическом плане, их немногочисленность (от 3 до 4), существование внешней угрозы, способствующей внутренней консолидации, небольшое население и размер территории страны, традиции урегулирования на уровне элит, а также надсегментные ориентации – общие ценностные категории, разделяемые всеми или, по меньшей мере, большей частью граждан многосоставного государства [Лейпхарт 1997:89–140].

Как писал сам Лейпхарт, смысл консоциализма – «не в устранении и не в ослаблении различий между сегментами, а в открытом признании их и превращении в конструктивные элементы стабильной демократии» [Лейпхарт 1997:78].

Несмотря на наличие более ранних работ [Lorwin 1971; Lehmbruch 1969; Lewis 1965], именно Лейпхарт создал наиболее целостную и универсальную теорию, предложив определение консоциализма, выделив его основные отличительные черты и обозначив возможные пути эволюции системы.

Становление консоциальной системы в Ливане

Ливанская Республика представляет собой один из немногих примеров относительно стабильного функционирования консоциальной демократии в незападном обществе.

В настоящий момент количество граждан, согласно оценкам частного ливанского статистического агентства Information International, составляет 5,5 млн человек. Из них христиане-марониты насчитывают 934 тыс., греко-православные – 329 тыс., последователи мелькитской греко-католической церкви – 213 тыс., сиро-яковитской православной церкви – 21 тыс., сирийской католической церкви – 13 тыс., халдейской православной и католической церквей – 3 тыс., православные армяне – 94 тыс., армяне-католики – 22 тыс., протестанты различных направлений – 20 тыс., представители других ветвей христианства – 33 тыс. Таким образом, общее количество христиан достигает 1,68 млн человек. Что касается мусульман Ливана, то их численность колеблется в районе 3,81 млн. Они, в свою очередь, подразделяются на следующие группы: шииты (1,74 млн), сунниты (1,72 млн), друзы (295 тыс.) и алавиты (55 тыс.). При этом из 5,5 млн граждан лишь 4,2 млн человек постоянно проживают в Ливане³. Последняя официальная перепись населения проводилась в 1932 г.

Помимо самих ливанцев на территории страны, по оценкам агентств ООН, находятся порядка 500 тыс. палестинских⁴ и 1 млн сирийских беженцев⁵. Правительство Ливана считает последнюю цифру заниженной. Реальное количество сирийских граждан и их потомков в Ливане составляет от 1,5 до 1,6 млн человек⁶. При этом ни сирийцы, ни палестинцы не имеют права голоса.

³ Lebanese: 5.5 million people // The Monthly by Information International. 27.07.2019. (In Arabic). URL: https://monthlymagazine.com/ar-article-desc_4858_ (accessed: 01.04.2020).

⁴ Where We Work. Lebanon // UNRWA. URL: <https://www.unrwa.org/where-we-work/lebanon> (accessed: 02.04.2020).

⁵ Refugee Situations. Total Registered Refugees // UNCHR Operational Portal. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria/location/71> (accessed: 02.04.2020).

⁶ Aoun: Lebanon Does not Need Exceptional Assistance, But Rather to Recover Part of its Spending on Displaced Syrians // RT. 08.02.2020. (In Arabic). URL: https://arabic.rt.com/middle_east/1084040- (accessed: 03.04.2020).

Вековая практика взаимодействия этнорелигиозных сегментов, каждый из которых существовал, по сути, автономно, являясь замкнутым сообществом со своими культурными традициями, жизненным укладом, мировоззрением и внешнеполитическими ориентирами, выражалась как в конфликтных столкновениях между группами, так и в их сотрудничестве. Однако эта практика не находила своего политико-институционального оформления вплоть до середины XIX в. В 1861 г. Османская империя под давлением французского экспедиционного корпуса установила полуавтономный режим для Горного Ливана. Он предусматривал управление этой территорией пашой-христианином неарабского происхождения, назначаемым султаном. При паше функционировал выборный совет из 12 представителей наиболее многочисленных ливанских религиозных общин – суннитской, шиитской, друзской, маронитской, православной и греко-католической. При этом большинство в совете принадлежало христианам (7 к 5)⁷.

Следующий этап развития ливанской политической системы начался в 1926 г., когда страна была провозглашена подмандатной Франции республикой со своей конституцией и однопалатным парламентом. Преимущество в руководящих органах опять же было отдано христианам, которые составляли 52% населения [Кузнецов 2017:17]. Основной закон 1926 г. с рядом существенных поправок остается в силе до сих пор.

Наконец, самым важным фактором, способствовавшим окончательному становлению консоциализма в Ливане, была борьба за независимость, объединившая крупнейшие религиозные группы. Взаимопонимание между маронитской, суннитской и шиитской элитами было наиболее полно отражено в неписаном Национальном пакте 1943 г., зарезервировавшем государственные должности за представителями тех или иных конфессий. Порядок их распределения зависел от численности сегмента согласно переписи 1932 г. Пост президента закреплялся за выходцем из маронитской среды, премьер-министра – за суннитом, а главы Палаты депутатов – за шиитом. Заместителями председателя Совета министров и спикера парламента становились православные. Место командующего ливанской армией отводилось маронитам, а начальника генштаба – друзам. Другие должности в органах власти, прежде всего в законодательном собрании, распределялись в пропорции 6 к 5 в пользу христиан. Муниципальные служащие избирались без соблюдения принципов религиозного квотирования [Balanche 2012:149].

На основе Национального пакта в Конституцию были внесены поправки. Примечательно, что они не предусматривали закрепление властных постов за той или иной группой. Религиозное квотирование оговаривалось лишь в

⁷ Режиму полуавтономии предшествовала система миллетов. Османские султаны, управляя невероятно разнообразной в этническом и религиозном отношении империей, полагались на местные феодальные элиты. Лидеры конфессиональных общин (так называемых миллетов) обладали широкими административными полномочиями [Кузнецов 2017:14].

общем виде и утверждалось как временный шаг⁸. Конфессиональная принадлежность депутатов не упоминалась в Конституции, а определялась отдельным избирательным законом.

По мнению ряда исследователей [Лейпхарт 1997; Khalaf 1987; Kliot 1987; Koury 1976; Hudson 1976; Horowitz 2000], неоправданно жесткое цементирование межсегментных расколов в ливанской политической системе стало одним из главных факторов кровопролитной гражданской войны (1975–1990). К тому же система оказалась слишком инертной к происходившим с момента обретения Ливаном независимости демографическим изменениям (постоянному росту численности мусульман).

Ф. Трабулси считает, что неудовлетворенность мусульман доминированием христианской части населения в политике дополнялась недовольством социально-экономическим неравенством сегментов. Так, в 1973 г. доля христианских предпринимателей в коммерции и торговле достигала 75,5%, в промышленности – 67,5%, в банковском секторе – 71%. В то же время мусульмане составляли 75% от всего рабочего класса страны [Traboulsi 2012:163].

Впрочем, было бы ошибочно сводить причины гражданского конфликта исключительно к изъянам ливанской модели консоциализма. Как справедливо отмечает А.В. Сарабьев, годы войны «приходились как раз на обострение идеологических противостояний в регионе в целом (70-80-е гг.)... Во многом первостепенным обстоятельством дестабилизации ливанской ситуации стали периодические воздействия на страну извне...» [Сарабьев 2019: 93–102]. Среди других факторов, затруднявших нахождение внутреннего политического консенсуса, Сарабьев называет присутствие палестинских боевых организаций в ливанских лагерях беженцев, а также незрелость государственных институтов [Сарабьев 2019:102].

На негативное влияние внешней региональной динамики на внутреннюю ситуацию в Ливане обращают внимание и другие исследователи [El-Khazen 2000; Malik 2000; Seaver 2000]. С утверждением о первоочередной значимости экзогенных факторов в дестабилизации обстановки трудно не согласиться, учитывая, что ливанская система политического консоциализма успешно справлялась с многочисленными эндогенными кризисами как до гражданского конфликта, так и после него.

Таким образом, ливанский консоциализм уходит своими корнями в вековую практику взаимодействия религиозных групп, сложившуюся еще во времена Османской империи. С обретением Ливаном независимости произошла дальнейшая политизация и институционализация субкультурного размежевания, однако данный процесс стал скорее следствием изначально фрагментированной структуры общества. В связи с этим сложно разделить мнение

⁸ См. Constitutional Law № 0 of November 9, 1943 Amending Certain Articles of the Lebanese Constitution // Lebanese University. Information and Legal Center. (In Arabic). URL: <http://www.legallaw.ul.edu.lb/LawView.aspx?opt=view&LawID=191985> (accessed: 07.04.2020).

У. Макдиси о том, что ливанский конфессионализм является в большей степени современным политическим конструктом, нежели историческим социально детерминированным феноменом [Makdisi 2000:164–166].

Современное состояние и перспективы развития консоциональной системы Ливана

Окончание гражданской войны ознаменовалось подписанием т.н. Таифских соглашений, или Пакта национального согласия 1989 г. Документ предполагал внесение ряда существенных конституционных поправок, которые были одобрены Палатой депутатов и Советом министров в 1990 г. Основным достижением явилось новое распределение полномочий между президентом и правительством. Если до 1990 г. правительство несло ответственность перед президентом, являвшимся единоличным главой исполнительной власти, то теперь большая часть исполнительных полномочий концентрировалась в руках кабинета⁹. Президент по-прежнему мог издавать декреты о формировании Совета министров, а также об отставке его членов, однако с согласия премьера. Равное представительство христиан и мусульман во власти было реализовано не только за счет перераспределения функций в структуре исполнительных органов, но и путем предоставления обеим общинам одинакового количества мест в парламенте – по 64.

Тем не менее сами принципы консонализма не претерпели значительных изменений. Власть в стране и сейчас управляется большой коалицией, что выражается как в распределении высших государственных должностей между лидерами сегментов, так и в представленности всех общин в правительстве и Палате депутатов на относительно пропорциональной основе (де-факто, однако, исполнительная власть разделена между представителями трех крупнейших конфессий – маронитской, суннитской и шиитской). Сегментам гарантируется право вето при принятии наиболее важных политических решений, а также автономия в управлении внутренними делами. Автономия эта не носит институционализированный или законодательно оформленный характер¹⁰. На практике она находит свое воплощение в том, что у каждой конфессии есть свои образовательные структуры, социальные, благотворительные и медицинские учреждения¹¹. Более того, в ведении религиозных групп находятся собственные судебные инстанции для урегулирования

⁹ Примечательно, что до 1990 г. конституционные полномочия премьера и правительства вообще не были определены.

¹⁰ В статье 10 Конституции Ливана прописано право религиозных общин иметь свои школы «при условии соблюдения ими общих положений, установленных государством в отношении общественного образования». См.: *Lebanese Constitution // Lebanese Parliament*. URL: <https://www.lp.gov.lb/backoffice/uploads/files/Lebanese%20%20Constitution-%20En.pdf> (accessed: 10.04.2020).

¹¹ На 2010 г. из 3070 учреждений подобного рода в Ливане 1660 являлись негосударственными и управлялись благотворительными организациями, аффилированными с той или иной конфессией [Cammatt, Issar 2010:390].

вопросов личного статуса ввиду отсутствия в Ливане единого закона об актах гражданского состояния. Подобная ситуация характеризуется некоторыми авторами как внутерриториальный, правовой или же квазирелигиозный федерализм в условиях унитарной формы государственного устройства [Calfat 2018:276].

В защиту сохранения консоционального принципа принятия ключевых решений выдвигаются многочисленные доводы. Суть их сводится к тому, что, учитывая столь высокую гетерогенность ливанского общества, существующая система является единственным эффективным способом политической коммуникации [Abdel-Kader 2010]. Несмотря на кризисные явления внешнего и внутреннего порядка, она проявляет поразительную устойчивость и обладает значительным потенциалом самовоспроизводства и восстановления [Salame 1994:102].

Действительно, за последние несколько лет страна пережила ряд серьезных потрясений, связанных с почти трехлетней невозможностью обеспечить большинство в парламенте для избрания президента, постоянными проволочками с формированием правительства из-за разногласий между общинами по поводу распределения министерских портфелей, вторжением радикалов из соседней Сирии и общим ростом региональной конфликтности, но сумела оправиться от них без долгосрочных негативных последствий. Некоторые исследователи также обращают внимание на сохранение демократического характера государства даже в годы интенсификации межсегментных противоречий [Fakhoury 2014:238], а также на способность ливанской консоциональной системы к мирной кооптации новых элит в период после гражданской войны, а именно – шиитской «Хизбаллы» [Calfat 2018:270]. Окончательное признание роли «Хизбаллы» в качестве легальной политической партии ознаменовалось подписанием Дохийских соглашений 2008 г. под патронажем ЛАГ.

Вместе с тем Таифские соглашения отражали глубокое разочарование общества в конфессиональном политическом устройстве, которое, по всей видимости, стало восприниматься самими ливанцами как определяющая причина гражданского конфликта. Именно поэтому в качестве долгосрочной цели конституционных поправок 1990 г. провозглашался курс на его упразднение¹². Статья 95 Конституции предписывает образование национальной комиссии, возглавляемой президентом и состоящей из спикера Палаты депутатов, премьер-министра, выдающихся политиков, мыслителей, интеллектуалов и общественных деятелей, с целью разработки конкретных предложений по ликвидации консоционализма и передачи их в парламент для принятия итогового решения.

¹² См.: Constitutional Law № 18 of September 21, 1990 Amending the Constitution in implementation of the Document of National Accord // Lebanese University. Information and Legal Center. (In Arabic). URL: <http://www.legallaw.ul.edu.lb/LawView.aspx?opt=view&LawID=189318> (accessed: 15.04.2020).

Следующим шагом, согласно статье 22, должна стать разработка нового общенационального избирательного закона, не учитывающего сегментарную принадлежность кандидатов, проведение парламентских выборов на общегражданской основе и формирование сената, в который войдут делегаты от религиозных общин. К сфере компетенции последнего должны быть отнесены вопросы, затрагивающие ключевые национальные интересы.

Следует, однако, подчеркнуть, что в самих поправках было заложено существенное противоречие. С одной стороны, конституционные изменения, постулируя упразднение консоциализма как конечную цель, не устанавливали конкретные временные рамки реализации этой цели и не предусматривали «дорожной карты» или каких-либо практических шагов по ее достижению. С другой стороны, утверждая сохранение конфессиональных механизмов распределения власти в качестве переходного этапа на пути к построению общегражданской демократии, они законодательно закрепили их. Как уже отмечалось выше, до 1990 г. резервирование государственных постов за тем или иным сегментом оговаривалось в основном законе лишь в общем виде и являлось скорее устоявшейся традицией, базирующейся на Национальном пакте 1943 г. Отныне же квотирование было гораздо более детально прописано в Конституции. Согласно статье 95, «религиозные общины должны быть представлены в структуре правительства на справедливой основе»; должности первой категории или аналогичного статуса в государственных органах, силовых структурах и военных ведомствах «распределяются поровну между христианами и мусульманами без бронирования какой-либо должности за указанной общиной...» и т.д.¹³

Налицо очевидная двойственность документа, что во многом и определило его неэффективность. Ливанские элиты планировали решить две взаимоисключающие друг друга задачи: сначала добиться равенства христиан и мусульман во властных структурах, законодательно закрепив политический конфессионализм, а затем практически полностью отказаться от него. На практике удалось достичь лишь паритета представительства общин в государственных структурах.

Как представляется, Таифские соглашения сделали «временный» конфессионализм гораздо более постоянным, чем прежде. Национальная комиссия так и не была образована. Квалификация госслужащих при назначении на определенные посты по-прежнему играет ничтожно малую роль в сравнении с принадлежностью кандидатов к тому или иному этноконфессиональному сегменту, соответствующей ему партии и приближенностью к ее лидеру. Более того, со временем принцип распределения квот между правящими элитами был распространен на все уровни государственного управления.

¹³ См.: Constitutional Law № 18 of September 21, 1990 Amending the Constitution in implementation of the Document of National Accord // Lebanese University. Information and Legal Center. (In Arabic). URL: <http://www.legallaw.ul.edu.lb/LawView.aspx?opt=view&LawID=189318> (accessed: 15.04.2020).

Избирательный закон 2017 г., который был призван поощрять создание общенациональных, а не общинных политических объединений, также имел противоположный эффект¹⁴. По словам президента Союза демократической молодежи А. Мокдада, «новые правила выборов в парламент осознанно запутаны действующей властью, чтобы ничего в итоге не изменилось. Они должны были дать людям возможность просто голосовать за своих кандидатов... Но они понимают, что на честных выборах кланы потеряют свои позиции и места возьмут коммунисты, либералы и другие оппозиционные силы»¹⁵.

В действительности, «посттаифский» период истории Ливана характеризуется ослаблением демократических принципов и усилением клановых начал в политике. Специфической чертой построенных по этноконфессиональному принципу партий является ярко выраженная иерархическая структура во главе с лидером (структура вождистского типа). Руководство, как правило, принадлежит влиятельной семье, пользующейся разносторонней поддержкой других авторитетных кланов в общине (табл. 1). Широко распространена практика наследования руководящих должностей.

Подобные негативные тенденции обусловлены прежде всего самой природой консоциализма в переходных обществах. Во-первых, наделение лидеров сегментов высокой степенью автономности в управлении своими общинами означает обеспечение их правом практически единолично определять судьбу членов этих общин, что подразумевает клиентализм и, соответственно, подавление индивидуальных свобод. Как отмечает О. Зуректа, «принципиальное признание права ливанцев на существование вне общины является лишь теоретическим. Законодатель не обеспечил их законом, гарантирующим такое существование...»¹⁶. Во-вторых, упор консоциальной демократии на договоренности элит, в том числе неформальные, обусловил выделение политических лидеров этнорелигиозных сегментов в отдельную и разобщенную страту управленцев. В результате государство начинает восприниматься гражданами как структура, противостоящая конфессиональным сообществам, с которыми они себя идентифицируют.

¹⁴ Новый избирательный закон, принятый в июне 2017 г., предусматривает голосование на основе пропорциональной (вместо использовавшейся ранее мажоритарной) системы в 15 многомандатных избирательных округах. При этом распределение мандатов по конфессиональному признаку в каждом избирательном округе сохраняется, что обуславливает необходимость составления совместных партийных списков (исторически партийные структуры в Ливане создавались на религиозной основе, а руководство и рядовые члены чаще всего являются единоверцами). Партии договариваются между собой и составляют совместные списки. Избиратель, приходя на участок, отдает два голоса: один – за список целиком, второй – за «фаворита» внутри этого списка. При подсчете голосов мандаты распределяются между списками в процентном соотношении – чем больше голосов набрал список, тем больше представленных в нем кандидатов проходят в парламент. Первыми проходят «фавориты» из победившего списка.

¹⁵ Жители Ливана голосуют на парламентских выборах // РИА Новости. 06.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180506/1519974745.html> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁶ Зуректа О.Н. Конституционное развитие и государственные институты Ливана: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. Москва, 2008. С. 8.

Таблица 1 / Table 1

**Ливанские политические партии и контролирующие их семьи /
Lebanese political parties and families that control them¹⁷**

Партия / Party	Конфессия (преимущественно) / Confession (mostly)	Основатель / Founder	Нынешний лидер / Current leader	Мест в Парламенте / Seats in Parliament
Свободное патриотическое движение / Free Patriotic Movement	Марониты / Maronites	Мишель Аун / Michel Aoun	Джебран Бассиль (зять М. Ауна) / Gebran Bassil (M. Aoun's son-in-law)	24
«Ливанские силы» / Lebanese Forces	Марониты / Maronites	Самир Джааджаа / Samir Geagea	Самир Джааджаа / Samir Geagea	15
Движение «Марада» / Marada Movement	Марониты / Maronites	Сулейман Франжье / Suleiman Frangieh	Сулейман Франжье-младший / Suleiman Frangieh Jr.	3
«Катаиб» (Ливанская фалангистская партия) / Kataeb (Lebanese Phalanges Party)	Марониты / Maronites	Пьер Жмайэль / Pierre Gemayel	Сами Жмайэль / Samy Gemayel	3
«Мустақбал» (Движение за будущее) / Mustaqbal (Future Movement)	Сунниты / Sunnis	Рафик Харири / Rafic Hariri	Саад Харири / Saad Hariri	20
Движение «Азм» / Azm Movement	Сунниты / Sunnis	Наджиб Микати / Najib Mikati	Наджиб Микати / Najib Mikati	4
Арабская партия освобождения / Arab Liberation Party	Сунниты / Sunnis	Омар Караме / Omar Karami	Фейсал Караме / Faisal Karami	2
Прогрессивно-социалистическая партия / Progressive Socialist Party	Друзы / Druze	Камаль Джумблат / Kamal Jumbblatt	Валид Джумблат / Walid Jumbblatt	9
Ливанская демократическая партия / Lebanese Democratic Party	Друзы / Druze	Тальяль Арслан / Talal Arslan	Тальяль Арслан / Talal Arslan	1
Движение «Амаль» ¹⁸ / Amal Movement	Шииты / Shiites	Муса Садр / Musa al-Sadr	Набих Берри / Nabih Berri	16

Источник: данные, собранные автором.
Source: data collected by the author.

¹⁷ В таблице представлены не все политические силы страны. Отсутствие, например, «Хизбаллы», в основе своей христианской Сирийской социальной национальной партии и армянской «Дашнакцутюн» объясняется тем, что клановость не является их ярко выраженной чертой.

¹⁸ Изначально движение «Амаль» было образовано в противовес клановой системе власти родовой шиитской аристократии. Однако за годы руководства Н. Берри организация трансформировалась в закрытую клановую партию вождистского типа.

В связи с этим логично было бы предположить, что импульс к изменению системы может быть дан самим обществом. В консоциональных демократиях, где представители всех значимых сегментов социума оказываются вовлеченными в политическую борьбу за государственные должности, а принцип «правительство против оппозиции» не может быть реализован ввиду формирования большой коалиции и включения лидеров общин в состав парламента и кабинета министров, избиратели не имеют возможность проголосовать против действующей власти, не голосуя против системы в целом. В этом смысле Ливан не является исключением, о чем свидетельствует падение популярности как традиционных политических партий, так и институтов власти. Согласно социологическому опросу Information International от февраля 2020 г., лишь 46% респондентов поддерживают ведущие политические силы, организованные по конфессиональному признаку¹⁹. По оценкам «Арабского барометра», деятельности правительства доверяют только 19% опрошенных, а законодательного органа – 18%²⁰. Начавшиеся в октябре 2019 г. беспрецедентные по своему масштабу акции протеста, объединившие представителей всех конфессиональных групп, также демонстрируют разочарование населения в действующей политической системе. Протестующие выкрикивали лозунг «Киллун йани киллун» («Все значит все») и несли флаги Ливана с изображением перечеркнутых эмблем традиционных партий. Более того, недовольство многократно усиливается на фоне резкого роста числа бедных. По оценкам Всемирного банка, к апрелю 2020 г. оно достигло 45% населения²¹.

Вне всякого сомнения, единение населения на почве неудовлетворенности политическим устройством страны является одной из причин постепенного формирования надсегментных ориентаций и пересекающихся социальных ролей, что в теории должно привести к преобразованию конфессиональной системы в общегражданскую. Однако на практике религиозное самосознание и общинная идентичность ливанцев по-прежнему оказываются сильнее, чем другие консолидирующие факторы. Согласно данным ранее упомянутого опроса, несмотря на снижение популярности основных политических акторов, политические пристрастия суннитов и шиитов продолжают в значительной степени определять конфессиональные мотивы (43 и 45% соответственно), а для друзей наиболее важным остается лояльность старым семейным кланам (54%). Исключение составляют лишь христиане. В их среде первостепенное внимание уделяется содержанию политической программы (такую позицию занимают 72% маронитов, 70% православных и 50% представителей других

¹⁹ Lebanese Parties Retreat and Fail to Attract New Recruits: Remote Areas Are the Reservoir... Young People Are Moving Away from Public Affairs // An-Nahar Newspaper. 26.02.2020. (In Arabic). URL: <https://newspaper.annahar.com/article/1131116> (accessed: 19.05.2020).

²⁰ Arab Barometer V. Lebanon Country Report 2019 // Arab Barometer. 14.11.2019. URL: <https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/lebanon-report-Public-Opinion-2019.pdf> (accessed: 20.05.2020).

²¹ Targeting Poor Households in Lebanon // World Bank. 21.04.2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2020/04/21/targeting-poor-households-in-lebanon> (accessed: 20.05.2020).

христианских течений). В данном контексте становятся очевидны причины неудачи протестного движения.

Большие надежды возлагались экспертным сообществом на сформированный в 2020 г. кабинет Х. Диаба. Он стал первым в истории Ливана Советом министров, члены которого являются независимыми технократами, формально не входящими в те или иные политические объединения. Однако в конечном счете, по меткому замечанию главного редактора авторитетной ливанской газеты «Аль-Ахбар» И. Амина, кабинет стал «узником правил традиционной политической игры»²² и был вынужден подчиниться логике конфессионализма. Камнем преткновения, выявившим его неспособность противостоять существующей форме властных отношений, явился вопрос о распределении административных должностей в государственных институтах. Попытки Х. Диаба назначить чиновников на основе их специализации и компетенции наткнулись на жесткую оппозицию со стороны ведущих политических партий, поспешивших напомнить о сохранении принципов религиозного квотирования.

Заключение

Можно констатировать, что, несмотря на постоянные настойчивые призывы к отмене конфессионализма, звучащие как со стороны части населения, так и правящих элит, а также постепенное формирование национальной идентичности, ни ливанский народ, ни власть в настоящий момент не проявляют очевидной готовности к изменению сложившейся системы и продолжают ассоциировать себя в большей степени со своими общинами. О двойственности ситуации говорит и неопределенность конституционных положений об упразднении политического конфессионализма.

Следует признать, что ливанская консоциальная система объективно способствует политизации и институционализации религиозных идентичностей, поддерживая субкультурное размежевание. Об этом свидетельствует и неспособность реализовать цели Таифских соглашений 1990 г. Однако, как уже отмечалось, подобная ситуация преимущественно является следствием изначально фрагментированной структуры общества. Более того, вышесказанное отнюдь не означает, что нынешнее политическое устройство оказывается неспособным обеспечить должный уровень стабильности. Консенсусные механизмы, поощряющие в том числе и неформальные договоренности, весьма эффективно функционируют с момента окончания гражданской войны, давая сбой лишь в моменты внешнего вмешательства. В частности, беспрецедентные по своему масштабу акции протеста, начавшиеся в октябре 2019 г., и сопутствующий финансово-экономический кризис во многом обусловлены стремлением США и их союзников «выдавить» «Хезболлу» из

²² Al-Amin I. Operation Order Issued: Financial Support Subject to Closing Borders with Syria // Al-Akhbar Newspaper. 18.05.2020. (In Arabic). URL: <https://www.al-akhbar.com/Politics/288796> (accessed: 08.06.2020).

государственных институтов и снизить ее влияние в стране и регионе на фоне роста напряженности в отношениях Вашингтона и Тегерана.

Вероятно, на нынешнем этапе исторического развития Ливан нуждается не столько в отказе от консоционализма как такового, сколько в осознании элитами общности судьбы сограждан и необходимости нивелировать негативное влияние внешней региональной динамики на внутривосточную обстановку. Возможно ли в условиях столь сложной геостратегической конфигурации региона перестать быть проводниками интересов иностранных держав, сохранив при этом принадлежность в большей степени к определенному локальному сообществу, чем к ливанскому государству в целом? Вопрос этот остается открытым, учитывая, что общинная идентичность и предпочтительная внешнеполитическая ориентация во многом взаимно обуславливают и усиливают друг друга.

Взрыв 4 августа 2020 г. в порту Бейрута, повлекший за собой катастрофические для страны последствия, а также беспрецедентный финансово-экономический кризис, вероятно, дадут толчок к изменению существующей архитектуры власти. Подобные трагические события требуют быстрых действий и делают невозможным сохранение неэффективной системы управления, а острота ситуации легитимирует смелые политические решения элит в глазах населения. В пользу этого, в частности, говорит мощный виток дискуссий о необходимости заключить новый политический пакт с перспективой упразднения консоционализма и перехода к общегражданскому государству или, по крайней мере, существенно реформировать модель управления. Вместе с тем и здесь прослеживается сильная зависимость именно от внешних импульсов, ведь данные дискуссии были инициированы вовсе не местными лидерами, а президентом Франции Э. Макроном в ходе его визитов в Ливан 6 августа и 1 сентября 2020 г.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список / References

- Кузнецов А.А. Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков. М.: Институт Ближнего Востока, 2017. 224 с. [Kuznetsov, A.A. (2017). *Political process in Lebanon at the turn of XX–XXI centuries*. Moscow: The Institute of Middle East. (In Russian).]
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с. [Lijphart, A. (1997). *Democracy in plural societies: A comparative exploration*. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).]
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. М.: МГИМО-Университет, 2020. 284 с. [Kudryashova, I.V., & Kharitonova, O.G. (Eds.). (2020). *Metamorphoses of divided societies*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).]
- Сарабиев А.В. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-209-4-67-89-112 [Sarabiev, A. (2019). Lebanon: An ordinary “consociational democracy” in the regional context. *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), 89–112. DOI: 10.24833/2071-8160-209-4-67-89-112. (In Russian).]

- Abdel-Kader, N. (2010). Multiculturalism and democracy: Lebanon as a case study. *Lebanese National Defense Magazine*, 72. Retrieved April 12, 2020, from <https://www.lebarmy.gov.lb/en/content/multiculturalism-and-democracy-lebanon-case-study>
- Almond, G. (1956). Comparative political systems. *Journal of Politics*, 18(3), 391–409. DOI: 10.2307/2127255
- Balanche, F. (2012). The reconstruction of Lebanon or the racketeering rule. In A. Knudsen, M. Kerr (Eds.), *Lebanon after the Cedar revolution*. London: C. Hurst & Co. Publishers Ltd.
- Baumann, H. (2019). The causes, nature, and effect of the current crisis of Lebanese capitalism. *Nationalism and Ethnic Politics*, 25(1), 61–77. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565178
- Bogaards, M. (2019). Formal and informal consociational institutions: A comparison of the national pact and the Taif agreement in Lebanon. *Nationalism and Ethnic Politics*, 25(1), 27–42. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565176
- Calfat, N. (2018). The frailties of Lebanese democracy: Outcomes and limits of the confessional framework. *Contexto Internacional*, 40(2), 269–293. DOI: 10.1590/s0102-8529.2018400200002
- Cammett, M., & Issar, S. (2010). Bricks and mortar clientelism: Sectarianism and the logics of welfare allocation in Lebanon. *World Politics*, 62(3), 381–421. DOI: 10.1017/s0043887110000080
- El-Khazen, F. (2000). *The breakdown of the state in Lebanon 1967–1976*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fakhoury, T. (2014). Debating Lebanon's power-sharing model: An opportunity or an impasse for democratization studies in the Middle East? *The Arab Studies Journal*, 22(1), 230–255.
- Horowitz, D. (2000). *Ethnic groups in conflict*. Berkeley, Calif.: University of California Press.
- Hudson, M. (1976). The Lebanese crisis: The limits of consociational democracy. *Journal of Palestine Studies*, 5(3–4), 109–122. DOI: 10.1525/jps.1976.5.3-4.00p0410r
- Khalaf, S. (1987). *Lebanon's predicament*. New York: Columbia University Press.
- Kliot, N. (1987). The collapse of the Lebanese state. *Middle Eastern Studies*, 23(1), 54–74. DOI: 10.1080/00263208708700688
- Koury, E. (1976). *The crisis in the Lebanese system*. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research.
- Lehmbruch, G. (1969). *Segmented pluralism and political strategies in continental Europe: Internal and external conditions of "concordant democracy"*. IPSA Round Table. Turin.
- Lewis, W. (1965). *Politics in West Africa*. London: Allen and Unwin.
- Lorwin, V. (1971). Segmented pluralism: Ideological cleavages and political cohesion in the smaller European democracies. *Comparative Politics*, 3(2), 141–175. DOI: 10.2307/421297
- Makdisi, U. (2000). *The culture of sectarianism*. Berkeley, Calif.: University of California Press.
- Malik, H. (2000). *Between Damascus and Jerusalem*. Washington, DC: Washington Institute for Near East Policy.
- Nagle, J., & Clancy, M. (2019). Power-sharing after civil war: Thirty years since Lebanon's Taif agreement. *Nationalism and Ethnic Politics*, 25(1), 1–8. DOI: 10.1080/13537113.2019.1565171
- Salame, G. (Ed.). (1994). *Democracy without democrats? The Renewal of politics in the Muslim World*. London: I.B. Tauris.
- Seaver, B. (2000). The regional sources of power-sharing failure: The case of Lebanon. *Political Science Quarterly*, 115(2), 247–271. DOI: 10.2307/2657902
- Traboulsi, F. (2012). *A history of modern Lebanon*. London: Pluto Press.

Сведения об авторе:

Керимов Арсений Александрович – атташе Посольства Российской Федерации в Ливанской Республике, соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России (e-mail: senura_msk@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-5491-7736).

About the author:

Arseny A. Kerimov – Attaché of the Embassy of the Russian Federation in the Lebanese Republic, Applicant at the Department of Comparative Politics, MGIMO University (e-mail: senura_msk@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0001-5491-7736).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-379-393

Научная статья / Research article

Государства Центральной Азии в международных рейтингах развития демократии

Е.Г. Гарбузарова

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. С момента обретения независимости государства Центральной Азии декларируют о своей приверженности в сторону демократизации и развития рыночной экономики, выстраивая политическую систему по модели безальтернативного западного либерально-демократического образца. Оставив позади советское наследие, политические элиты Центральноазиатских государств стремятся выстроить эффективную стратегию национально-государственного развития и сформировать действенные демократические институты. Однако по прошествии нескольких десятилетий политические режимы в странах региона приобрели скорее авторитарный, нежели демократический, характер и в процессе демократического транзита столкнулись с серьезными угрозами в виде политической нестабильности и социально-экономических проблем. Произошел ренессанс традиционных национальных особенностей, ставших неотъемлемым элементом политической жизни суверенных государств. Свой отпечаток на развитие демократии в государствах региона накладывают неформальные институты – родоплеменные отношения, регионализм, клановая структура общества. По сути, внедрение в политический процесс Центральноазиатских государств базовых элементов демократии носит формальный или декларативный характер, а участие масс в политике ограничено. Международные рейтинги развития демократии, используя различную методику и критерии, оценивают уровень демократического развития в государствах переходного периода. Опираясь на рейтинги политической трансформации, страны Запада устанавливают свои нормы и правила демократизации переходных стран. В итоге международные рейтинги используются как инструмент достижения интересов стран Запада, стремящихся переформатировать политические режимы недемократических стран, невзирая на их социокультурные особенности. В каждом Центральноазиатском государстве наблюдаются свои особенности и динамика/статика демократического транзита, однако объединяет их всех персонализация власти и лояльность личности, а не политическому институту. Автор на основе авторитетных международных рейтингов развития демократии предпринял попытку проследить современное состояние политических систем Центральноазиатских государств, выделив положительные и отрицательные тенденции в области их демократизации.

Ключевые слова: международные рейтинги, индексы демократии, Центральная Азия, демократический транзит, политическая система

© Гарбузарова Е.Г., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. Государства Центральной Азии в международных рейтингах развития демократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 379–393. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-379-393

Central Asian States in the International Rankings of Democracy Development

E.G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. Since gaining independence, Central Asian states declared their commitment to democratization and development of a market economy, building their political systems based on the uncontested Western liberal-democratic model. Leaving behind the Soviet legacy, the political elites of Central Asian states strive to build an effective strategy for national and state development and to form effective democratic institutions. However, after several decades, the political regimes in the countries of the region have become more authoritarian than democratic. In the process of democratic transition, the countries face serious threats in the form of political instability and socio-economic problems. The renaissance of traditional national features made them an integral element of the political life of the sovereign states. The development of democracy in the states of the region is influenced by informal institutions – tribal relations, regionalism and the clan structure of society. In fact, the introduction of the basic elements of democracy into the political process of Central Asian states is formal or declarative, and the participation of the masses in politics is limited. Using various methods and criteria, international democracy development ratings assess the level of democratic development in transition states. Western countries set their own norms and rules for the democratization of transition countries based on the ratings of political transformation. As a result, international ratings are used as a tool for achieving the interests of Western countries that seek to reformat the political regimes of non-democratic countries, regardless of their socio-cultural characteristics. Each Central Asian state has its own features and dynamics/statics of democratic transit, but they are all united by the personification of power and loyalty to the autocrat rather than to the political institutions. The author attempts to trace the current state of the political systems of Central Asian states, highlighting the positive and negative trends in their democratization.

Keywords: international ratings, democracy indexes, Central Asia, democratic transit, political system

For citation: Garbuzarova, E.G. (2021). Central Asian States in the international rankings of democracy development. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 379–393. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-379-393

Введение

После распада СССР в государствах Центральной Азии начался процесс строительства национальной государственности с опорой на ценности западной демократии и модель перехода к рыночной экономике. Политическим лидерам государств региона предстояло приложить огромные усилия, чтобы вывести свои страны из экономического кризиса, преодолеть социальную фрагментацию, создать действенные демократические политические институты. В центре внимания находился вопрос перехода к рыночной экономике,

поиск собственной модели экономического развития. Однако по прошествии нескольких десятилетий политические системы этих государств по-прежнему эволюционируют в направлении демократизации и сталкиваются с определенными сложностями в силу традиционных, исторических и культурных особенностей. Весомую роль в политических процессах Центральноазиатских государств играют кланы, имеющие «мощные историко-культурные корни» [Жильцов и др., 2018:49]. За четверть века в государствах региона произошла централизация государственного управления и внедрение во властные структуры принципа патрон-клиентельных отношений [Малышева 2018:40]. Созданные за этот период политические режимы в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане некоторые эксперты справедливо относят к неопатримониальному авторитаризму. Для Кыргызстана характерна иная модель авторитаризма – неопатримониальная полиархия. Неопатримониальный авторитаризм отличается низкой конкуренцией политических элит и «наличием доминирующего актора, опирающегося на патрон-клиентистские сети и монополию на материальные ресурсы» [Шкель 2015:9]. В неопатримониальной полиархии доминирующий актор теряет контроль над патрон-клиентистскими сетями, что создает конкурентную среду для электорального процесса, исход которого сложно предсказать. По сравнению с другими государствами Центральной Азии Кыргызстан отличается проведением относительно конкурентных парламентских и президентских выборов.

Наиболее полную картину происходящих демократических изменений и факторов, тормозящих эти изменения, в государствах Центральной Азии дают международные рейтинги и используемые в них индексы. Однако необходимо понимать, что рейтинги, с одной стороны, влияют на формирование положительного или отрицательного образа государств, а с другой – служат инструментами политического давления или манипуляции. Страны Запада большое значение придают международным рейтингам, рассматривая их как эффективные инструменты продвижения своих ценностей. Как справедливо отмечает российский политолог В.Г. Иванов, ключевая функция сравнительных рейтингов, активно разрабатываемых странами Запада, заключается в формировании эталонных моделей развития в противовес другим альтернативам [Иванов 2017:294]. Опора на рейтинговую инфраструктуру позволяет им удерживать свое лидерство в формирующемся полицентричном мире [Иванов 2017:294].

Мировые индикаторы эффективности государственного управления (The Worldwide Governance Indicators (WGI))

WGI демонстрирует общие и частные показатели эффективности государственного управления в более чем 200 странах, начиная с 1996 г. Оценка эффективности государственного управления включает шесть основных параметров:

- 1) право населения участвовать в выборах и подотчетность властных структур;

- 2) политическая стабильность и отсутствие насилия;
- 3) эффективность работы правительства;
- 4) качество законодательной системы;
- 5) верховенство закона;
- 6) борьбу с коррупцией.

Показатели WGI формируются на основе исследований специальных институтов и экспертов из развитых и развивающихся стран. Они основываются на более 30 источниках информации, подготовленных различными исследовательскими институтами, «мозговыми центрами», неправительственными организациями, международными организациями и частными структурами. В соответствии с рейтингом все страны оцениваются от 0 до 100 %, при этом 0 % отвечают самому низкому уровню развития государственного управления, а 100 – самому высокому. Показатели данного рейтинга по странам Центральной Азии за 2018 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Индикаторы эффективности государственного управления в странах Центральной Азии /
Indicators of public administration efficiency in Central Asian countries**

Индикатор / Страна / Indicator / Country	Соблюдение права населения участвовать в выборах и подотчет- ность властных структур обществу у государств / Respect for the right of the population to participate in elections and accountability of the power structures of society to the state, %	Показа- тель политиче- ской ста- бильности и отсут- ствие насилия / Indicator of political stability and absence of violence, %	Эффектив- ность работы правительства / Efficiency of Government's Activity, %	Качество законода- тельной системы / Quality of the legislative system, %	Качество соблюдения принципа верховен- ства закона / Quality of compliance with the rule of law, %	Уровень коррупции / Level of corruption, %
Казахстан / Kazakhstan	15,76	45,71	54,33	60,10	35,58	36,06
Кыргызстан / Kyrgyzstan	33,99	25,24	28,85	38	17,79	16,35
Таджикистан / Tajikistan	5	20	12	12,5	7,69	6,25
Туркменистан / Turkmenistan	1	45,24	14,42	2,88	6,25	8,17
Узбекистан / Uzbekistan	6,4	35,71	33,65	12	13	12,5

Источник: info.worldbank.org

Таким образом, из всех государств региона в Кыргызстане в наибольшей степени соблюдается принцип подотчетности власти гражданскому обществу, в то время как в Туркменистане этот принцип нарушается ввиду

неразвитости гражданского общества. Наиболее устойчивым по отношению к внешним и внутренним воздействиям является Казахстан, наименее устойчивым – Таджикистан. Казахстан отличается высоким уровнем эффективности деятельности государственного аппарата. Самый низкий уровень качества реализации государственной политики и расцвет коррупции отмечен в Таджикистане. Также Казахстан лидирует по качеству созданной законодательной базы, соблюдению принципа верховенства закона и отличается эффективной борьбой с коррупцией. Безусловно, этот недуг в республике еще не преодолен, однако последовательно предпринимаются меры по его искоренению. Так, еще в 2015 г. в Казахстане была разработана специальная Программа противодействия коррупции на 2015–2025 гг., где одной из задач выделялось совершенствование антикоррупционного законодательства с учетом международных стандартов¹. В рамках системной борьбы с коррупцией в Казахстане в 2019 г. по инициативе президента К.Ж. Токаева было принято решение институционализировать проблему и создать Агентство по противодействию коррупции под патронажем самого президента.

Как видно из табл. 1, Туркменистан по многим критериям значительно отстает от всех государств Центральной Азии, что, с одной стороны, объясняется жесткой централизацией власти, а с другой – недостатком открытой информации по этой стране.

Индекс демократии – Economist Intelligence Unit (EIU)

Британская компания Economist Intelligence Unit, начиная с 2006 г., ежегодно представляет анализ состояния демократического развития в более 165 государствах. EIU базируется на пяти категориях: избирательный процесс и плюрализм, гражданские права и свободы, деятельность правительства, политическое участие и политическая культура. В соответствии с индексом все страны оцениваются в диапазоне от 0 до 10, где 10 – это самый высокий показатель, а 0 – самый низкий. Благодаря полученным показателям по этим категориям страны классифицируются по четырем типам режимов:

- 1) полноценная демократия;
- 2) несовершенная демократия;
- 3) гибридная демократия;
- 4) авторитарный режим.

По итогам 2020 г. по уровню развития демократии в рейтинге EIU страны Центральной Азии имели показатели, отраженные в табл. 2.

Как видно из данных табл. 1, наилучшие показатели развития демократии зафиксированы в Кыргызстане. Кыргызстан является единственной страной в Центральной Азии, где наблюдается «гибридный» политический режим. Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан относятся к разновидности

¹ Программа противодействия коррупции на 2015–2025 гг. URL: <https://kgiu.kz/wp-content/uploads/2016/04/nur-otan-proekt-programmi-protivodeystviya-korrupcii.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).

авторитарного политического режима. Однако в 2019 г. индекс Кыргызстана в этом рейтинге был значительно выше и составлял 6,08, а после «октябрьской революции» в республике в 2020 г. этот показатель значительно снизился – до 4,21. Авторы доклада Economist Intelligence Unit отмечают, что в стране после неудавшихся парламентских выборов в октябре 2020 г. наметилась тенденция постепенной эрозии демократических принципов и укрепления авторитарных практик.

Таблица 2 / Table 2

**Рейтинг развития демократии в странах Центральной Азии /
Rating of democracy development in Central Asian countries**

Индикатор / Страна Indicator / Country	Общая оценка / Overall rating	Глобальный уровень / Global level	Региональный уровень / Regional level	Электоральный процесс и развитие плюрализма / Electoral process and the development of pluralism	Функционирование правительства / Functioning of the Government	Политическое участие / Political participation	Политическая культура / Political culture	Гражданские свободы / Civil liberties	Тип режима / Regime type
Казахстан / Kazakhstan	3,14	128	23	0,50	3,21	5,00	3,75	3,24	Гибридный / Hybrid
Кыргызстан / Kyrgyzstan	4,21	107	21	4,75	2,93	5,56	3,13	4,71	Авторитарный / Authoritarian
Таджикистан / Tajikistan	1,94	159	27	0,00	2,21	2,22	4,38	0,88	Авторитарный / Authoritarian
Туркменистан / Turkmenistan	1,72	162	28	0,00	0,79	2,22	5,00	0,59	Авторитарный / Authoritarian
Узбекистан / Uzbekistan	2,12	155	26	0,08	1,86	2,78	5,00	0,88	Авторитарный / Authoritarian

Источник: The Economist Intelligence Unit.

Среди всех стран региона Кыргызстан выделяется по уровню развития политического плюрализма. Это обусловлено насыщенной политической жизнью в республике, представленной многообразием форм политической активности, среди которых особо выделяется партийная деятельность. Так, в Кыргызстане насчитывается более 200 политических партий, общественных организаций и движений. Наиболее эффективные механизмы защиты прав и свобод граждан отмечены в Кыргызстане (4,75) и Казахстане (3,24). По сравнению с другими государствами региона лишь в Казахстане (3,21), Кыргызстане (2,93) и Таджикистане (2,21) отмечается незначительная эффективность деятельности правительства. Активное политическое участие заметно в Кыргызстане (5,56) и Казахстане (5,00), в то время как в Узбекистане (2,78), Туркменистане (2,22) и Таджикистане (2,22) наблюдается наименьшее воздействие граждан на политику. Последнее место Туркменистана и Таджикистана в категории «политическое участие» обусловлено доминированием в партийно-

политическом ландшафте республик пропрезидентских партий: Демократическая партия Туркменистана (ДПТ) и Народно-демократическая партия Таджикистана (НДПТ), имеющих большинство мест в парламенте. Другие политические силы в стране не отличаются особой активностью, так как либо не имеют ресурсов конкурировать с доминирующей партией, либо проявляют лояльность к действующей власти.

Во всех государствах региона законодательно закреплено право граждан участвовать в избирательном процессе. Как известно, соблюдение принципа всеобщего избирательного права считается показателем демократии. Однако в большинстве государств Центральной Азии выборы президента являются имитацией демократии и не отличаются конкурентностью. Практически каждый раз тот или иной действующий президент остается у власти, получая на выборах свыше 80% голосов, или меняет конституцию, продлевая срок своих полномочий.

Если говорить о праве населения на участие в демонстрациях и митингах, то эта демократическая форма политического участия была законодательно закреплена в некоторых странах региона сравнительно недавно. В Казахстане впервые Закон «О порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций» был принят в 1995 г.² В 2002 г. закон об организации и проведении публичных мероприятий был принят в Кыргызстане³. В 2014 г. Закон «О собраниях, митингах, демонстрациях и уличных шествиях» был принят в Таджикистане⁴. В 2015 г. впервые в Туркменистане был принят закон, разрешающий гражданам устраивать мирные акции⁵. По сути, эти законы были приняты для того, чтобы расположить к себе страны Запада и получить от них щедрую материальную поддержку. По мнению директора Аналитического центра МГИМО А. Казанцева, данный шаг со стороны официальных властей позволил бы Туркменистану поддержать имидж страны и «рассчитывать на нефтегазовое сотрудничество с Евросоюзом и США»⁶. Следовательно, принятый закон о мирных акциях в Туркменистане является скорее вынужденным политическим решением, принятым в рамках стратегии туркменских властей, направленной на диверсификацию маршрутов экспорта углеводородных ресурсов. В 2019 г. впервые заговорили о принятии Закона «О митингах, собраниях и демонстрациях» в Узбекистане. Проект закона вынесен на общественное обсуждение

² Закон Республики Казахстан от 17 марта 1995 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003508 (дата обращения: 15.09.2020).

³ Закон КР от 23 мая 2012 года. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1077> (дата обращения: 15.07.2020).

⁴ Закон Республики Таджикистан от 31 декабря 2014 года. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=72482 (дата обращения: 05.09.2020).

⁵ В Туркмении разрешили собираться больше трех. URL: http://www.ng.ru/cis/2015-03-13/7_turkmenia.html (дата обращения: 15.09.2020).

⁶ Там же.

и предусматривает проведение акций только в рабочее время и на расстоянии не ближе 500 м от административных зданий⁷. В демонстрациях допускается участие только совершеннолетних, и заявление на проведение акции должно быть подано за 30 рабочих дней. Следовательно, наибольшая политическая активность граждан наблюдается в Кыргызстане и Казахстане. Именно власти этих двух государств раньше других Центральноазиатских республик приняли законы о праве на прямое участие граждан в политике, и с тех пор эти законы влияют на относительную степень демократичности этих стран. Благодаря новому закону о мирных собраниях, принятому в Казахстане в 2020 г. в рамках взятого курса на либерализацию общественно-политической жизни⁸, республика имеет все шансы в ближайшей перспективе улучшить свои показатели в категориях «политический плюрализм» и «политическое участие».

Индекс слабости государств – Failed States Index (FSI)

FSI, представляющий результаты своих исследований с 2005 г., анализирует факторы политической, экономической и социальной уязвимости в 178 государствах мира. Индекс основан на собственном аналитическом подходе американского Фонда мира к системе оценки конфликтов. На основе критического анализа количественных, качественных и экспертных данных выводятся индикаторы для Индекса слабости государств. FSI строится на основе 12 ключевых политических, экономических и социальных показателей и более 100 субиндикаторов, которые являются результатом многолетних экспертных социологических исследований. Например, единство или разрозненность нации оцениваются уровнем государственной безопасности, степенью разобщенности элит и недовольством властью народа. Экономическое развитие страны определяется уровнем ВВП и количеством выехавших квалифицированных кадров («утечка мозгов»). Особенности политического состояния страны включают оценку государственной легитимности, эффективность работы государственных структур, защиту прав человека и верховенство закона. Категория социальные и межсекторальные показатели включает оценку демографической ситуации в стране, проблемы беженцев и влияние внешних сил. Все эти индикаторы оцениваются по десятибалльной шкале, где «10» показывает, что государство является слабым и недееспособным, подвергающимся самому высокому уровню угрозы и риска, и «0» является наилучшим показателем, показывающим существование в государстве минимальных рисков и стабильность политической системы. В табл. 3 представлены показатели стран Центральной Азии в рейтинге FSI за 2020 г.

⁷ Проект закона о митингах опубликован для обсуждения. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/06/12/demos/> (дата обращения: 15.09.2020).

⁸ Казахстан приблизился к «слышащему государству». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4356476> (дата обращения: 15.09.2020).

Таблица 3 / Table 3

Центральная Азия в рейтинге FSI 2020 /
Central Asia in the FSI 2020 ranking

Индикатор / Страна Indicator / Country	Служба безопас- ности / Security Service	Уровень разоб- щенности элит / The level of elite disunity	Недоволь- ство народа / People's discontent	Уровень экономиче- ского развития / Level of economic development	Неравно- мерность развития / Uneven development	Отток квалифици- рованных кадров / Outflow of qualified personnel	Легити- мизм власти / Legitimacy	Государ- ственные услуги / Public services	Права человека и верхов- венство закона / Human rights and the rule of law	Демографи- ческое давление / Demographic pressure	Беженцы или выж- денные пе- реселенцы / Refugees or displaced persons	Внешнее вмешатель- ство / External intervention
Казахстан / Kazakhstan	4,3	7,6	8,2	5,3	3,3	3,9	8,5	3,1	6,4	3,6	2,3	3,3
Кыргызстан / Kyrgyzstan	6,5	8,0	8,4	6,1	5,0	6,7	6,8	4,3	6,6	5,0	4,4	6,1
Таджикистан / Tajikistan	6,0	8,4	6,5	6,4	4,2	5,7	9,0	4,9	8,3	7,0	3,8	5,2
Туркменистан / Turkmenistan	5,4	7,8	5,7	5,0	6,1	4,8	9,7	4,7	8,6	4,9	3,2	3,2
Узбекистан / Uzbekistan	6,5	8,8	6,3	5,5	5,9	5,2	9,4	4,1	7,6	4,8	4,7	4,3

Источник: fragilestatesindex.org

Таким образом, исходя из показателей данного рейтинга, насущной проблемой для всех стран региона является низкий уровень легитимности правящих режимов. Составители рейтинга исходят из того, что авторитаризм, присутствующий политическим системам стран Центральной Азии, негативно влияет на уровень легитимности власти. Однако на самом деле не всегда дело обстоит именно так. Даже в недемократическом государстве действующие власти могут иметь поддержку среди населения.

Второй, не менее важной, проблемой для стран региона является фактор разобщенности элит. Этот фактор обусловлен архаическим феноменом клановости, который характерен для всех Центральноазиатских государств. Между тем именно жесткая «властная вертикаль» обладает способностью сглаживать противоречия между ведущими элитными кланами и регулировать их политические и бизнес-амбиции [Грозин 2010:100]. Следовательно, для государств, отличающихся клановой структурой общества, централизация власти будет придавать стойкость политической системе и обеспечивать политическую стабильность.

В-третьих, все страны региона сталкиваются с проблемой нарушения прав человека и принципа верховенства закона. Особенно удручающая ситуация, связанная с нарушением прав человека, зафиксирована в Таджикистане и Туркменистане, где деятельность политической оппозиции блокируется властями. Интересно, что эксперты FSI отмечают, что в последние годы Узбекистан эволюционирует в области прав человека, доказательством чему служат политические решения узбекских властей об освобождении ряда политических заключенных и историческое закрытие тюрьмы «Жаслык», знаменитой своими пытками и жестоким обращением с арестантами.

Из всех государств региона именно Казахстан оказался наиболее дееспособным и менее подверженным деструктивным тенденциям благодаря хорошо налаженной системе государственного управления и качеству предоставления государственных услуг.

Развитие демократии в странах переходного периода – Nations in Transit

Рейтинг Nations in Transit является проектом неправительственной организации Freedom House, цель которого заключается в анализе демократического развития в 29 странах, от Центральной Европы до Центральной Азии. Ежегодный обзор демократических преобразований в этих странах публикуется с 1995 г. Начиная с 2005 г. Freedom House представляет отдельный анализ и рейтинг качества управления на общенациональном и местном уровнях. Предыдущие издания включали только одну категорию управления.

В ежегодном рейтинге страны оцениваются по шкале от «1» до «7», где «1» означает низший показатель и несоответствие государства демократическим стандартам, а «7» – высший показатель и прогресс в области демократического развития. Демократическое развитие стран оценивается по следующим категориям: управление на общенациональном уровне, управление на местном уровне, избирательный процесс, независимые СМИ, гражданское

общество, судебная система, коррупция. Полученные результаты анализируются, после чего страны распределяются в соответствии со следующей классификацией: государства с устойчивой демократической системой, государства с частично демократической системой, гибридные режимы, государства с частично авторитарной политической системой, государства с авторитарной политической системой. В рейтинге Nations in Transit 2020 г. все страны Центральной Азии относятся к централизованным авторитарным политическим системам на основе следующих показателей: Казахстан – 1,3 (5% демократии), Кыргызстан – 1,98 (16%), Узбекистан – 1,13 (2%), Таджикистан – 1,2 (3%), Туркменистан – 1,02 (0%)⁹. Результаты демонстрируют фундаментальные различия в демократическом развитии Кыргызстана и других государств Центральной Азии. Такие показатели позволяют именовать Кыргызстан «островком демократии». С момента обретения независимости в 1991 г. благодаря взятому страной курсу на активное проведение демократических реформ этот образ Кыргызстана как «островка демократии» стал постепенно формироваться в официальных и экспертно-аналитических кругах. Однако после неудавшихся выборов в парламент в октябре 2020 г. и очередного витка политической напряженности в стране произошел государственный переворот и взят курс на централизацию власти.

Интересным представляется сравнить приложения, ежегодно готовящиеся к рейтингу Nations in Transit. Так, в приложении от 2018 г. отмечается, что ряд стран добились небольших успехов в процессе демократических преобразований. Например, Узбекистан в правлении нового президента взял курс на скромную «оттепель», совершенствование системы государственного управления, улучшение отношений с соседними государствами. Одним из главных достижений президента Узбекистана Ш. Мирзиёева стало освобождение 17 известных политических заключенных. Nations in Transit отметила успехи Узбекистана в развитии гражданского общества и независимых СМИ¹⁰. В приложении отмечается, что политическое руководство страны стремится развивать сотрудничество с гражданским обществом, приглашая местных активистов принять участие в заседаниях Международной организации труда (МОТ) по вопросу о принудительном труде, используемом при сборе хлопка. Частью этой политики, направленной на социальные преобразования, явился запрет на принудительный труд на хлопковых полях, введенный президентом Узбекистана в 2018 г. Значимым решением узбекских властей стало приглашение представителей американской неправительственной организации Human Rights Watch встретиться с членами правительства и гражданского общества. В последнее время власти Узбекистана демонстрируют повышенное внимание к вопросу защиты прав человека, что доказывает первый визит Верховного комиссара ООН по правам человека в республику.

⁹ Nations in Transit. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit> (accessed: 15.04.2021).

¹⁰ Ibid.

В приложении Nations in Transit 2018 г. также отмечается, что Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан относятся к автократиям, где укоренились персонифицированные режимы, в которых автократы крепко держатся за власть, подавляя политическую конкуренцию, и преследуют независимых активистов и журналистов. Подчеркивается, что в Кыргызстане сильно влияние неформальной власти, сдерживающей демократизацию и оказывающей негативный эффект на политические процессы в стране.

В приложении 2020 г. рассматривается потенциальная возможность передачи власти по семейной линии в Туркменистане и Таджикистане. Постепенно на вершину политического олимпа движется сын президента Туркменистана Сердар Бердымухамедов. В феврале 2021 г. он был назначен вице-премьером и председателем Высшей контрольной палаты по финансово-экономическим вопросам, а также введен в состав Государственного совета безопасности Туркменистана¹¹.

В апреле 2020 г. сын президента Таджикистана Рустам Эмомали был назначен спикером верхней палаты парламента. Эта должность считается второй по значимости в стране.

Интересно, что в Казахстане, где также прогнозировался транзит власти по семейной линии, сложилась несколько иная ситуация. В связи с прекращением полномочий Д. Назарбаевой в должности спикера сената в мае 2020 г., перспектива передачи власти по семейной линии в Казахстане становится довольно туманной. Второй президент Казахстана К.Ж. Токаев укрепляет власть и формирует свою собственную профессиональную команду. Новым спикером сената в Казахстане назначен М. Ашимбаев, возглавлявший предвыборный штаб К.Ж. Токаева.

Индекс политической трансформации фонда Bertelsmann – Bertelsmann Transformation Index (BTI)

Индекс BTI анализирует уровень развития демократии и эффективность государственного управления в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Экспертная аналитическая группа включает представителей со всего мира, исследователей ведущих университетов Германии и Франции. BTI подразделяется на два вида: статусный индекс и индекс управления. Статусный индекс исследует политические и экономические преобразования в 137 странах мира, находящихся на пути развития демократии и рыночной экономики. Индекс управления оценивает качество управления в странах, где утверждается демократия. Индекс представляет свои результаты каждые два года. В соответствии с индексом страны оцениваются от 1 до 10 баллов, где 1 считается низким уровнем развития демократии, а 10 соответствует высокому уровню демократических достижений. Исходя из полученных результатов, страны классифицируются по следующим видам: 1) продвинутый уровень

¹¹ Президент Туркменистана назначил сына вице-премьером. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/12/turkmenistan/> (дата обращения: 15.04.2021).

демократического развития; 2) прогрессивное демократическое развитие; 3) ограниченное демократическое развитие; 4) очень ограниченное демократическое развитие; 5) отсутствие демократического развития. В 2020 г. в индексе ВТИ государства Центральной Азии заняли следующие позиции из 137 стран мира: Кыргызстан – 57-е место (6,1 баллов), Казахстан – 100-е место (3,78 баллов), Узбекистан – 105-е место (3,63 балла), Таджикистан – 124-е место (2,92 балл), Туркменистан – 128-е место (2,75 баллов)¹². Таким образом, согласно индексу ВТИ наибольших успехов в продвижении демократии добился Кыргызстан, где политический режим был охарактеризован как «неполноценная демократия», в то время как во всех остальных государствах региона существует жесткая автократия.

Оценка уровня демократизации в исследуемых государствах по шкале от 1 до 10 (1 – это наихудший показатель, а 10 – наилучший) делается исходя из пяти основных критериев: 1) степень развития государственности; 2) политическое участие; 3) верховенство закона; 4) стабильность демократических институтов; 5) общественно-политическая консолидация. В 2020 г. страны Центральной Азии заняли следующие позиции в индексе ВТИ (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

**Оценка политической трансформации Центральноазиатских государств
(Индекс ВТИ 2020 г.) /
Assessment of the Political Transformation of the Central Asian States
(BTI 2020)**

Индикатор / Страна Indicator / Country	Государственность / Statehood	Политическое участие / Political participation	Верховенство закона / Rule of law	Стабильность демократических институтов / Stability of democratic institutions	Общественно-политическая консолидация / Socio-political consolidation
Казахстан / Kazakhstan	8,3	6,3	5,0	6,0	5,0
Кыргызстан / Kyrgyzstan	8,5	2,3	3,5	2,0	2,7
Таджикистан / Tajikistan	7,8	2,5	3,3	2,0	2,7
Туркменистан / Turkmenistan	7,5	1,8	2,0	2,0	2,3
Узбекистан / Uzbekistan	8,0	1,0	1,8	1,8	2,0

Источник: <https://www.bti-project.org/en/data/rankings/status-index>

Как следует из данных табл. 4, самые высокие показатели политической трансформации зафиксированы у Кыргызстана, делающего успешные шаги в направлении укрепления государственности и демократических институтов, а также создания условий для политического участия. Однако показатели

¹² Transformation Index BTI. URL: <https://www.bti-project.org/en/data/rankings/status-index> (дата обращения: 15.03.2021).

данного рейтинга явно преувеличены, так как указанные в таблице достижения Кыргызстана не просматриваются в его общественно-политической практике. На протяжении тридцати лет Кыргызстан движется к демократии, однако этот процесс сопровождается серьезными социальными, экономическими и политическими трудностями. Помимо негативного влияния неформальных структур на демократический транзит в республике существуют застарелые проблемы, среди которых слабая экономика, системная коррупция, низкий уровень жизни населения. Все эти факторы вкупе расшатывают хрупкую государственность страны. На современном этапе перед Кыргызстаном стоят стратегические задачи – добиться политической стабилизации после смены власти в октябре 2020 г. и нейтрализовать последствия пандемии COVID-19.

В индексе ВТИ по уровню развития рыночной экономики Казахстан опередил все государства региона (Кыргызстан – 66, Узбекистан – 98, Таджикистан – 113, Туркменистан – 128) и занял 54-е место. Действительно, благодаря стратегическому планированию Казахстан значительно преуспел в регионе, создав за годы независимости эффективную модель экономического развития. Такая модель позволила провести структурные преобразования в экономической сфере и совершить стратегический прорыв.

Выводы

Анализ международных индексов развития демократии и места в них государств Центральной Азии показывает дифференцированное политическое и экономическое развитие этих стран. Результаты международных рейтингов, конструируемых странами Запада, невольно побуждают страны Центральной Азии развивать демократические принципы и перестраивать свои постсоциалистические режимы по западному образцу. Развитие политических систем по модели либеральной демократии щедро поощряется странами Запада, что априори исключает появление каких-либо альтернативных путей государственного развития. В результате нередко в странах региона происходит слепое копирование западных демократических идеалов в ущерб национальным особенностям, что генерирует неустойчивость политических систем.

На протяжении нескольких десятилетий в большинстве новых независимых государств региона укреплялись авторитарные тенденции. Итогом этих формальных политических трансформаций стала персонификация власти и отсутствие политической конкуренции. Кыргызстан считался «островком демократии» в регионе благодаря сформированному в стране институциональному дизайну, существующему политическому плюрализму, относительной развитости гражданского общества. Однако на современном этапе республика дрейфует в сторону укрепления авторитаризма, в котором растворяется механизм сдержек и противовесов. Между тем переход к авторитарному политическому режиму стал ответом на структурные проблемы, с которыми столкнулась республика в процессе движения к демократии. Казахстан сильно отличается от других стран региона своими успехами по двум

направлениям, а именно пути создания гибкой системы государственного управления и эффективной модели экономического роста с опорой на внутренние ресурсы. На современном этапе можно говорить о своеобразной узбекской «оттепели», которая проявляется в демонстрации желания со стороны руководства страны осуществить либерально-демократические преобразования. В Таджикистане и Туркменистане участие граждан в политике ограничено, и вся власть сосредоточена в руках действующих президентов. В этих двух Центральноазиатских автократиях существует высокая вероятность транзита власти по семейной линии.

Поступила в редакцию / Received: 22.12.2020

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Жильцов С., Слизовский Д., Шуленина Н., Маркова Е. Формирование национальной идентичности в странах Центральной Азии: итоги, проблемы, перспективы // *Центральная Азия и Кавказ*. 2018. Т. 21. № 1. С. 40–54.
- Мальшичева Д.Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии // *Контурь глобальных трансформаций*. Т. 2018. 11. № 3. С. 36–52.
- Иванов В.Г. Валидность межстрановых сравнительных рейтингов и глобальных бенчмарков с позиции теории сложных систем в международных отношениях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2017. Т. 19. № 3. С. 290–295.
- Грозин А. Элиты Туркменистана и Центральноазиатские кланы: общее и особенное и трудности модернизации // *Россия и мусульманский мир*. 2010. № 12. С. 94–106.
- Шкель Н.С. Режимная динамика постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2015. Т. 29. № 1. С. 5–23.

References

- Zhiltsov, S., Slizovsky, D., Shulenina, N., & Markova, E. (2018). Formation of national identity in the countries of Central Asia: Results, problems, prospects. *Central Asia and the Caucasus*, 21(1), 40–54.
- Malysheva, D.B. (2018). Political processes in post-Soviet Central Asia. *Contours of global transformations*, 11(3), 36–52.
- Ivanov, V.G. (2017). Validity of cross-country comparative ratings and global benchmarks from the perspective of the theory of complex systems in international relations. *The RUDN Journal of Political Science*, 19(3), 290–295.
- Grozin, A. (2010). Elites of Turkmenistan and Central Asian clans: General and special and difficulties of modernization. *Russia and the Muslim world*, 12, 94–106.
- Shkel, N.S. (2015). Regime changes of Post-soviet states of Central Asia and the Caucasus. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 29(1), 5–23.

Сведения об авторе:

Гарбузарова Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета (e-mail: play_elenag@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3481-4363).

About the author:

Elena G. Garbuzarova – PhD in History, Associate Professor of Political Science Department of Kyrgyz-Russian Slavic University (e-mail: play_elenag@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3481-4363).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-394-406

Research article / Научная статья

Poland and Hungary: Democratic Backsliding and the Shifting European Political Landscape

J. Everett

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. This study focuses on the role of Poland and Hungary in the shifting European political landscape, especially considering their recent democratic backsliding. Methodologically, the impact of domestic factors, specifically those involved in democratic backsliding, are qualitatively considered as a source of Poland and Hungary's international policy, focusing on European politics. There is significant literature available on the waves and counter waves of democratic change in the world, which is used to provide context for the cases at hand. Then, the theory of consolidation of democracy is considered, including whether Poland and Hungary were really cases of consolidated democracies. The developing Polish-Hungarian coalition, in the European context, is then considered. The two nations' role in driving the EU towards a more restrictive migration policy during the migration crisis is discussed, as is the future EU role of Poland and Hungary. The article finds that whether through extreme pressure, setting the agenda or leading the way, as during the migrant crisis, or forming a new European political grouping, Poland and Hungary look set to actively attempt to mould the EU, and European politics more generally, to their liking.

Keywords: Poland, Hungary, Democratic Backsliding, the European Union, European politics

For citation: Everett, J. (2021). Poland and Hungary: Democratic backsliding and the shifting European political landscape. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 394–406. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-394-406

Польша и Венгрия: демократический откат и сдвиг политического ландшафта Европы

Дж. Эверетт

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Фокусом представленной работы является роль Польши и Венгрии в изменении общеевропейского политического ландшафта, особенно с учетом предполагаемого отхода этих стран от демократических стандартов в последние годы. Используется методология количественной оценки влияния внутривнутриполитических факторов, в особенности связанных с режимной трансформацией, на внешнюю политику Польши и Венгрии, с акцентом на их

© Everett J., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

взаимоотношениях с Европейским союзом. Кейсы анализируются в контексте обширной литературы по волнам и откатам демократизации, а также в свете теории демократической консолидации. Рассматривается вопрос о том, являлись ли Польша и Венгрия полноценными консолидированными демократиями. Также исследуется становление коалиции Польши и Венгрии; обсуждаются роль этих двух стран в продвижении более жесткой иммиграционной политики во время европейского миграционного кризиса, а также будущая роль Польши и Венгрии в ЕС. Делается вывод о том, что Польша и Венгрия намерены активно влиять на устройство ЕС и европейскую политику в целом как с помощью инструментов давления, формирования повестки и лидерства, в частности во время миграционного кризиса, так и посредством создания новой политической группы влияния.

Ключевые слова: Польша, Венгрия, демократическое отступление, Европейский союз, европейская политика

Для цитирования: *Everett J.* Poland and Hungary: Democratic backsliding and the shifting European political landscape // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 394–406. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-394-406

Introduction

This article addresses the democratic backsliding of Poland and Hungary in the European context, asking what kind of role, in light of the current trajectory of democratic backsliding, Poland and Hungary may take in the shifting European political landscape. When considering the relationship between Poland, Hungary and the EU, many studies have presumed the two nation states to be mere receivers of EU policy or disciplinary action, but at the very best this image is incomplete. This article considers how Poland and Hungary may find a position from which they might actively influence the shifting European political landscape. In doing so, a qualitative approach is taken which considers the impact of domestic factors, specifically those involved in democratic backsliding, as a source of Poland and Hungary's international policy, focusing on European politics.

Initially, following the collapse of their communist regimes, Poland and Hungary were two of the pioneers of ambitious post-communist transitions, there were even hopes in Moscow that they might provide models for the rest to follow [Lévesque 1997]. The hope that they might create some kind of democratic socialism was never realised as they, and many other former communist countries, instead fully embraced the Western model, even joining the EU and NATO. What had looked like an absolute victory for the heady ideals of Western systems, such as democracy and the rule of law, appeared to have swept the region. However, in more recent times this has come to be questioned. Ironically, the pioneering Poland and Hungary have caused alarm, as some become concerned that they may be pioneers in rejecting the ideals which they had seemed to have so fully adopted.

Beyond the joint attention which they have been receiving recently, Poland and Hungary are ideal candidates for comparison as they are two countries with many similarities and markedly interwoven histories. Admittedly, all countries in the region have interwoven histories to an extent, but in the case of Poland and Hungary it is stronger than most. Once parts of large empires which covered huge amounts

of European land and fought for one another, the 20th century experience of communism was a far cry from former glories. However, after 1989 both progressed towards democracy, free market economies and liberalism. Moreover, both have allegedly also seen some losses in that progression in recent years. The main question for consideration here is what kind of role, in light of the current trajectory of democratic backsliding, Poland and Hungary may take in the shifting European political landscape. In order to address this question, firstly whether Poland and Hungary were really consolidated democracies and how they backslid is considered. Subsequently, the Polish-Hungarian coalition is explored, then their central role in the European reaction to the migration crisis and the future EU role of Poland and Hungary is reflected upon.

Transition to Consolidated Democracies

Poland and Hungary became democracies following the rise of Gorbachev and the introduction of the policy of democratisation in the Soviet Union, several roundtable talks and free elections in central Europe, in what many considered a wave of democratisation [Huntington 1991]. Poland and Hungary were leaders in this democratisation wave, but the salient question here is were they consolidated democracies. Sage's International Encyclopaedia of Political Science describes democratic consolidation as follows: "the process of defining and firmly establishing the essential characteristics (and adjusting the secondary ones) of the structures and norms inherent in a democratic regime, which comes about also, but not exclusively, with the passage of time. Institutions, procedures, practices, customs, and routines are defined and adapted, and at the same time, the structures and regulations for the peaceful resolution of conflicts become accepted, thus strengthening the regime's legitimization" [Badie et al. 2011].

It is also explained that the consolidation of democracy has often been considered as the strengthening of a democracy, which historically meant to make it secure against the dangers of authoritarianism. However, it is stated that this changed and strengthening a democracy came to be considered more as deepening its characteristics and realising its full potential [Badie et al. 2011].

One of the most important developments in the idea of consolidated democracies was Linz and Stepan's [1996] *Toward Consolidated Democracies*, their definition included three main elements. These elements are as follows: behaviourally, attitudinally, and constitutionally. Linz and Stepan are also credited with popularising the term "the only game in town" [Gorokhovskaia 2017], these three elements ensure, as much as is possible, that democracy is the only game in town – that no other system approaches realistically have a chance. Behaviourally, a democratic regime is consolidated when no significant national, social, economic, political, or institutional actors within that territory spend significant resources attempting to achieve their objectives either by creating a non-democratic regime or by seceding from the state [Linz, Stepan 1996]. Attitudinally, a democratic regime is consolidated when, even in the midst of major economic problems and

deep dissatisfaction with incumbents, a strong majority of public opinion holds the belief that democratic procedures and institutions are the most appropriate way to govern collective life, and when support for anti-system alternatives is quite small or more-or-less isolated from pro democratic forces [Linz, Stepan 1996]. Constitutionally, a democratic regime is consolidated when both governmental and nongovernmental forces accept and are subject to the resolution of conflict within the bounds of the specific laws, procedures, and institutions sanctioned by the new democratic process [Linz, Stepan 1996].

Also identified in this article are five interconnected and mutually reinforcing conditions which must be present, or created, in order for a democracy to be consolidated. The first of which is the conditions in which a free and lively civil society may be developed, which is linked with the second condition of a relatively autonomous political society. The third condition is the rule of law, which naturally must be extended to all major political actors and the entire territory of the state. Fourthly, a usable state bureaucracy must exist, allowing any new democratic government to utilise it. Fifthly, and finally, an institutionalised economic society is required [Linz, Stepan 1996]. The authors also stress the importance of a usable bureaucracy and to dismiss any thoughts of civil society versus state in some kind of confrontation. The danger of ethnic conflict and the duality of simultaneous political and economic reforms are discussed [Linz, Stepan 1996].

As early as 1998 it was assessed that for most observers Poland and Hungary had already “*passed the point of no return*”, meaning that an authoritarian reversal in these states was considered to be unlikely [Ekiert, Kubik 1998]. The constitutional changes were the easiest to introduce, but there were concerns that financial hardship may give an opportunity to a resurgent left which could reassert authoritarianism, or facets of authoritarianism, in the newly democratic countries. However, this did not come to pass, the left lost, then won and it seemed the earlier concerns about the return of the left were misplaced and democracy managed to survive, some even argued was well served by, the loss and then victory of ex-communist forces [Bozóki, Ishiyama 2002]. The left would eventually lose elections again and the consistent changing of power furthered the idea that they democracies had passed the point of no return. According to research by Szawie, undertaken a decade after Ekiert and Kubik had already concluded that Poland had passed the point of no return: “*The analyses suggest that Polish democracy is consolidated, stable and persistent. However, support for democratic government is hardly enthusiastic*” [Szawiel 2009]. Overall, some concerns lingered, but most respected opinions considered Poland and Hungary to be consolidated democracies, or a considerable way down the path to consolidation. In light of such judgements, the subsequent backsliding seems very unexpected. The next section outlines the theory of democratic backsliding and how it occurred in Poland and Hungary.

From Consolidated to Backsliding Democracies

The breadth of the concept of democratic backsliding is important in understanding the concept itself, as it incorporates so many ideas and notions. In its

most basic form, it refers to the state-led debilitation or elimination of any of the political institutions that sustain an existing democracy [Bermeo 2016]. However, due to the myriad of political institutions which sustain democracy, the term embraces multiple processes [Bermeo 2016]. Another important element of backsliding is the pace at which it occurs, with it involving “relatively fine-grained degrees of change” [Waldner, Lust 2018]. It is also important to note that, as backsliding “entails a deterioration of qualities associated with democratic governance”, it can occur in different regime types; in democratic regimes, it is a decline in the quality of democracy; in autocracies, it is a decline in democratic qualities of governance [Waldner, Lust 2018]. Bermeo [2016] identified six major varieties of democratic backsliding:

- 1) open-ended coups d'état
- 2) promissory coups
- 3) executive coups
- 4) executive aggrandisement
- 5) election-day vote fraud
- 6) strategic harassment and manipulation

In modern times, open-ended coups d'état, executive coups and election-day vote fraud are being replaced by promissory coups, executive aggrandisement and strategic harassment and manipulation.

Since the rise of Fidesz in Hungary, from 2010, and the Law and Justice party (PiS) in Poland, from 2015, there has been much criticism directed at the two governments. By 2020, Hungary had been said to have clearly crossed the line and left liberal democracy behind, while the PiS government in Poland was said to have gone far down a similar track [Bakke, Sitter 2020]. It has been stated that the governments of the two countries have “led both countries to levels of democratic backsliding that are considered intolerable by the EU” [Holesch, Kyriazi 2020]. Hungary has been termed an authoritarian regime, while PiS have dramatically eroded liberal democracy [Vachudova 2020]. Hungary was downgraded to partly free by Freedom House due to Fidesz's imposition of restrictions or assertion of control over the opposition, the media, religious groups, academia, NGOs, the courts, asylum seekers, and the private sector since 2010 [Bakke, Sitter 2020]. The employment of ethnopopulism, defined as the intertwining of the defence of “the people” with the defence of an ethnicity, culture, nation, religion and/or race, in both countries is significant, with it representing both a strategy for winning votes and for concentrating power [Vachudova 2020].

The mere fact that both Poland and Hungary have experienced state-led debilitation or elimination of any of the political institutions that sustain an existing democracy and a deterioration of qualities associated with democratic governance does not mean that the two are exactly the same. Firstly, the exact techniques have somewhat differed; secondly, the presence of democratic backsliding does not mean that the destination of said backsliding is the same. The specific techniques utilised in Poland have resulted in the country becoming one of the most polarised countries in the EU, along religious and gender and sexual orientation, and have led to many

calling the Polish form of backsliding conservative autocracy [Magyar, Madlovics 2020], Zeller¹. Others have spoken of the conservative modernisation strategy of PiS [Jasiecki 2018]. Hungary, on the other hand, has been presented as a case of patronal autocracy [Magyar, Madlovics 2020] or even a paradigmatic case of the mafia state [Magyar, Vászárhelyi 2017].

The fact that some backsliding has occurred seems to largely be beyond doubt; however, the specific changes which have been undertaken requires some explanation. According to Levitsky and Ziblatt [2018] elected autocrats:

“subvert democracy – packing and ‘weaponizing’ the courts and other neutral agencies, buying off the media and the private sector [or bullying them into silence], and rewriting the rules of politics to tilt the playing field against opponents. The tragic paradox of the electoral route to authoritarianism is that democracy’s assassins use the very institutions of democracy – gradually, subtly, and even legally – to kill it.”

All of these methods can be seen to be employed in Poland and Hungary. Fidesz and PiS both targeted state-run media, filling editorial boards and oversight organs with appointees loyal to them, resulting in what some called “a veritable government propaganda machine” [Bakke, Sitter 2020]. Journalistic freedom is often considered an important bastion of freedom of speech. However, control of the media has been central to the policies of both Orbán and Kaczyński [Sata, Karolewski 2020]. In Hungary media legislation was adopted in order to correct a perceived leftist bias, added to this was the appointment system which effectively gave the government de facto control over the Media Council and Hungary’s public service media outlets: national TV, radio stations and the national news service. Licencing for private media outlets and the threat of sanctions from the Media Council for content which is not considered balanced, accurate, thorough objective and responsible, further curtailed journalistic freedom [Sata, Karolewski 2020]. PiS focused on replacing leading personnel in public radio and TV, enacting controversial laws which enabled the Minister of Treasury to directly appoint the heads of public TV and radio. In a move which circumvented the National Broadcasting Council, a constitutional institution, to guarantee independent information in state-owned media [Sata, Karolewski 2020].

Significant backsliding in the area of the rule of law also occurred. In both Poland and Hungary there were attacks on checks and balances, the independence of the judiciary, and control of public administration [Bakke, Sitter 2020]. Poland and Hungary have both utilised the twin concepts of constitutional identity and constitutional pluralism, notable instances include Hungary blatantly violating the EU asylum acquis and refusing to recognise the primacy of EU law in this domain, or Poland attacking the independence of the judiciary, claiming that such matters fall within the exclusive bounds of its authority and citing scholars of constitutional pluralism and the EU’s “national identity clause” [Kelemen, Pech 2019].

¹ Zeller, M.C. (2020, September 1). *Poland is moving further towards autocracy*. OpenDemocracy. Retrieved April 5, 2021, from <https://www.opendemocracy.net/en/global-extremes/poland-moving-further-towards-autocracy/>

Backsliding in the area of free and fair elections also took place, mainly affecting the rules of elections, including financing and specific procedures. Fidesz undertook reforms in 2011, the changes were extreme in both their unilateral nature, but also in the tailor-made nature of the electoral reform [Bakke, Sitter 2020]. The OSCE criticised the 2014 and 2018 Hungarian election as free but not fair [Bakke, Sitter 2020]. Fidesz overhauled Hungary's electoral system in repeated modifications to favour themselves, manipulating advertising and campaigning rules to benefit his party, encouraging the creation of fake-parties to split the anti-Fidesz vote, engaging in gerrymandering and co-opting the State Audit Office [Sata, Karolewski 2020]. PiS lacked the constitutional changing majority of Fidesz, cancelling a proposed electoral law similar to the Hungarian one which was successfully enacted. However, they do regularly employ public institutions as weapons against the opposition to limit political competition, with PiS controlled tax authorities or district attorneys harassing opposition politicians [Sata, Karolewski 2020].

Despite having once been considered consolidated democracies, both Poland and Hungary have been observed to have experienced democratic backsliding, with ethnopopulism at play. This deployment of ethnopopulism was always likely to put the two nations on a collision course with the pluralist multi-ethnic European Union. Such conflict was not shied away from, rather it was embraced. In the rhetoric of Orbán and Kaczyński, the EU is equated with “the corrupt elite” in conflict with the “pure people”, in other words, the Hungarians and Poles [Csehi, Zgut 2021]. The notion of popular sovereignty is also important, as is the anti-imperialist feelings so heavily present in the politics of the two countries [Csehi, Zgut 2021].

This section has considered how Poland and Hungary moved from consolidated democracies to prime examples of democratic backsliding. The concept of democratic backsliding was outlined, before considering the trajectories and techniques of Poland and Hungary. So far, attention has been paid to the domestic situation of the two. However, both are members of multiple international organisations; arguably, the most important of which being the European Union. Therefore, the subsequent sections consider the two in this context, discussing the Polish-Hungarian coalition, their role in the migration crisis and their future role within the EU.

The Polish-Hungarian Coalition

The fact that there has been democratic backsliding in Poland and Hungary is, at this stage, well documented, even the exact techniques used to achieve this have been well documented. The fact that there have been different typologies applied to the kind of regimes which have developed in Poland and Hungary has been noted, but that has not prevented the two countries working together to form, what is called here, a Polish-Hungarian coalition. The term Polish-Hungarian coalition has been used by Holesch and Kyriazi [2020], but others have preferred to use the term

“illiberal bloc” [Nyyssönen 2018]. Other terms may well be applied to the phenomenon of Poland and Hungary’s close relationship, which has increasing importance for the international and, especially, European arena.

In general, there has begun to be an acknowledgement that the discussion regarding the two must move beyond democratic backsliding to consider broader implications. However, few have taken note of the pressure which Poland and Hungary have applied and the successes they have already experienced. Holesch and Kyriazi [2020] did note the role of the Hungarian-Polish coalition in the European Union. They found that the coalition worked together to provide mutual protection within the supranational arena, especially with the aim of limiting the EU’s sanctioning capacities [Holesch, Kyriazi 2020]. This kind of “defensive” strategy of the coalition, working together to protect each other from the types of punishments the EU may hand out are well-known. However, this article attempts to go beyond this more traditional view to consider how the two might work together towards more proactive goals.

Only indirectly affecting the EU are two more central factors in the Polish-Hungarian coalition: learning and legitimation. The transfer of backsliding measures and practices between the two nations is to be expected and can be seen in various areas of the two nations [Holesch, Kyriazi 2020]. Domestic legitimation can be greatly strengthened by the political backing of a key international ally; indeed, endorsement on the international level helps to cast the government’s controversial actions as normal and justified at home, something which has occurred between Poland and Hungary [Holesch, Kyriazi 2020].

The pairing of Poland and Hungary are perhaps predisposition to coalition, the phrases “Pole and Hungarian cousins be” in Polish and “Pole and Hungarian, two good friends” in Hungarian illustrate the closeness of the two nations [Nyyssönen 2018]. In such a context, the international legitimation of a close ally, a cousin even, is likely to be particularly effective. Shared history is often stressed too, with the year 1848, and particularly one man, general Józef Bem, of central importance [Nyyssönen 2018]. Furthermore, both desire to be different, stress their own paths of history, search for prestige, and consider all this more important than the current Western criticism of democracy and the rule of law [Nyyssönen 2018].

As previously noted, the governments of the two countries have been said to have “led both countries to levels of democratic backsliding that are considered intolerable by the EU” [Holesch, Kyriazi 2020]. Furthermore, the EU seems to have woken up to the danger, with the Commission beginning to explore new policy tools for dealing with rule-of-law violations, including withholding EU funding [Bakke, Sitter 2020]. On the other hand, the EU faces an intervention paradox, where sanctions, if not blocked by the coalition, may curb illiberalism or may be seen as interference in the sovereign political space of member states, triggering a powerful nationalist backlash [Öniş, Kutlay 2020]. Meanwhile, far from turning the tide it seems that the coalition may well spread its ideology abroad, perhaps within the Western Balkans where Orbán’s use of soft power has been noted [Holesch, Kyriazi 2020].

The possible impact of the Polish-Hungarian coalition goes far beyond their neighbours in the Western Balkans or even the post-communist area of Europe.

There is perhaps an element of snobbery, from the scholarship and politicians alike, in how the backsliding in Poland and Hungary is addressed within the EU context. Perhaps this can somewhat be explained by the prevailing view of post-communist transitions being the convergence, or sometimes even the catching up, of post-communist nations with those of Western Europe. It is conceivable that some view the EU project as one to be steered and controlled by the traditional nations of the Union. However, politics rarely transpires as such. Instead, Poland and Hungary have every chance of making waves on the EU stage, of influencing policy directions on the EU level and taking a significant role in shaping the shifting European political landscape.

The Migration Crisis

The migrant crisis in Europe was the first time that Poland and Hungary had a clear impact on European level politics since their backsliding had begun. The refugee crisis led to public discussions about the threat that Muslim refugees pose to the Christian identity of the continent, especially in the new accession countries in Central Europe, in what some have called Islamophobia without Muslims [Goździak, Márton 2018]. In Poland the migration crisis was painted as the manifestation of an incompetent political elite that acted against the interest of the Polish people, potential mandatory relocation quotas were opposed and Kaczyński spoke of “external oppression” and the “breaking of the sovereignty of the people” [Csehi, Zgut 2021]. In Hungary, Orbán spoke of the loss of a “common European homeland” and explicitly blamed the political, economic and intellectual leaders for this loss, “who are trying to reshape Europe against the will of the people of Europe” [Csehi, Zgut 2021].

The narratives which dominated the Polish and Hungarian press painted the recent influx of refugees seeking safety in Europe as a “raid”, a “conquest” and “penetration”, as well as asserting that Muslims will combat Europe not only with terrorism but also with the uterus of their women, who will bear enough children to outnumber native Poles and Hungarians [Goździak, Márton 2018]. Such rhetoric easily dovetailed with the existing views being disseminated by the governments of Poland and Hungary, which painted the EU as out of touch elitists. These out of touch elitists were pushing for the destruction and desecuritisation of Poland and Hungary, as well as Polish and Hungarian society, or so went the rhetoric.

The events of the migration crisis were developing as Poland and Hungary voiced their displeasure with Brussels and further leaned into their form of populism. Towards the end of 2015, approximately 10,000 people were arriving on the Greek islands every day and the European Council initiated a joint action plan with Turkey, which would eventually become the EU-Turkey agreement, implemented in March 2016 [Baldwin-Edwards et al. 2019]. The explicitly stated objective was to reduce the number of refugees and other migrants arriving in EU territory, significant transfers of financial assistance were made, in March 2016, all the Balkan borders were closed for asylum seekers wishing to exit Greece and the eastern border with Turkey was formally closed [Baldwin-Edwards et al. 2019]. The

EU-Turkey agreement created a cut-off point of 20 March, after this for every Syrian returned from Greece another would be resettled directly from Turkey to the EU, Turkey was to take measures to prevent all irregular migration from Turkey to the EU and funding of €3bn from the Facility for Refugees in Turkey would be available, with another potential €3bn by the end of 2018 [Baldwin-Edwards et al. 2019].

Many felt that the EU's response was a dereliction of duty and an abandoning of European values. However, without entering into such a contentious debate, so fraught with potential difficulties and points of dispute, it is sufficient for this paper to note the importance of the pressure applied by Poland and Hungary. Indeed, it is notable that during the height of the crisis “one by one, Greece's western neighbours followed Hungary's example and closed their borders” [Baldwin-Edwards et al. 2019]. The role of other Eurosceptic, and often migrant-sceptic countries, such as the UK, should not be ignored. Nevertheless, it seems that two nations which had only entered the European Union in 2004 had employed such pressure on Brussels so as to drastically alter the whole unions policy direction. Such impact from two democratically backsliding nations prompts the question of what the future role of Poland and Hungary may be in European politics.

The Future EU Role of Poland and Hungary

Even while Poland and Hungary were successfully influencing the policy direction of the EU, there were signs that not all was well for Poland and Hungary in the European community. The European People's Party (EPP) suspended the membership of Fidesz on the grounds of democratic backsliding [Bakke, Sitter 2020]. The triggering of the Article 7 sanctions procedure against Hungary in the European Parliament resulted in Orbán further sharpening the distinction between “the corrupt EU” and “the Hungarians”, but also defending both Poland and Hungary from the EU on anti-imperialist grounds [Csehi, Zgut 2021]. The way the anti-elitist and anti-EU populism was being utilised during the democratic backsliding in the two countries was always likely to draw attention and potential consequences from the supranational level. What, then, is the future of Poland and Hungary in the EU and what role will they play in that union?

Poland and Hungary, as well as their interdependence, have been said to form the origin and the core of the current “illiberal bloc” [Nyyssönen 2018]. The two governments have shown no intentions of passively accepting the punishments the EU may direct against them or the policy direction which the rest of the continent may try to steer them down. This is part of a broader observable trend in which heavily nationalist and illiberal leaders from Putin to Trump, from Orbán to Erdoğan, from Le Pen to Salvini, benefit from one another's existence [Öniş, Kutlay 2020]. They try to maximise the mutual benefits, forming alliances and cross-cutting coalitions to advance their cause rather than remaining on the receiving end of the hegemonic contest over prevalent norms in a shifting international order [Öniş, Kutlay 2020]. How could this affect the future of the EU?

The clearest sign of what the future could hold may well be the plan between Orbán and Polish ally Morawiecki, as well as Salvini, leader of Italy's rightist

League party, to create a new European political grouping², suggesting that these countries will seek to play an active role in shaping the shifting European political landscape. It seems that Orbán and Kaczyński are not necessarily interested in copying the Brexit strategy, Orbán especially wants to be an integral part of a process in which the EU is transformed from within and evolved into a different kind of entity [Öniş, Kutlay 2020]. It has been speculated that Orbán desires an EU which is mono-cultural and anti-immigrant, which has closed borders and is constituted by patriots instead of cosmopolitans, where Christian culture dominates instead of a multicultural mishmash [Öniş, Kutlay 2020]. Given how both have desired to be different, it is easy to see how such a vision would appeal to many within Poland, undoubtedly a majority within PiS, but the appeal may be broader still – as meetings with Salvini indicate.

Previous attempts to unify have failed, in no small part due to differing views on relations with Russia; Poland, and PiS especially, hold quite Russophobic views. On the other hand, Orbán and Fidesz have been against EU sanctions on Russia, use Russian oil, gas and nuclear power, and became the first EU country to use a Russian vaccine for COVID-19. Salvini and some other potential members of the new group are pro-Russian and this may cause problems for the future alliance³. Nevertheless, Fidesz are no longer part of the mainstream conservative European People's Party, with Orbán noting that many Europeans reject immigration and multiculturalism, prefer a traditional family model and want to protect their national identity and consider national authority superior to European directives, yet these voters have fragmented representation in Europe, a situation he hoped to resolve with this new alliance⁴.

Significant barriers remain to such an alliance, for example, in 2015 the Polish and Hungarian Prime Ministers traded history lessons regarding Russian relations [Nyssönen 2018]. This situation may worsen in the future, the growing tendency for the Russophobia of PiS to stray into pure delusional conspiracy theory promotion, as with the repeated claims that the Kaczyński plane crash of 2010 was actually a Russian assassination, may well prove to represent too significant a hurdle to be surpassed in the search for a functioning European political grouping. Furthermore, the broad Polish opposition to Nord Stream 2 may cause significant issues for the country, unless as with the migration crisis they once again find themselves on the victorious side of the policy debate. There is a possibility that this may well be the case, although the exit of the UK from the EU may make their task somewhat more difficult. Nevertheless, Poland and Hungary are seeking to create a new European political grouping, a clear sign that they seek a platform to actively shape European politics and have no intention of passively accepting what the EU decrees.

² Dunai, M., & Plucinska, J. (2021, April 1). Hungary, Poland, Italy leaders seek new European right-wing core. *Reuters*. Retrieved April 5, 2021, from <https://www.reuters.com/article/eu-politics-hungary-poland-italy-idUSL8N2LU3GM>

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Conclusion

This article has addressed the democratic backsliding of Poland and Hungary, asking what kind of role, in light of the current trajectory of democratic backsliding, Poland and Hungary may take in the shifting European political landscape. In order to address this question, firstly whether Poland and Hungary were really consolidated democracies and how they backslid was considered. Subsequently, the Polish-Hungarian coalition was explored, then their central role in the European reaction to the migration crisis and the future EU role of Poland and Hungary were reflected upon. The transition to democracy has been conceptualised in different ways, but many considered Poland and Hungary to be consolidated democracies. However, the two nations then experienced democratic backsliding. The backsliding saw the rule of law eroded, the media landscape and rules governing elections changed to suit the ruling parties, especially in Hungary. Such changes, along with the ethnopopulism which have brought Fidesz and PiS to power, have put the two countries on a collision course with the EU.

The changes in these two EU member states have resulted in speculation that they may face various consequences. Indeed, article 7 was triggered in the case of Hungary, who also saw The European People's Party (EPP) suspend the membership of Fidesz on the grounds of democratic backsliding. However, amid such issues the two have joined together to provide mutual protection within the supranational arena, especially with the aim of limiting the EU's sanctioning capacities, they also played a major role in shifting the EU's policy direction during the migration crisis. Furthermore, Orbán, Morawiecki and Salvini are working on the creation of a new European political grouping, which suggests that these countries will seek to play an active role in shaping the shifting European political landscape. When considering the relationship between Poland, Hungary and the EU, many have presumed the two nation states to merely be receivers of EU policy or disciplinary action, but at the very best this image is incomplete. Whether through extreme pressure, setting the agenda or leading the way, as during the migrant crisis, or forming a new European political grouping, Poland and Hungary look set to influence the shifting European political landscape.

Received / Поступила в редакцию: 16.04.2021

Accepted / Принята к публикации: 12.05.2021

References

- Badie, B., Berg-Schlosser, D., & Morlino, L. (Eds.). (2011). *International encyclopedia of political science*. SAGE Publications.
- Bakke, E., & Sitter, N. (2020). The EU's enfants terribles: Democratic backsliding in Central Europe since 2010. *Perspectives on Politics*, 1–16.
- Baldwin-Edwards, M., Blitz, B.K., & Crawley, H. (2019). *The politics of evidence-based policy in Europe's 'migration crisis'*. Taylor, Francis.
- Bermeo, N. (2016). On democratic backsliding. *Journal of Democracy*, 27(1), 5–19.
- Bozóki, A., & Ishiyama, J.T. (Eds.). (2002). *The communist successor parties of Central and Eastern Europe*. Routledge.

- Csehi, R., & Zgut, E. (2021). ‘We won’t let Brussels dictate us’: Eurosceptic populism in Hungary and Poland. *European Politics and Society*, 22(1), 53–68.
- Ekiert, G., & Kubik, J. (1998). Contentious Politics in New Democracies: East Germany, Hungary, Poland, and Slovakia, 1989–93. *World Politics*, 50(4), 547–581. JSTOR.
- Gorokhovskaia, Y. (2017). *Democratic consolidation* [Data set]. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/obo/9780199756223-0224>
- Goździak, E.M., & Márton, P. (2018). Where the wild things are: Fear of Islam and the anti-refugee rhetoric in Hungary and in Poland. *Central and Eastern European Migration Review*, 7(2), 125–151.
- Holesch, A., & Kyriazi, A. (2020). Democratic backsliding in the European Union: The role of the Hungarian-Polish coalition. *East European Politics*, 1–20.
- Huntington, S.P. (1991). Democracy’s Third Wave. *Journal of Democracy*, 2(2), 12–34. <https://doi.org/10.1353/jod.1991.0016>
- Gunitsky, S. (2018). Democratic Waves in Historical Perspective. *Perspectives on Politics*, 16(3), 634–651. <https://doi.org/10.1017/S1537592718001044>
- Jasiecki, K. (2018). “Conservative modernization” and the rise of law and justice in Poland. In *New conservatives in Russia and East Central Europe* (pp. 130–153). Routledge.
- Kelemen, R.D., & Pech, L. (2019). The uses and abuses of constitutional pluralism: Undermining the rule of law in the name of constitutional identity in Hungary and Poland. *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*, 21, 59–74.
- Lévesque, J. (1997). *The enigma of 1989: The USSR and the liberation of Eastern Europe*. University of California Press.
- Levitsky, S., & Ziblatt, D. (2018). *How democracies die* (First edition). Crown.
- Linz, J.J., & Stepan, A.C. (1996). Toward consolidated democracies. *Journal of Democracy*, 7(2), 14–33.
- Magyar, B., & Madlovics, B. (2020). *The anatomy of post-communist regimes: A conceptual framework*. Central European University Press.
- Magyar, B., & Vászárhelyi, J. (Eds.). (2017). *Twenty-five sides of a post-communist Mafia state*. CEU Press.
- Nyysönen, H. (2018). The East is different, isn’t it?—Poland and Hungary in search of prestige. *Journal of Contemporary European Studies*, 26(3), 258–269.
- Öniş, Z., & Kutlay, M. (2020). Reverse transformation? Global shifts, the core-periphery divide and the future of the EU. *Journal of Contemporary European Studies*, 28(2), 197–215.
- Sata, R., & Karolewski, I.P. (2020). Caesarean politics in Hungary and Poland. *East European Politics*, 36(2), 206–225.
- Szawiel, T. (2009). Democratic consolidation in Poland: Support for democracy, civil society and the party system. *Polish Sociological Review*, 168, 483–506. JSTOR.
- Vachudova, A. (2020). Ethnopolitism and democratic backsliding in Central Europe. *East European Politics*, 36(3), 318–340.
- Waldner, D., & Lust, E. (2018). Unwelcome change: Coming to terms with democratic backsliding. *Annual Review of Political Science*, 21(1), 93–113. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050517-114628>

About the author:

Judas Everett – Postgraduate of the Doctoral School of Political Science, National Research University Higher School of Economics (e-mail: judas.everett@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-0794-0153).

Сведения об авторе:

Джудас Эверетт – аспирант Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: judas.everett@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-0794-0153).

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО WORLD POLITICS AND GLOBAL LEADERSHIP

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-407-423

Research article / Научная статья

The Challenges of Future Leadership in International Affairs

J. Hrabina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with the structural shifts towards multipolarity and global changes such as climate change, Industrial Revolution 4.0 and pandemics as phenomena that will shape the future generation of political leaders. The author works with neoclassical realism as a primary paradigm that enables him to evaluate structural shifts and the quality of political establishment on the unit level. The article entails both qualitative and quantitative methods. The Composite Index of National Capability and the comparison of gathered data falls into the quantitative methods, while analysis of scientific literature is the qualitative research method. The article's primary aim is to determine the scope of the current challenges for future political leaders. The paper's central argument formulates the hypothesis that future leaders will be vastly shaped by the shift towards multipolarity in which the balance of power logic drives international affairs. At the same time, the future political thinkers are about to deal with the global emergencies caused by climate crisis, pandemics and Industrial Revolutions 4.0 and 5.0.

Keywords: young political leaders, multipolarity, the balance of power, international affairs, future

For citation: Hrabina, J. (2021). The challenges of future leadership in international affairs. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 407–423. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-407-423

Вызовы для лидерства в международных отношениях будущего

Й. Храбина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются структурные трансформации в контексте многополярности и глобальных изменений: климата, промышленной революции 4.0 и пандемии, как явлений, которые будут определять будущее поколение политических лидеров. Автор

© Hrabina J., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

работает с неоклассическим реализмом как с основной парадигмой, которая позволяет ему оценивать как структурные сдвиги, так и качество политического истеблишмента на уровне отдельных единиц. В статье используются как качественные, так и количественные (индекс национальных возможностей и сравнение собранных данных) методы. Основная цель статьи – определить масштабы воздействия текущих вызовов на будущих политических лидеров. Гипотеза исследования состоит в том, что будущие лидеры будут в значительной степени сформированы сдвигом к многополярности, в которой международные дела будут определяться логикой баланса сил. В то же время будущим политическим мыслителям предстоит иметь дело с глобальными чрезвычайными ситуациями, вызванными климатическим кризисом, пандемиями и промышленными революциями 4.0 и 5.0.

Ключевые слова: молодые политические лидеры, многополярность, баланс сил, международные отношения, будущее

Для цитирования: *Hrabina J.* The challenges of future leadership in international affairs // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 407–423. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-407-423

Introduction

As the political elites in the leading world countries are ageing, the new elites are about to face the World of relatively new and pressing challenges. Climate change has shifted from a narrative told by a group of scientists, marginal political and non-governmental organisations to the centre of the world attention. A global pandemic, at the same time, stands as a reminder of our world fragility. Industrial Revolution 4.0 brings up technological progress such as robotisation, but the perils of unemployment and demands to reorganise the economy. Last but not least, the redistribution of power and structural shifts from unipolar power configuration towards multipolar one foretells new patterns of interaction amongst the great powers and fosters the great power competition.

Even though every of the abovementioned phenomenon means a great challenge for future leadership, the coming multipolarity appears as the most important as it spill-over the nation-states and the patterns of their mutual interaction so needed to tackle the global issues. That being said, the nation-state remains the primary unit of international relations, and thereby, the state elites are the ones who will primarily deal with the ongoing and upcoming crises. Understanding how international politics works in the multipolar configuration will be crucial to understanding the scope and diversity of challenges our future leaders will face.

Hence, the article's central question goes: *How will the forming multipolar configuration shape the young generation of world leaders?* I argue that the coming multipolarity will be driven by the great power competition that will reflect negatively on the state of the World, which is in desperate need of cooperative behaviour. The new political elite will, therefore, need to understand the great variety of interests. Some states will freeride on the regional powers. In contrast, others will use the opportunity of the diverse system in order to increase their might, as illustrated in the case of contemporary Turkey. In this competitive environment based on the balance of power logic, future leaders will have to tackle climate

change, successfully mitigate the consequences of Industrial Revolution 4.0 and prepare for future humanitarian crises such as the pandemic of COVID-19. Even though the multipolar configurations are known for their competitive and unstable properties, there are still odds that the global challenges will force world leaders to cooperate. Most importantly, future global challenges will require a high degree of international coordination and unified response.

In the first section, I will demonstrate that the world political leaders are ageing, and we will witness the generational shift in World politics in a few decades. The second section of the article draws on global challenges and how these will shape the new generation of political leaders and thinkers. To prove that the young leaders will have to face climate change, Industrial Revolution 4.0 and other humanitarian challenges in conditions balance of power-driven by competitive environment of multipolarity, I will prove that the structure is shifting towards multipolarity, first. I am using the Composite Index of National Capabilities (CINC)¹ model that compares the great powers the world share on material power². At the same time, I will compare the recent shares of the great powers on CINC with the historical data to prove that the multipolarity is not configuration with three and more equally powerful actors. As the contemporary literature and datasets lack the most recent CINC data, I gathered military capabilities from Stockholm International Peace Research Institute, economic data from World Bank, energy consumption from Statista.com, iron and steel production from Worldsteel.org, and urban and total populations of all countries from World Bank. Then I calculated the most current CINC ratio, which is, therefore, a unique statistic. Some might argue that the CINC is only measuring the hard power, which might be misleading in a world that has become more complex and interdependent. However, the hard power reinforces the soft power. At the same time, I use CINC to point out the structural shifts built upon cumulation of the significant national capabilities³. Finally, I am going to outline the recommendations for future leaders in efficient tackling the global challenges.

The primary method used in the article is a qualitative analysis of contemporary international discourse. At the same time, the quantitative method is used in the

¹ National Material Capabilities (v5.0). (2017, February 10). Retrieved November 30, 2020, from <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities>

² I used the CINC formula as follows:

$$CINC = \frac{\%ME + \%MP + \%IS + \%NRG + \%UP + \%TP}{6}$$

% M.E. = military expenditure as a percentage of world total;

% M.P. = military personnel as a percentage of world total;

% I.S. = (1816–1895) iron production as a percentage of world total; 1896: steel production as a percentage of world total;

%NRG = energy consumption as a percentage of world total;

%UP = urban population as a percentage of world total;

% T.P. = total population as a percentage of world total (Singer, Bremer and Stuckey, 1972)

³ Composite Index of National Capability, most powerful countries? (n.d.). Retrieved November 29, 2020, from <https://defence.pk/pdf/threads/composite-index-of-national-capability-most-powerful-countries.308131/>

CINC model and comparative method in comparison to the historical and contemporary CINC data. The central paradigm of the paper is neoclassical realism that asserts the importance of structural realism but focuses on the unit-level analysis at the same time.

The Final Years of the Cold War Generation

To avoid unnecessary misconceptions, I will outline the definition of political elites here. According to Encyclopedia Britannica, elites are a small group of persons who exercise disproportionate power and influence. It is customary to distinguish between political elites, whose locations in powerful institutions, organisations, and movements enable them to shape or influence political outcomes, often decisively, and cultural elites [Higley 2021]. Harold Lasswell assesses the substance of political elites as *the power holders of a body politic*. He maintains that the power holders include the leadership and social formations from which the leaders typically come. *In other words, the political elite is the top power class* [Lasswell, Lerner 1980:36]. Robert A. Dahl concludes that the (political elite)... is a minority of individuals whose preference regularly prevails in cases of differences in preferences on key political issues [Dahl 1959:87].

The contemporary political discourse encounters two dynamics that are impacting the political elite. First, the ageing populations in the leading world countries shape the policies pursued by state elites. The Brexit vote is a vivid example of the division between young and old generations and its impact on politics [Bristow 2020]. Similar phenomena occur across the Western Hemisphere and leading countries such as Germany, United Kingdom, France and Russia, while all mentioned actors are dealing with demographical crises. China is also expected to encounter demographic trouble. However, one has to emphasise that central regulations issued by the government in China are much more efficient than those in the West and modern China has proven to regulate the population. Thus, we cannot precisely predict whether China will not overcome current gloomy forecasts.

The second trend is an ageing political elite. The recent US presidential candidates are a vivid example of the race between 74 years old Donald Trump and 78 years old Joe Biden, while Joe Biden is a part of the US establishment for roughly 50 years. Ageing of the Cold War elites signalling the coming generational shift, not only in the U.S. Angela Merkel in Germany, already announced her plans to retire. At the same time, Boris Johnson and Emmanuel Macron are relatively unpopular in their countries as representatives of the younger political generation. Vladimir Putin, too, does not belong to the new generation of politicians. With Putin turning 69 this year, the Russian political discourse vividly deals with succession to the relatively popular president⁴.

⁴ Elagina, D. Putin approval rating Russia 2021. Statista. Retrieved June 24, 2021, from <https://www.statista.com/statistics/896181/putin-approval-rating-russia/>

If one compared the average age of political leaders within G8 in 2000, 2010 and G7 in 2019, respectively, in 2021, the results clearly point to the coming generational shifts. Whereas 58 was the average age of leaders at the 2000 summit in Osaka, while 55,5 was the average age of leaders at the G8 summit in Ontario ten years later. In contrast, the 2019 G7 summit in Biarritz welcomed the leaders of 58,1 average age (European Commission G7 webpage). However, the G7 disinvited Russia and never included China and India as the rising powers. Therefore, if one entails these three countries that certainly belong to the structure of global stakeholders, the resulting average age of the political elite is 62 years. Drawing on the contemporary literature, one finds that the average age amongst the political elites is 55 years, and the time the elites serve average on 5–7 years [Gerring, Oncel, Morrison, Pempstein 2019]. With that said, the Osaka summit foretold personal changes within the elites of a similar nature as we will encounter soon. However, the current changes will differ in that the upcoming decades signal the end of the Cold War generation and the rise of the so-called millennials.

Moreover, the trends in the World leading countries are clear. The ageing population is creating demand for a particular type of political agenda, resulting in a populational rift [Wilkoszewski, Loichinger, Dick 2016]. Therefore, one cannot exclude the clash between the old and new perception of the approach to politics. On the other hand, the generational exchange in the political elite will likely occur in the next decade. Such a shift might ease tensions between the generations and brought leaders unbiased with old behavioural patterns.

New Generation of Political Elite

It is clear that we will witness the generational shifts in the coming decade or two. Structural conditions of multipolarity and global issues such as climate change, Industrial Revolution 4.0 and humanitarian insurgencies such as global pandemic will likely shape the paradigm in the political thinking of the 21st century. If one aims to understand the key skills that future leaders will need to tackle these phenomena, he needs to understand what novel those brought to the political discourse.

Rise of Multipolarity

The coming multipolarity draws the attention of scholars across the World. The literature analysing the future of the international system future agrees on the US-China competition as the dominant feature in world politics [Allison 2020; Mearsheimer 2014; Acharya 2018; Ikenberry 2014]. Most of the authors who claimed the formation of a uniform global system [Doyle 1996; Keohane 2008; Nye 2020; Russett 1996], end of history [Fukuyama 1989], or formation of the World state or international society at last [Wendt 1999; Bull, Watson 2020]. During the US unipolar moment, all these notions made sense as there was no doubt the World is getting homogenous and globalised at an unprecedented rate. However, the growth of periphery powers disrupted the vision of a homogenous liberal globalised system and resurrected the balancing logic.

Moreover, opponents of the Western-led globalisation, developed with own version of globalisation, called alter-globalisation [Steger, Wilson 2012; Pleyers 2010], in which there is no need for homogenisation of political units and economic interests are the dominant pattern of interaction between the states. At the same time, the COVID-19 crisis and economic crisis of 2020 fostered the deglobalising tendencies in the World as the borders remained closed and economic nationalism spiked. Nevertheless, the Russian scholar Marina Lebedeva maintains that the process of world liberalisation is non-linear and comes in waves [Lebedeva 2007] and thereby, the backlash of liberalisation might still occur. In contrast, my core assumption goes that the third decade of the twenty-first century will give rise to the global multipolarity in which will young political leaders encounter the necessity of dealing with multiple peer competitors at the same time, i.e. finding consensus to coexist within multiple interests [Turner 2009; Monteiro 2012].

Assessment of the material capabilities of actors in the 21st century via CINC points out that the most materially potent actors are the US, China, Russia, Germany, Japan, Brazil and EU27. Even though considering the EU as an actor of international relations is still a vastly debated notion, I believe that it will become one of the strongest actors in the structure. As the CINC model demonstrates (see Figure 1), China, the US and India are the most materially potent actors. However, India is an economically underachieving and technologically undeveloped power, making it a regional power. We, however, added EU27 and Brazil to the future global balance of power. Counting material capabilities of EU27 aligned the Union with the major actors such as India, Russia and the US.

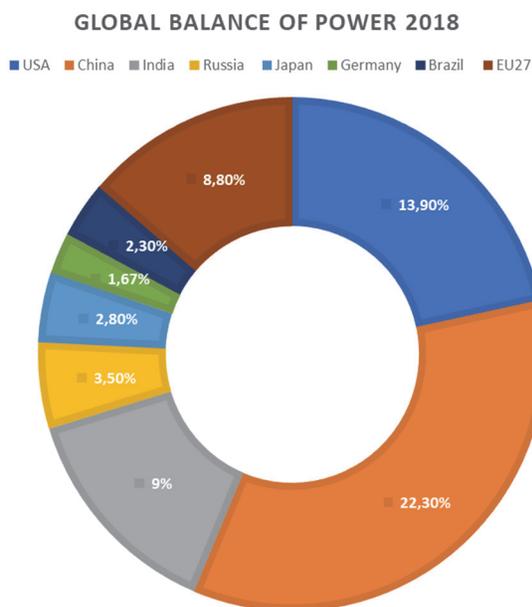

Figure 1. Global Balance of Power in the 21st Century
 (% Share on distribution of material capabilities amongst the selected actors)

Source: Stockholm International Peace Research Institute, World Bank, Statista.com, Worldsteel.org

Understanding the behavioural patterns in structure with multiple centres of power requires clarifying misconceptions about such configurations. First, multipolarity as the architecture with multiple equal or near equal centres of power, as the mid-nineteenth-century comparison of national material capabilities points out (see Figure 1), Russia was twice as weak as Great Britain. At the same time, Russia was twice as capable as Austro-Hungary. If we take a look at the 21st century data⁵, these demonstrate that the China and US are by far the most capable powers in the system. Stressing the importance of technological advances, economic development, alliance potential and soft power, the US remains the strongest actor in the system. However, the comparison of the historical and contemporary data points out that the 19th-century structure was nothing like the concert of the equal powers. We should not expect that to happen in the twenty-first century.

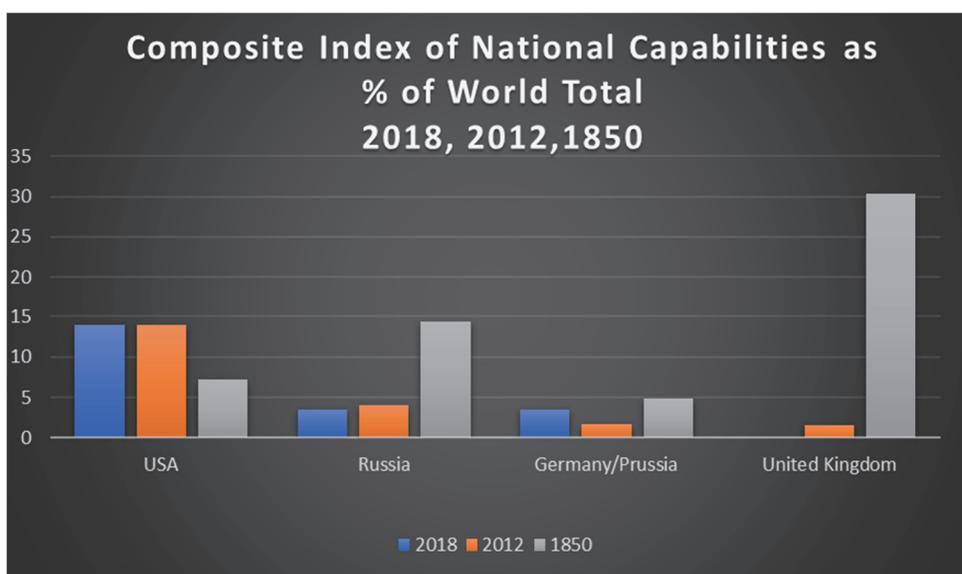

Figure 2 . The Correlates of War Project

Source: Authors calculation⁶

Moreover, the second misconception draws analogies of the contemporary multipolar structure with 19th-century multipolar structure [Lo 2015]. First, as a relatively stable configuration with *multiple centres of power, setting the rules of the game and disciplining those who violated them*⁷. Alternatively, as Lo maintains, *the*

⁵ Whereas the data for energy consumption, national production of iron and steel and urban populations are not updated regularly, the most precise and up to date calculation of CINC can be done only for 2018. Therefore the 2018 is the most recent and possible calculation of Composite Index of National Capabilities.

⁶ Years 2012 and 1850 obtained from National Material Capabilities (v5.0). (2017, February 10). Retrieved November 30, 2020, from <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities>.

⁷ Haass, R. (2008). *The Age of Nonpolarity*. Yaleglobal Online. [online] Yaleglobal.yale.edu. Retrieved December 9, 2020, from <https://yaleglobal.yale.edu/content/age-nonpolarity>

great powers determine the arrangements and rules of international politics and, crucially, abide by them. No single power may be allowed to threaten the status quo or assume disproportionate power... Smaller states know their place and frame national policies with due regard for the interests of the major powers. The latter do not interfere in one another's domestic affairs. And security – or at least their security – is collective and indivisible [Lo 2015:43].

In contrast, the concept of stability in multipolar power configuration is often misguided by the durability of such configurations [Wohlforth 1999]. The analysis of the nineteenth century points out that the Concert of Europe was not a stable configuration, but rather a system of balance of power with agreed rules to which the great powers did not stick automatically. The unification of Germany accompanied the predatory foreign policy and wars with France and Austro-Hungary that were the core of the elite club formed after the Napoleonic Wars. Russia and Britain were fighting wars in Central Asia and the Crimean War⁸.

Furthermore, Scholars drawing historical analogies with the 19th century do not consider that the poles do not require the Cold War-like bonded orders in their spheres of influence. Even under such tightly ordered conditions, the rift between the Soviet Union and China has occurred. That being said, the globally dispersed distribution of power favour more loose orders of the pole's spheres of influence, i.e. thin orders [Mearsheimer 2018]. I add here that the rules of interaction are mostly agreed upon once the structure settles in the relatively firm configuration, i.e. once the redistribution of power finishes.

The high likelihood of the future multipolar structure predicts the Schweller and Pu, or Barry Posen, among many others. I agree with their notions, and one must agree that the states and their elites, especially the new ones, will likely determine the significant patterns of interactions in international affairs. The coming multipolar configuration will not necessarily be violent, although the current patterns of interaction indicate a certain level of competitiveness. The old elites lived through the Cold War what influences their political thinking. This is, perhaps, one of the main reasons why the contemporary political discourse is driven by parallels with the Cold War when it comes to great power relations. However, the new elites will comprise of people born on the verge or after the Cold War. Therefore, the Cold War thinking will likely absent from their mental and skill equipment.

As our CINC model points out, we are entering a multipolar era with China, the US as leading actors, while Russia shows an impressive skill in using asymmetry in power to its advantage despite its relatively small material capabilities. At the same time, India, Brazil and possibly the EU will likely take part in global leadership, too. Multipolar configurations are known for their

⁸ Crimean War broke out due to the Franco-Russian competition over the influence of declining Ottoman Empire leftovers (the particular case dealt with the Ottoman Empire granting Catholic concessions in the Empire, especially the Holy Land), while Great Britain has joined France in order to weaken Russia that struggled with the complicated reforms at the time.

disruptive properties. The last multipolar structure ended with World War II, while most of the whole-systemic wars in the modern history of international relations broke out in multipolarity. Although, Richard Rosencrance found out that conflicts in multipolarity are of lesser magnitude but greater intensity than in bipolar configurations [Rosencrance 1964]. Most scholars agree that multipolarity is especially dangerous due to behavioural patterns such as predation, hard-balancing, or buck-passing. Incentives for such behaviour are structural, as, with the growing number of actors, the rate of interests and power calculations grows. For instance, Napoleon's victories, to a large extent, determined the buck-passing of Britain and Russia, while Napoleon skillfully used the power calculus of his opponents to gain preponderance. Napoleonic Wars, therefore, demonstrate the complexity of the multipolar configurations.

Moreover, the behaviour of states is mainly driven by the balance of power politics in multipolar configurations. Thus, one should expect the competitive nature of international relations. However, competition is not the only behavioural pattern in multipolarity. In his piece *Origins of Alliances*, Stephen Walt offers an explanation for cooperative behaviour between the states as these form balancing coalitions against threats [Walt 1979]. Walt's theory applies to the contemporary situation as we face the numerous systemic threats that could lead to cooperative behaviour of political elites. Nonetheless, the future leaders will need a deep understanding of balancing behaviour and the perils of buck-passing and tackling the predatory regional powers such as contemporary Turkey, Iran.

What policies should future leaders pursue

We are entering a multipolar era in which political leaders must think in the balance of power dimension. That said, the new generation of political leaders needs to embrace realism with all its observations about human nature and the structure of international relations. Therefore, the central principle of future international affairs will entail the balancing behaviour to tackle predatory states. The next generation leaders must avoid the buck-passing that would lead to disbalances in the structure. At the same time, future leadership must understand the perils of multiplied interests defined as power calculus.

The skillset of next-generation political leaders should entail the global dimension of political thought as the current generation grew up during the peaking globalisation. However, it was Western-led globalisation that we have witnessed so far. The era of the globalised World in the 21st century carries the attribute – multipolar with it. That being said, the next generations will not witness the liberalisation of international affairs but a truly globalised arena based on the interests and perspectives of almost every continent. Therefore, the truly global dimension of political thought will require a certain degree of pragmatism that does not draw on a particular ideology and does not require applying that ideology globally. At least for now, liberalism as prevalent political thinking in the West is in retreat and pursuing the policies aiming to spread liberalism globally will undoubtedly lead to instabilities as we have witnessed in Russia – West relations or

US-China relations. Thus, genuinely global means truly realist and unideological with mutual respect towards internal political systems of other peer competitors. Otherwise, the balancing coalitions to counter the assertiveness of particular actors will occur as states tend to balance against threats.

To solve global insurgencies such as Climate Change, Pandemics, Industry 4.0, or inter-state disputes, future leaders must work multilaterally and seek international consensus even though the call for multilateralism in structure with the prevalent balance of power logic might appear as contradictory. Every structure, however, is unique, and the world politics of tomorrow does not necessarily entail suspicious and violent inter-state behaviour. That said, the coming multipolarity does not necessarily foretell the violent competition for scarce resources and balance of power, although these behavioural patterns are likely to occur, too. Schweller and Pu, predict that the coming multipolar structure will form order organised around regional powers that will maintain the system of alliances in which middle powers and small states will likely freeride on the preponderant actors. These regional sub-systems will likely form ad-hoc coalitions to balance the threats or to tackle global issues. Suppose the future leadership embrace the logic of balancing on the global level and deal with the harsh consequences of the Climate Change, or Pandemics. In that case, we could label it as global crisis management based on balancing of a sort. For such a task, however, future leaders need to understand the balance of power logic and the importance of multilateralism in global affairs at the same time.

Climate Change

The global challenge that Climate Change represents is perhaps one of the most abridging topics in contemporary science. Scholars across the World agree on the climate emergency, despite their different optics on a wide range of issues. Climate change is becoming the central topic in global political discourse and will remain as such for decades from now. That said, the coming political elite is going to face the harsh consequences of climate change. At the same time, most of this generation will already have their personal experience with it, i.e. their understanding of the issue will not just reflect scientific warnings and gloomy studies but also awareness of the reality that will shape the future world politics.

The World is already encountering increased migration due to climate change, water wars, or icecap melting due to the rise of temperatures on the poles. That being said, the climate change linked geopolitical hardships such as the cases of Nile Basin conflicts or Middle Eastern struggles for water, together with humanitarian crises such as climate-related migration from Africa and Central America are already setting the agenda for world politics [Podesta 2019]. However, some states are still reluctant to adapt their strategies to recent developments or follow cooperative behaviour patterns.

Therefore, future political leaders will have to deal with the consequences of climate change on various levels. Most importantly, underplaying or even questioning the climate change by future political elites will cause pathological

behaviour that we witnessed in the past few decades. Such behaviour contributed to a reluctant global response as it lacked the firm commitment of the biggest polluters in the World, such as the US and China. Therefore, the recognition of climate change severity is the first and foremost requirement in future leadership. In the case of human migration, leaders will have to understand logistics and resource management. As the recent migration crisis in Europe points out, the migrants will not be able to secure their basic needs. At the same time, the subsequent problem of inter-cultural migration is the integration model that would work. The intensifying competition for scarce resources amongst actors most affected by climate change will challenge future leadership in conflict resolution. However, also a nuanced approach to impacted regions, especially to the cultural, religious, political, regional specifics and, most importantly, a very fragile status quo that needs to be preserved, otherwise the whole regions can succumb to bloody conflicts.

Furthermore, hi-tech development will play a crucial role in tackling the climate crisis. Increasingly worsening agricultural effectivity, water recycling, or efficient and clean energy sources are the key elements in combating the crisis. Thus, future leaders must be able to overcome business interests and seek fundamental technological advances that are efficient and green at the same time.

Moreover, cooperation amongst the leading states is vital to tackling climate change. If the cooperation patterns prevail, we will have a chance to tackle the biggest challenge in the modern history of humankind. However, if future leaders pursue lust for power, world problems will deepen, and humanitarian crises as wars for scarce resources and inhabitable territories will occur.

Policy Recommendation for Leaders of Tomorrow

However, crises like climate change cannot be managed on the regional level as these require a high degree of international cooperation. Thus, future leaders need to understand the scope of the crisis what requires strategic thinking and crisis management to deal with the damage that has been already done. Future leaders, as crisis managers, need to understand the art of diplomacy that is not only the art of balancing [Kissinger 2000] but also the art of consensus. Consensual politics means understanding that world politics is not a zero-sum game and meeting the peers' demands means averting costly wars or ecologic disaster in future.

Future political leaders are certainly going to approach the climate crisis with more understanding as they are being confronted with it from their very childhood. Protection of the oceans, ground and air is already one of the significant political agendas. Even though the current debate is often narrated by tech-lobby trying to sell not very efficient green ideas, the increasing pace of climate change will press the world leaders to adopt more efficient solutions in emergent situations. At the same time, equipping the Third World with green technology will undoubtedly become a topic of the next generation political leaders because developing countries without environmental awareness and means to protect the environment will not fully participate in the genuinely global green agendas. And finally, the global

biggest polluters such as the US, China, and India must embrace green policies, and their future leaders must understand the scope of the issue beyond their own economic development.

Industrial Revolution 4.0

The Fourth Industrial Revolution, characterised by the fusion of physical, digital, and biological technologies, will have profound social and economic consequences [Soh, Connolly 2020]. Drastic changes in the economic and technological organisation of society created a set of instabilities throughout history. The eighteenth-century industrial revolution caused migration to the industrial cities, and the new social class, bourgeoisie, has formed. Most importantly, the first industrial revolution caused the fall of feudalism. The second industrial revolution started in the second half of the nineteenth century, attributed to the implementation of science to the manufacturing process and the spread of Marxism and nationalism that determined social movements and politics for the next hundred years. Since the second half of the twentieth century, the third industrial revolution attributed more interconnected and interdependent globalised World. World wide web, data cumulation and fast travel networks enabled ideas and people to travel at an unprecedented rate. This phenomena has caused more concerns about the consequences of wars in distant regions or made the great power wars rather marginal phenomenon than the usual pattern of inter-state interaction.

The Industrial Revolution 4.0 is challenging society and politics in many respects. Problematic internet regulation and the data harvesting oriented business models of tech giants such as Facebook and Google raise many questions regarding internet user protection. Big data analytics enables political parties to gather data that are precisely describing what voters strive for and what their current moods are. At the same time, the introduction of artificial intelligence enables political parties to disseminate contradicting messages to various electoral groups via social media. These technologies are well documented in the cases of Cambridge Analytica and AggregateIQ during the BREXIT campaign. Therefore, disinformation campaigns and populism are the significant challenges of the political system in democratic states.

As part of Industry 4.0, robotisation is expected to hit the labour market mostly in low-skill / low-pay industries like manufacturing. Waves of unemployment and a deepening gap between rich and poor will likely create social unrests. Klaus Schwab describes the effects of the robotisation of the economy on the labour market. *“This will give rise to a job market increasingly segregated into ‘low-skill/low-pay’ and ‘high-skill/high-pay’ segments, which in turn will lead to an increase in social tensions”* [Schwab 2018].

As part of the Fourth Industrial Revolution, cyberwarfare will also impact the nature of national and international security, affecting both the likelihood and the nature of the conflict. We are witnessing intensifying industrial espionage via cyber-attacks, disinformation campaigns and even strikes on the critical infrastructure of

nation-states. The history of warfare and international security is the history of technological innovation, and today is no exception. Modern conflicts involving states are increasing “hybrid” in nature, combining traditional battlefield techniques with elements previously associated with non-state actors. As Klaus Schwab concludes: *“the distinction between war and peace, combatant and non-combatant, and even violence and nonviolence (think cyberwarfare) is becoming uncomfortably blurry”*.

Policy Recommendation for Leaders of Tomorrow

Industrial revolution 4.0 already changes the industry’s face and the economy and politics with it. Dealing with the reorganisation of labour distribution requires skilled managers and visionaries who will find ways how to shape not only the labour market in order to avert peaking unemployment rates and social tensions but also the reorganisation of education systems that will produce a workforce adapted to the Industry 4.0 and even Industry 5.0 – the interaction and collaboration between man and the machine.

There is no doubt that data will drive the political behaviour of tomorrow. Precise information about the population has become the mighty weapon in big tech companies and techno-authoritarian states such as China. Those with access to data will become future leaders as they gain the most precise information about the populations they aim to lead. However, it remains uncomfortably blurry whether future leaders will use the data as a source for building strong and successful societies and states or predate on them. Not to mention the lack of regulation of data usage that spurs debates today and will set an agenda for political leaders of tomorrow.

Populism and disinformation campaigns are part of the Industrial Revolution 4.0. Efficient data harvesting methods changed the way how political parties formulate their message, and AI enabled them to disseminate personalised message into various communities. That being said, the system of political parties and values-based politics is being pushed back with the populist leaders without their own ideas and values. Suppose the new generation of political leaders will embrace populist communication, i.e. the message obtained from the voter and emotively retold back to the masses. In that case, world politics will lack skilled managers and great thinkers, whereas most of the work will do the analytical models and AI algorithms through the mouth of the political elite. Alas, the challenges that lie ahead require talented crisis managers and great thinkers and visionaries that will lead the World in uncertain times.

Pandemics

Pandemics are here to stay. Deadly diseases are known for their dangerous properties for thousands of years. Plagues ravaged the ancient civilisations, medieval World and in years 1918–19 succumbed to Spanish Flu outbreak from 50–100 million people making it 2,7–5,4% of the world population. Global

pandemics are a feature of human history and will remain as one. However, what states can do is prepare for such events. In 2005, Michael Osterholm published in *Foreign Affairs* an article called *Preparing for Next Pandemic*. He draws on observations from H5N1 that was circulating in Asia at the time. It is striking how precisely he describes the effects of the pandemics on states, the period of vaccine development and the devastating economic consequences. Furthermore, Osterholm even outlines the preparation system for the next pandemic that might buy us some time until the vaccine is developed.

Moreover, the Global Preparedness Monitoring Board (GPMB), as part of WHO, published in 2019 a report in which calls upon the state elites to increase preparations for global pandemics. Global pandemics' disastrous impact starts with overwhelmed healthcare systems and vast economic consequences resulting in economic crises. It is often assumed that the Great Depression resulted from the influenza outbreak (see Garret⁹; Barro, Ursua¹⁰), while the latest example of the H5N1 crises illustrates the destructive potential on services, transportation and tourism. Therefore, states must prepare for such unexpected events, or when there are first signs of the outbreak abroad, start with the preparation. The current COVID-19 situation calls upon strategic communities to create a crisis-ready environment and eliminate the reaction time to international humanitarian crises.

Policy Recommendation for Leaders of Tomorrow

COVID-19 global emergency draws on how states react to the global crises in a multipolar world. Initial reactions to the crises from the most powerful actors were to secure their own needs, such as the US, Germany, China or France, point out. All of those actors firstly secured supplies for domestic needs and then offered help abroad, if at all. Therefore, this self-centred behaviour demonstrates how states will likely react to global emergencies in multipolarity. As I pointed out earlier, creating a separate sub-system with dominant regional power(s) will perhaps move the responsibility from the worldwide level to the regional one. The EU is a vivid example of how international crisis management will look like in conditions of global multipolarity. Despite the initial problems, the Union had put together historical stimulus and manages the market with medical supplies in the Schengen area.

Regarding global health emergencies, leaders of tomorrow are ahead of a difficult task. Failure of WHO during the COVID-19 pandemic was not the agency's fault but also a failure of multilateralism as the most powerful countries focused on self-help. There was very little done to help the Third World countries demonstrate that most Western pharma companies denied the export of their recently developed vaccines to Africa and Latin America. Besides the China and

⁹ Garret, T. (2007). *Economic Effects of the 1918 Influenza Pandemic: Implications for a Modern-day Pandemic*. Federal Reserve Bank of St. Louis. Retrieved December 9, 2020, from https://www.stlouisfed.org/~media/files/pdfs/community-development/research-reports/pandemic_flu_report.pdf

¹⁰ Barro, R.J., & Ursua, J.F. (2009). *Pandemics and Depressions*. *Wall Street Journal*. Retrieved December 9, 2020, from <https://www.wsj.com/articles/SB124147840167185071>

Russia took advantage of the Western vaccine nationalism and supplied their vaccines to the periphery, such behaviour can be dangerous when the disease mutates in the overlooked regions and returns vaccine-resistant. Therefore, future leaders must reform the WHO or establish similar organisations capable of addressing the disease's outbreaks in their own capacity.

Summary

In contrast to the other historical periods, plenty of 21st-century challenges are known and pronounced on a daily basis. Yet, one must understand that the precision of prognoses in humanities determines the number of unpredictable externalities that are likely to influence the resulting action. Nevertheless, the recent significant trends are already influencing the new generation of political leaders.

In sum, the coming multipolar structure will shape the young political elite in 3 significant ways a) prevailing balance of power will impact the political leadership via increased competitiveness amongst actors and the high number of interests that might cross. Such phenomena will require patient balancers. b) With the growing number of relevant actors, incentives to behave in pathological ways grows, too. Buck-passing and predation are examples of pathological behaviour in multipolar structures. Leaders of tomorrow must be aware of these pathologies and be ready to avoid them via consensual politics, balancing and putting together ad-hoc coalitions against threats c) The 21st-century multipolarity is likely to form within the global economic interdependencies. However, political might will disperse into regional centres of power, i.e. regional hegemons. That said, competition between the particular blocks is already in motion and is likely to intensify in years to come. Although, as states balance against threats the future global emergencies such as Climate Change or Pandemics have the potential to gather states to the unified response. However, this requires the political leadership that understands the urgent need for cooperation and visionaries that can make compromises and consensual foreign policy.

However, the multipolar structure is only the structural configuration illustrating the possible behavioural patterns in international affairs. External phenomenon such as climate change, technological advances, and global health emergencies will drastically impact future political agendas. With ongoing climate change, future leaders must focus on implementing green technology and tightening technological gaps between developing and developed countries. Equipping the Third World with green technology will undoubtedly become a topic of the next generation political leaders because the climate emergency is a global emergency. All actors are responsible stakeholders of the Earth environment.

This argument also entails the health crises such as pandemics. The COVID-19 revealed vaccine nationalism and self-help behavioural patterns, which might lead to insufficient tackling of the global issues that require mutual solutions. Deadly diseases move at an unprecedented pace in a more open and interdependent world of constantly moving transportation. Hence the health crises must be addressed on a global level via establishing health organisations capable of operating in all regions.

And finally, technological changes such as robotisation and data-driven models of governance and economy will force future global leaders to make difficult choices. As a result of robotisation, the workers without a university degree will encounter hardships of unemployment. Future leaders will have to devise employment strategies to replace manufacturing jobs and satisfy the needs of their population. Furthermore, the race for controlling the data has already begun. This technological advance gives a powerful tool to the hand of future leaders, but a powerful weapon with it. Indeed, politicians will struggle over data control with big tech companies such as Google and Facebook. At the same time, techno-autocratic states such as China will grow in power as they limitlessly use the data about their population. The future leaders, therefore, will stumble upon the data usage dilemma.

Moreover, the failure of liberalism as a leading world ideology that has turned democratisation into a bloody and destabilising phenomenon indicates the crisis of political values. One might argue that the values are not as important as the balance of power in the age of multipolarity. However, without shared beliefs amongst the future political leadership, the will to cooperate during global emergencies is likely to be absent, and agreements will be hardly born. Even though the forming generation of political leaders is shaped by worsening Climate Change, the pandemic of COVID-19 and intensifying great power competition, this does not necessarily mean that they will embrace the heritage of our history. Therefore, the protection of the environment, art of consensus, cultural tolerance and non-intervening approach into sensitive political systems in remote regions of the World appear to represent not only desired skills but also a crucial set of values that the future political leaders need to embrace in order to tackle the occurring crises and world development in a peaceful manner.

Received / Поступила в редакцию: 12.04.2021

Accepted / Принята к публикации: 12.05.2021

References

- Acharya, A. (2018). *The end of American world order*. Cambridge (GB): Polity Press.
- Allison, G.T. (2020). *Destined for war can America and China escape Thucydides's trap?* Melbourne: Scribe.
- Bristow, J. (2020). Post-Brexit boomer blaming: The contradictions of generational grievance. *The Sociological Review*, 69(4), 12–24, doi:10.1177/0038026119899882
- Bull, H., & Watson, A. (2020). *The expansion of international society*. Oxford: Oxford University Press.
- Bull, H., Hoffmann, S., & Hurrell, A. (2012). *The anarchical society a study of order in world politics*. New York: Palgrave.
- Dahl, R.A. (1959). *The concept of power*. Indianapolis: The Bobbs-Merrill comp.
- Doyle, M. (1996). Liberalism and World Politics. *The American Political Science Review*, 80(4), 1151–1169. doi: 10.2307/1960861
- Fukuyama, F. (1989). *The end of history and the last man*. London: Penguin Books.
- Ikenberry, G. (2014). *Power, order, and change in world politics*. Cambridge University Press.
- Ikenberry, G. (2018). The end of liberal international order?, *International Affairs*, 94(1), 7–23, <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>
- Gerring, J., Oncel, E., Morrison, K., & Pemstein, D. (2019). Who rules the world? A portrait of the global leadership class. *Perspectives on Politics*, 17(4), 1079–1097. <https://doi.org/10.1017/s1537592719000744>

- Higley, J. (n.d.). Elites. In *Encyclopedia Britannica*. Retrieved May 13, 2021, from <https://www.britannica.com/topic/elite-sociology>
- Kissinger, H. (2005). *Diplomacy*. Simon & Schuster.
- Lasswell, H.D., & Lerner, D. (1980). *World revolutionary elites studies in coercive ideological movements*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Lebedeva, M. (2007). *World politics*. Moscow: Aspect Press. (In Russian)
- Lo, B. (2015). *Russia and the new world order*. London: Chatham House.
- Mearsheimer, J.J. (2014). *The tragedy of great power politics*. New York: W.W. Norton & amp; Company.
- Mearsheimer, J.J. (2018). *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. Yale University Press.
- Miller, E., Gusmano, M., & Jones, D. (2018). Aging policy in the Trump era. *Innovation in Aging*, 2, 630–630. doi:10.1093/geroni/igy023.2351.
- Monteiro, N.P. (2012). Unrest assured: Why unipolarity is not peaceful. *International Security*, 36(3), 9–40. doi: 10.1162/isec_a_00064
- Morgenthau, H.J., & Thompson, K.W. (2018). *Politics among nations: The struggle for power and peace*. New Delhi: Kalyani.
- Pleyers, G. (2010). *Alter-globalisation: Becoming actors in a global age*. Cambridge: Polity Press.
- Podesta, J. (2019). *The climate crisis, migration, and refugees*. Retrieved November 29, 2020, from <https://www.brookings.edu/research/the-climate-crisis-migration-and-refugees/>
- Rosencrance, R. (1966). Bipolarity, multipolarity, and the future. *Journal of Conflict Resolution*, 10(3), 314–327.
- Singer, J.D., Bremer, S., & Stuckey, J. (1972). Capability Distribution, Uncertainty, and Major-Power War, 1820–1965. In *Peace, War and Numbers*. M. Beverly Hills: Sage.
- Schwab, K. (2018). *The Fourth industrial revolution (Industry 4.0) A social innovation perspective*. Tạp Chí Nghiên Cứu Dân Tộc, (23). doi: 10.25073/0866-773x/97
- Soh, C., & Connolly, D. (2020). New frontiers of profit and risk: The Fourth industrial revolution's impact on business and human rights. *New Political Economy*: 1–18. <https://doi.org/10.1080/13563467.2020.1723514>
- Steger, M., & Wilson, E. (2012). Anti-globalization or alter-globalization? Mapping the political ideology of the global justice movement. *International Studies Quarterly*, 56(3), 439–454. Retrieved November 30, 2020, from <http://www.jstor.org/stable/23256797>
- Turner, S. (2009). Russia, China and a multipolar world order: The danger in the undefined. *Asian Perspective*, 33(1), 159–184. Retrieved May 13, 2021, from <http://www.jstor.org/stable/42704667>
- Waltz, K. (1979). *Theory of International Politics*. Columbia University. Waveland Press.
- Wendt, A. (1999). *Social theory and international politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilkoszewski, H., Loichinger E., & Dick (2016). Turning the tables: policy and politics in an age of ageing. *Population & Policy Bites*, Blog post, 18 October 2016.
- Wohlforth, W.C. (1999). The Stability of a Unipolar World. *International Security*, 21(1), 5–41.

About the author:

Jozef Hrabina – Postgraduate of the Department of Applied International Analysis; Visiting Lecturer of the School of Government and International Affairs of MGIMO University (e-mail: Hrabina.consulting@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-4335-2172).

Сведения об авторе:

Джозеф Храбина – аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем, приглашенный преподаватель Института международных отношений и управления МГИМО МИД России (e-mail: Hrabina.consulting@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-4335-2172).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445

Обзорная статья / Review article

Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций

В.С. Солуянов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Автор рассматривает многополярность как открытый для дискуссии вопрос, многообразие ответов на который не только способствует комплексному пониманию изучаемого феномена, но также приближает к осознанию происходящих в мире процессов. Сущностное содержание концепции многополярности раскрывается через ее осмысление с позиций реализма, неореализма, цивилизационного подхода, регионального подхода, либерализма и конструктивизма. С позиций реализма многополярность может рассматриваться как объективное отражение тенденций мирового развития. Фундаментом многополярности выступает рост экономического, военного, политического потенциала незападных держав и ослабление позиций США как глобального лидера. Неореализм рассматривает многополярность как свойство международной системы, оказывающее влияние на поведение государств. Цивилизационный подход фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене. Региональный подход акцентирует внимание на усиливающихся процессах регионализации, создании региональных интеграционных систем, которые в условиях роста потенциала региональных держав и ослабления позиции США в мире способствуют формированию многополярности. Либерализм, в первую очередь, стремится оценить влияние многополярности на стабильность и безопасность международной среды. Наряду с предсказуемым отношением к многополярности как угрозе миру и безопасности существует иная, более оптимистичная точка зрения. Конструктивизм рассматривает многополярность как внешнеполитический дискурс и проект ряда государств, в первую очередь России. Полученные выводы позволяют взглянуть на многополярность с разных сторон, приблизиться к комплексному и объективному пониманию данного феномена.

Ключевые слова: многополярный мир, концепция многополярности, полицентризм, мировой порядок, центры силы, баланс сил, цивилизации, внешнеполитический дискурс

Для цитирования: Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 424–445. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445

© Солуянов В.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Concept of Multipolarity: Diversity of Approaches and Interpretations

V.S. Soluianov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author regards multipolarity as a question open for discussion, the variety of answers to which contribute not only to the comprehensive understanding of the phenomenon, but also to the perception of processes taking place in the world politics. The content of the multipolarity concept is revealed through the perspectives of realism, neorealism, civilizational approach, regional approach, liberalism, and constructivism. From the realism perspective, multipolarity can be considered as an objective reflection of the world development. The foundation of multipolarity consists in the growth of economic, military, and political potential of non-Western powers and the weakening of the US position as a global leader. Neorealism views multipolarity as a property of the international system which affects the behavior of states. The civilizational approach focuses on identifying civilizations as new actors and centers of power on the world stage. The regional approach highlights the importance of the increasing regionalization processes and creation of regional integration systems, which contribute to the formation of multipolarity in the context of the rise of regional powers and weakening of the US's world position. Liberalism seeks to assess the impact of multipolarity on the stability and security of the international system. Along with the predictable attitude to multipolarity as a threat to peace and security, there is another more optimistic point of view. Constructivism regards multipolarity as a foreign policy discourse and a project of several states, primarily Russia. The results allow to see multipolarity from different perspectives and develop a more comprehensive and objective understanding of this phenomenon.

Keywords: multipolar world, the concept of multipolarity, polycentrism, world order, centers of power, balance of power, civilizations, foreign policy discourse

For citation: Soluianov, V.S. (2021). The concept of multipolarity: Diversity of approaches and interpretations. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 424–445. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-424-445

Введение

Распад СССР и социалистического лагеря в конце прошлого века означали для политической науки крах биполярной системы международных отношений с ее нормами и правилами, что неминуемо привело к переосмыслению международных отношений, появлению концепций и теорий, отражающих меняющуюся международную действительность. В противовес представлениям, отстаивающим мировое господство оставшегося полюса – США, ученые и политики все чаще заговорили о формировании нового многополярного устройства мира.

Тридцать лет спустя концепция многополярного мира продолжает оставаться предметом активных дискуссий в научной среде. Популярность данной концепции объясняется стремлением широкого круга исследователей и политиков дать характеристику трансформирующемуся мировому порядку через призму многополярности. Содержательная сторона исследуемой концепции раскрывается учеными из разных стран, представителями различных

школ и подходов по-разному, что, очевидно, делает невозможным существование единой общепринятой и достаточно проработанной теории многополярного мира.

Т.А. Алексеева, рассматривая сложную связь между наукой о международных отношениях и господствующими в разные исторические периоды научные картины мира, отмечает, что в эйнштейновско-картезианской «неклассической» научной картине мира «вместо одной-единственной истинной теории отныне допускалось существование нескольких, отличающихся друг от друга, но дающих возможность приблизиться к истинному знанию» [Алексеева 2017:35], а теоретики постнеклассической науки вообще пришли к выводу, что «абсолютно полную и достоверную научную картину мира не удастся создать никогда, любая из них обладает лишь относительной истинностью» [Алексеева 2017:36].

Данные положения неклассической и постнеклассической парадигм создают концептуальную базу для исследования и понимания столь многогранных и противоречивых феноменов, одним из которых является многополярность. Многополярность, таким образом, рассматривается не как постулат или утверждение, которое необходимо доказывать или опровергать, но как открытый для дискуссии вопрос, многообразие ответов на который способствует не только формированию представлений непосредственно о самом феномене многополярности в современных международных реалиях, но также раскрывает изменения, тенденции мирового развития и отображает реакцию ученых и политиков на происходящие изменения.

Целью настоящей работы является раскрытие сущностного содержания многополярности с позиций ключевых школ и подходов в исследованиях мировой политики и международных отношений. Очевидно, что в рамках одной работы невозможно охватить все разнообразие представлений о содержании, значении и проявлениях многополярности, однако возможно обозначить ключевые положения, наглядно раскрывающие представление о многополярности в оптике представителей актуальных для данного исследования направлений мысли.

Анализ концепции многополярности требует учета как минимум нескольких подходов и школ. В разных парадигмах осмысление и интерпретация многополярности может сильно различаться, вплоть до восприятия ее как не заслуживающей внимания и не отражающей реальность концепции. Однако именно многообразие идей, их уникальность и даже противоположность позволяют приблизиться к целостному пониманию изучаемого феномена. Понимание многополярности, таким образом, «складывается в мозаику» из представлений широкого круга экспертов.

Важно отметить, что использование самого термина «многополярность» и его соотношение с «полицентричностью», «мультиполярностью» и другими схожими по содержанию понятиями вызывает споры и является предметом дискуссий. В рамках настоящего исследования не проводится сравнительный анализ подобных терминов; в качестве базовых понятий используются

«многополярность» или «многополярный мир», однако интерпретируются и схожие понятия, содержательная сторона которых приближает нас к комплексному пониманию изучаемого феномена.

В настоящей работе рассматриваются труды современных отечественных и зарубежных исследователей, как непосредственно изучающих многополярность, так и применяющих данную концепцию для анализа и прогнозирования изменений в международной реальности. Работа включает шесть разделов, посвященных осмыслению концепции многополярности с позиций реализма, неореализма, цивилизационного подхода, регионального подхода, либерализма и конструктивизма.

Реализм

Современные исследователи, работающие в духе реализма и неореализма, вносят принципиальный вклад в понимание многополярности в современных международных отношениях. Политическая школа реализма претендует на «реалистичное» объяснение международной действительности, то есть описание того, что действительно происходит и существует в реальности. В данной парадигме работает широкий круг исследователей, фиксирующих и анализирующих существующие тенденции и происходящие изменения в мировой политике, в частности трансформацию соотношения сил между ведущими державами. В контексте исследования многополярности следует задаться вопросом, насколько обоснованно говорить о трансформации мира в сторону многополярности с точки зрения сторонников «реалистичного» описания международной действительности.

В качестве ключевых предпосылок формирования многополярного мира эксперты рассматривают две взаимосвязанные тенденции: рост потенциала новых центров силы и если не угасание гегемонии США, то сокращение американской мощи и влияния в мире.

Рост потенциала новых центров силы

Достаточно полно описывает меняющуюся международную действительность британский эксперт Дэвид Благден. Он утверждает, что система международных отношений возвращается к многополярности, то есть к сосуществованию нескольких великих держав. Ученый объясняет феномен формирования многополярного мира смещением экономического потенциала с Запада на Восток к новым промышленным центрам, таким как Бразилия, Россия, Индия и, прежде всего, Китай. Отмечается сам факт экономического потенциала, который при определенных условиях и наличии политической воли может быть конвертирован в военную мощь. С точки зрения исследователя, новая многополярность, скорее всего, будет включать великие державы разного уровня. К странам первого порядка следует отнести США, Китай и частично Индию. За ними следуют приблизительно в следующем порядке: Россия, Бразилия, Япония, Великобритания, Германия и Франция [Blagden 2015:335].

Эксперт отмечает, что термин «многополярность» и синонимичные ему появляются в дискурсе британской политики безопасности, в том числе в официальных документах и высказываниях политических деятелей в связи с тем, что присоединение Крыма к России, подрыв планов стран Запада в Сирии и рост военной мощи Китая разрушили представление британской политической элиты о невозможности реальной оппозиции Западу [Blagden 2019].

С представлением Д. Благдена о смещении потенциала с Запада на Восток и формировании на этой основе многополярности соглашаются британские эксперты Лиза тен Бринке, Бенджамин Мартилл, анализирующие потенциальную роль и вклад Европы в многополярное мироустройство [Martill, Ten Brinke 2019, 2020].

Австралийские политики и эксперты также считают, что мир вступает в эру большей многополярности. Как отмечено в докладе 2017 Independent Intelligence Review, подготовленном по заказу австралийского правительства в 2017 г. «геополитические последствия экономической глобализации создают новые центры силы и поощряют новые стратегические амбиции у государств»¹. Австралийский дипломат, ученый и бывший посол Австралии в КНР Джефф Раби утверждает, что многополярный мир вернулся, и Австралии необходимо проводить более независимую от США внешнюю политику в духе политического реализма; признать Китай в качестве доминирующей державы в Восточной Азии, вовлечь его в сотрудничество по всему спектру региональных и глобальных проблем; а также развивать двустороннее партнерство во всем Восточно-азиатском регионе и со странами-единомышленниками по всему миру [Raby 2020].

При этом не все исследователи соглашаются, что рост экономического потенциала восходящих держав является достаточным фактором для становления многополярности.

Итальянский эксперт Стефано Конт считает, что утверждение глобальной системы на многополярной основе произошло в результате кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Многополярность, по мнению автора, предполагает стремление каждого из «полюсов» проводить собственную политику, используя дипломатические, информационные, военные и экономические инструменты. В качестве ключевых глобальных игроков эксперт выделяет Россию, Китай, США и потенциально Европейский Союз. При этом, важно подчеркнуть, Бразилию и Индию исследователь к глобальным игрокам не относит, утверждая, что самого по себе экономического потенциала недостаточно для того, чтобы играть глобальную роль [Cont 2020].

Оригинальный подход предложила группа европейских исследователей, которые считают, что многополярность формируется только в экономической

¹ 2017 Independent Intelligence Review // Commonwealth of Australia 2017. URL: <https://pmc.gov.au/sites/default/files/publications/2017-Independent-Intelligence-Review.pdf> (accessed: 17.01.2021).

сфере, в то время как в военной сохраняется однополярность, экологическую сферу характеризует интерполярность, а политико-культурную – неполярность [Alcaro, Peterson, Greco 2016:49–50].

Угасание гегемонии США

Наряду с ростом потенциала восходящих держав в качестве одной из предпосылок многополярности рассматривается снижение роли США в мире. Американские исследователи Александер Кули и Дэниел Нексон утверждают, что экономический рост КНР; создание Россией и Китаем альтернативного порядка, представленного рядом региональных институтов; потеря Соединенными Штатами «монополии на покровительство» малых государств, а также появление альтернативных идеологических моделей способствуют угасанию гегемонии США в мировой политике и изменению международного порядка. Многополярность в связи с этим рассматривается авторами как один из возможных сценариев будущего [Cooley, Nexon 2020].

Схожего мнения придерживается Хью Де Сантис, который утверждает, что в формирующемся многополярном мире США будут играть роль одной из нескольких великих держав, определяющих структуру и правила международной политики, но перестанут быть единственным арбитром [De Santis 2021].

С принципиальным положением, утверждающим упадок гегемонии США и его взаимосвязь с развивающимся в сторону многополярности мира, разделяют и другие исследователи из России [Сирота, Морохов 2016], ЮАР [Rapanuane 2020], Италии [Valli 2018], Пакистана [Muzaffar, Yaseen, Rahim 2017].

При этом очевидно, что далеко не все академическое сообщество готово рассматривать США в качестве одного из рядовых «полюсов», центров силы многополярного мира. Американский исследователь Брюс Джонс приводит доводы и утверждает, что США не «слабеющая» (*declining*), но «устойчивая» (*enduring*) держава, суммарный потенциал которой позволит сохранить за собой роль ключевого игрока на международной арене. При этом эксперт соглашается с необходимостью для США адаптировать стратегию лидерства под меняющиеся международные реалии [Jones 2019:78].

Более однозначную позицию занимает исследователь из Южной Кореи, подчеркивающий, что полярность определяется соотношением сил на глобальном, а не региональном уровне. США, по мнению эксперта, на глобальном уровне с легкостью обходят любые другие государства с точки зрения расходов и силового показателя. В то же время действия таких держав, как Россия и Китай, рассматриваются лишь как некая форма утверждения в мировой политике, а не как подтверждение тенденций изменения мировой иерархии [Tizzard 2017].

Объективности ради необходимо отметить, что наряду с экспертами, утверждающими формирование многополярности или отстаивающими сохранение за США роли глобального лидера, определенный круг исследователей уверен, что мир скорее движется в сторону новой биполярности.

В данном контексте важными являются результаты комплексного и многофакторного исследования российского эксперта Д.А. Дегтерева. Ученый, анализируя потенциалы стран БРИКС (как «ядра» многополярности) и G7 (как держав status quo), а также сравнивая потенциалы США и Китая, приходит к выводу, что современный миропорядок эволюционирует скорее в сторону «новой биполярности», нежели многополярности².

С предстоящим биполярным мироустройством согласен известный американский политолог Грэхам Аллисон, который рассматривает американо-китайские отношения через призму так называемой «Ловушки Фукидида» и указывает на неотвратимость противостояния Китая и США [Allison 2017].

Опираясь на вышеизложенное, следует предпринять попытку обозначить ключевые составляющие многополярности через призму политического реализма:

- фундаментом многополярности должен служить рост экономического, военного и политического потенциала новых центров силы – государств и/или их союзов;
- при этом становится явной невозможность для США продолжать играть роль гегемона на международной арене;
- становление относительного могущества новых центров силы и увядание гегемонии США будет способствовать проведению более независимой внешней политики с фокусом на реализацию собственных интересов.

При всем этом даже в рамках «реалистичного» подхода к описанию международных отношений спорным и дискуссионным остается вопрос перехода к многополярному мировому устройству. Для одних мир уже является однополярным, в то время как другие убеждены, что перехода не произошло и мир по большому счету остается однополярным либо развивается по совсем другой траектории, в частности в сторону биполярности.

Неореализм

Одним из принципиальных положений неореалистского подхода является учет уровня международной системы при анализе международной политики. Ряд экспертов, опираясь на данное положение неореализма, рассматривают многополярность как актуальную характеристику международной системы, которая оказывает влияние на поведение элементов этой системы, то есть государств, и на международные отношения в целом.

Многополярность как свойство международной среды учитывается экспертами при исследовании вопросов мира и безопасности.

Исследование группы нидерландских экспертов конфликтного и кооперационного потенциала международной системы в «постковидном мире»

² Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? // РСМД. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 01.02.2021).

основывается на представлении, что в условиях большей многополярности кооперационный потенциал определяется двусторонними отношениями между великими державами, такими как США, Китай, ЕС и Россия³.

Многополярность рассматривается как свойство международной системы, оказывающее прямое влияние на изменение характера войны. Балканские ученые Спиридон Н. Лицас и Аристотель Циампирис, исследующие вопросы мира и безопасности в Восточном Средиземноморье, считают, что мир вступил в эру многополярного антагонизма после 9/11 и регион Восточного Средиземноморья со всеми его конфликтами и противоречиями является жертвой этого антагонизма. По мнению экспертов, в целом многополярность создает более стабильную международную среду. В рамках многополярной системы более вероятны обычные войны и мало вероятны тотальные войны, так как ключевые акторы, находясь в состоянии антагонизма и системной неопределенности, проявляют гораздо меньшую решительность в действиях [Litsas, Tziampiris 2016].

Итальянские исследователи Алессандро Марроне и Каролина Мути, анализируя факторы, влияющие на будущее Североатлантического Альянса, отмечают, что в условиях формирования агрессивной многополярности в международной среде появляется феномен «войны мирного времени» (peacetime war). Эксперты поясняют, что отсутствие крупных военных столкновений между мировыми и/или региональными державами создает атмосферу относительного спокойствия. При этом эти же державы постоянно вовлечены в опосредованные войны, кибератаки, информационные войны. Они используют различные инструменты и ресурсы с целью оказания влияния и давления на общество соперника через нанесение ущерба инфраструктуре, энергетической безопасности, экономике [Marrone, Muti 2020:4].

Представления этих ученых могут служить основой для интерпретации локальных и региональных конфликтов. Многополярность обуславливает отсутствие готовности ключевых держав к прямым силовым столкновениям, в то же время возможны региональные конфликты, принимающие различную форму в том числе и на территории третьих стран.

Многополярность как свойство международной системы создает условие для большего «маневрирования» государств на международной арене.

Бельгийский исследователь Гай Бертон исследует стратегии держав среднего уровня в эру многополярности на примере политики Малайзии и Индонезии на Ближнем Востоке. Ученый приходит к выводу, что в сравнении с периодом биполярности и однополярности, когда страны проводили последовательную политику поддержки, противостояния или уклонения от взаимодействия с конкретными региональными игроками, сегодня Малайзия и

³ *Thompson J., Pronk D., Van Manen H. Geopolitical Genesis: Dutch Foreign and Security Policy in a Post-COVID World // Hague Centre for Strategic Studies. 2021. URL: <https://hcss.nl/report/strategic-monitor-2020-2021-geopolitical-genesis/> (accessed: 04.05.2021).*

Индонезия реализуют все три стратегии одновременно, что позволяет им сотрудничать с разными силами региона и избегать конфронтации [Burton 2021].

Несколько схожую тенденцию отмечает Кристина Кауш, которая утверждает, что для региона MENA, объединяющего 16 стран Ближнего Востока (Ирак, Иран, Кувейт, Ливан, Иордания, Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман, Йемен, Бахрейн, Катар и Сирия) и Северной Африки (Египет, Ливия, Марокко, Алжир, Тунис) все больше характерно состояние конкурентной многополярности. При этом различные региональные и внерегиональные игроки отказываются от долгосрочных союзов и выстраивают коалиции на функциональной основе [Kausch 2015:2].

Исследователь из Южной Кореи Мейсон Ричи анализирует возможные стратегии Индо-Азиатско-Тихоокеанских государств в случае возникновения регионального конфликта, в частности между США и Китаем. Эксперт приходит к выводу, что в условиях многополярности союзники США, как и сами Соединенные Штаты при столкновении других региональных держав, могут выбрать стратегию «отфутболивания» («buck-passing») [Richey 2020:14], то есть стремиться передать ответственность и инициативу другому игроку в случае конфликта.

Опираясь на вышесказанное, можно заключить, что в рамках неореалистского подхода многополярность предстает в качестве:

- характеристики международной системы, оказывающей влияние на элементы этой системы;
- концепции, создающей базу для анализа и прогнозирования поведения государств на международной арене.

Следующие теоретические направления – цивилизационный и региональный подходы – в рамках исследования концепции многополярности расширяют представление об акторах мировой политики и потенциальных полюсах, центрах силы многополярного мира.

Цивилизационный подход

В последнем десятилетии XX в. с идеей «столкновения цивилизаций» выступил С. Хантингтон [Хантингтон 2020]. П.А. Цыганков считает, что С. Хантингтон стал одним из первых выразителей новой версии реализма, в соответствии с которой роль главных акторов мировой политики берут на себя цивилизации [Цыганков 2004]. При этом принципиальные положения реализма сохраняют свою силу. В условиях анархичной международной среды отношения между цивилизациями, как и между государствами (в классическом реализме), носят конфликтный характер, объясняемый многообразием и противоречием ценностей.

Особое значение исследованиям цивилизационного фактора в трансформации мирового порядка уделяется в современной российской политической мысли.

В рамках данного направления исследователи [Мартынов 2009; Аблеев, Золкин, Марченя 2019]; Попов⁴:

- соглашаются с многоцивилизационной основой многополярности;
- рассматривают евразийскую (российскую) цивилизацию как полюс многополярного мироустройства;
- размышляют над содержательной стороной российской цивилизации.

Отдельно необходимо выделить российского исследователя А.Г. Дугина. Ученый разработал собственную теорию многополярного мира, которая предлагает рассматривать мировые цивилизации в качестве полюсов. Эксперт отмечает множественность цивилизаций и отождествляет их с акторами в системе международных отношений [Дугин 2013]. Данное видение разделяет Л.В. Савин, подчеркивающий, что для формирующейся многополярности характерно столкновение цивилизаций [Savin 2020].

Между тем британский ученый Кристофер Коукер, исследующий феномен государства-цивилизации, считает, что сами по себе цивилизации не обязательно «сталкиваются». При этом иначе обстоят дела с государствами-цивилизациями, среди которых эксперт отмечает Россию и Китай. По мнению ученого, такие государства бросают вызов международному порядку, установленному странами Запада, что в итоге может привести к появлению нового постлиберального миропорядка [Coker 2019].

Другой немаловажный феномен отмечает канадский исследователь Сабина Дреер. Исследователь обращает внимание на религиозный национализм, который часто увязывается с идеей многополярности и деколонизации, при этом используется в качестве основы создания контргегемонистских проектов. Примером могут служить исламский фундаментализм на Ближнем Востоке или турецкая идея возрождения Османской Империи [Dreher 2020].

В целом более оптимистично к происходящим трансформациям относится известный политолог Амитав Ачария, для которого идеальный мировой порядок является продуктом взаимодействия и взаимного обучения между различными цивилизациями и государствами, а не столкновением между западной «либеральной цивилизацией» и незападными цивилизационными государствами. Эксперт не отрицает существование конфликтного потенциала, однако подчеркивает необходимость диалога, в основе которого лежали бы не только различия, но и ценности, объединяющие цивилизации [Acharya 2020:153].

Исследования, посвященные изучению роли цивилизаций в современной мировой политике, наполняют концепцию многополярности уникальным

⁴ Попов В.В. Роль России как Евразийской цивилизации в формировании нового миропорядка // РСМД. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-rossii-kak-evraziyskoy-tsivilizatsii-v-formirovanii-novogo-miroporyadka/> (дата обращения: 01.02.2021); Попов В.В. Хрупкий, уязвимый и многополярный мир // РСМД. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khrupkiy-uyazvimyy-i-mnogopolyarnyy-mir/> (дата обращения: 01.03.2021).

содержанием и создают собственное поле для исследований. Базовыми установками в рамках данного подхода являются:

- приписывание роли акторов и центров силы в мировой политике цивилизациям;
- конфликтный потенциал междивизиционных отношений.

При этом насущными являются вопросы «диалога» между цивилизациями и формы институционализации цивилизаций в современном мире: будь то через так называемые цивилизационные государства или же новые формы транснациональных образований.

Региональный подход

Представленный выше цивилизационный подход к делению мирового пространства соотносится с современной тенденцией в науке о международных отношениях к региональному изучению мира, его делению на различные регионы, региональные пространства, региональные подсистемы. В современных условиях, когда региональные процессы оказывают непосредственное влияние на мировую политику, регионализация и теории регионального уровня наполняют концепцию многополярности новым актуальным содержанием.

В рамках данного направления мысли процессы регионализации предстают в качестве основы формирования многополярного мира.

По мнению российского исследователя А.Д. Воскресенского, «макрорегиональный комплекс (а не отдельное государство по версии одного из классических и до сих пор наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений – реализма) представляет собой прообраз одного из центров формирующейся полицентричной мировой системы» [Воскресенский 2012:42].

М.Л. Лагутина обращает внимание на появление новых мирополитических феноменов – глобальных регионов, превращающихся в ключевые элементы формирующейся полицентричной системы [Лагутина 2015].

А.И. Костин, В.С. Изотов считают, что наиболее вероятной характеристикой будущей планетарной структуры может стать интеграционно-конфронтационный полицентризм. В качестве центров силы рассматриваются интеграционные системы, которые будут конкурировать между собой за экономические и политические пространства [Костин, Изотов 2015].

Представление о связи между формирующимся многополярным/полицентричным миром и процессами регионализации разделяется рядом других исследователей [Реутов 2016; Алексеенко 2015; Селищева, Чжоу, Потапенко, Ананьев 2016].

Формирование региональных порядков, в свою очередь, связывается с ростом потенциала региональных держав и одновременным ослаблением позиций США на мировой арене.

Так, индийский исследователь Срирам Чаулия *считает*, что быстро растущие силы в разных регионах мира могут заполнить вакуум, возникающий из-за ослабления международной роли США, а также обеспечить порядок, мир, безопасность и процветание в своих регионах [Chaulia 2019].

Турецкий эксперт Эфе Джан Гюркан отмечает, что в условиях кризиса глобального управления и ослабления позиций США происходит поляризация мировой политики. Евразийский регионализм, продвигаемый Россией и Китаем, становится движущей силой и основой геополитической многополярности. Так, в ответ на кризис глобального управления Евразия заявляет о себе как ведущем регионе и создает свои собственные, альтернативные США институты, среди которых эксперт отмечает Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АББИ) [Gürcan 2020].

В свое время Амитав Ачария утверждал, что грядущий мир следует описывать в терминах «регионополярности» (*regiopolarity*), нежели многополярности или других связанных с полярностью понятиях [Acharya 2009]. По мнению эксперта, ни одна из восходящих держав не сможет заполнить вакуум, оставляемый США на глобальном уровне, и будет привязана к своему региону [Acharya 2014]. Даная логика подразумевает деление мирового пространства на ограниченные зоны влияния центров силы, что в целом соотносится с идеей многополярности. Многополярность, таким образом, может формироваться и укрепляться по мере «проявления» и обособления регионов, развития региональных связей, создания уникального экономического, политического, культурного пространства внутри конкретного регионального кластера.

Учитывая логику так называемой регионополярности, Джордж Горзон предлагает несколько иную модель децентрализованной многополярности (*decentred multipolarity*). Ученый соглашается с региональным делением мира и наличием региональных лидеров, однако он отмечает, что политические и экономические устремления государств конкретного региона не ограничиваются исключительно своим регионом, но могут распространяться за его пределы во всех направлениях. Речь идет как о региональных лидерах, которые могут стремиться в меру своих возможностей проецировать влияние в другие регионы, так и о рядовых странах, которые в определенных сферах сотрудничают с государствами из других регионов (в том числе с другими региональными лидерами) [Garzón 2017]. Подобная трактовка многополярности в широком смысле соответствует духу «нового» регионализма, который среди прочего предполагает наличие значительной свободы во внешней политике для государств – участников объединения [Бутенко, Мохаммади 2020].

Таким образом, рассматривая феномен многополярности с позиций регионального подхода, важно отметить следующие принципиальные положения:

- в качестве основы многополярного мирового устройства выступают усиливающиеся процессы регионализации, развитие региональных связей, региональных интеграционных систем;
- усиление региональных процессов и формирование региональных порядков напрямую связано с ростом потенциала новых центров силы – региональных держав и ослаблением позиции США в мире.

Либерализм

Либеральная парадигма является одним из исторических столпов теории международных отношений. Учитывая принципиальные положения либерализма, следует задаться вопросом, какую роль отводят сторонники данной школы феномену многополярности в контексте обсуждений условий и принципов достижения мира, стабильности и безопасности в международной среде. Перспективы мультилатерализма, международного права, международного институционального порядка и стабильности международной системы в связке с многополярностью рассматривает ряд отечественных и зарубежных ученых. Мнения исследователей относительно значения многополярности для сохранения мира и безопасности разнятся.

Французский исследователь Заки Лайди определяет многополярность через теорию гегемонистского перехода (*theory of hegemonic transition*). Многополярность, по мнению эксперта, можно описать как «переход без гегемонии». Набирающие силу незападные государства бросают вызов гегемонии Запада. При этом они недостаточно сильны и объединены, чтобы предлагать собственную альтернативу мироустройства. Многополярность, по мнению эксперта, разрушает многосторонность, создает препятствия для работы международных институтов и ведет к утверждению приоритета национальных интересов без учета глобальных проблем, требующих совместных решений [Laidi 2014:351]. Схожей позиции придерживается Шон Батлер, для которого появление восходящих держав, стремящихся к большей автономии и независимости во внешней политике, может привести к эрозии мультилатерализма. Формирующаяся многополярность, таким образом, несет в себе угрозу стабильности международной системы, так как затрудняет решение проблем, требующих коллективных усилий, в частности сохранения мира при помощи коллективных механизмов безопасности [Butler 2018:3].

Опасения ученых о последствиях многополярности, по большому счету, вписываются в либеральное понимание мирового устройства. Либеральный мировой порядок, отстаивающий ценности демократии, верховенство права, свободу торговли, является проектом стран Запада. Вполне логично, что появление новых центров силы может привести к появлению новых проектов мироустройства или попыткам восходящих держав играть более значимую роль в рамках существующего порядка. На фоне дискуссий о кризисе либерализма [Казаринова 2018] многополярность может восприниматься как угроза либеральному миропорядку с его правилами и институтами.

Логика, утверждающая угрозу многополярного мироустройства стабильности международной среды и либеральному порядку, находит не только сторонников, но и противников.

Риккардо Алькаро соглашается, что многополярность привносит элемент непредсказуемости в международную систему. При этом отмечает отсутствие причин считать, что многополярное мировое устройство приведет к смерти либерального порядка. По мнению эксперта, многое зависит от того, будет ли

США проводить политику прагматичного вовлечения незападных держав или же выберут стратегию сдерживания и конфронтации [Alcaro 2015].

Японский ученый Такамицу Хадано, исследующий подход России к мультилатерализму через призму конфликта в Донбассе, также приходит к более оптимистичному выводу. Эксперт считает, что в эру многополярности, когда восходящие державы добиваются независимости во внешней политике, мультилатерализм все же может способствовать координации действий нескольких государств. Более того, он остается источником международной легитимности, с чем соглашаются восходящие державы [Hadano 2020].

Концептуально иной логике придерживается А.В. Картунов, который не видит в многополярности угрозу, но рассматривает ее как интеллектуальную и политическую реакцию «на самоуверенность, высокомерие и разнообразные эксцессы незадачливых строителей однополярного мира»⁵.

По мнению ученого, концепция многополярности должна остаться в прошлом, а в качестве фундамента будущего мирового порядка эксперт предлагает модель многосторонности, основу которой должны составить международные режимы, многосторонние договоренности, первостепенный учет интересов более слабых государств⁶. Более того, актуальная модель многосторонности «будет складываться не в рамках старых институтов, а вокруг общих проблем и конкретных проектов»⁷.

Рассматривая многополярность с точки зрения либеральной парадигмы, необходимо акцентировать внимание на следующем:

- многополярность, в первую очередь, рассматривается в контексте оценок потенциального влияния многополярного мира на стабильность и безопасность международной среды;
- с одной стороны, многополярный мировой порядок воспринимается как нежелательное явление или даже угроза либеральным ценностям, либеральному мировому порядку и, как следствие, самой международной системе. С другой стороны, более многополярное мироустройство не обязательно должно приводить к дестабилизации международной среды, отказу новых центров силы от сотрудничества и переходу к состоянию «войны всех против всех».

Конструктивизм

Раскрытие сущностного содержания многополярности в современных международных отношениях не может обойтись без ключевых положений

⁵ Картунов А. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике. 2018. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (дата обращения: 15.03.2021).

⁶ Там же.

⁷ Картунов А. Многосторонний миропорядок без доброго гегемона // Россия в глобальной политике. 2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/gegemon-rukovodstvo-k-dejstviyu/> (дата обращения: 15.03.2021).

конструктивизма, выдвигающего идею конструирования мировой политики при помощи различных концепций и теорий.

В данном контексте справедливым представляется утверждение Д.А. Дегтерева, что «в эпоху постмодерна сложившееся представление о миропорядке – это во многом социальный конструкт»⁸. Не является исключением и концепция многополярности, которая закономерно рассматривается современными учеными в качестве конструкта определенной модели мирового устройства.

В первую очередь модель многополярного мирового порядка находит поддержку и развивается в рамках российского внешнеполитического дискурса.

О.А. Алексеева-Карневали утверждает, что мир не является многополярным (как, впрочем, однополярным или биполярным). Многополярное мировое устройство – это российский дискурс, поддерживаемый Китаем и, в меньшей степени, Индией. Этот дискурс работает только внутри своего блока, члены которого принимают положения дискурса. В то же время «на все пространство международной системы силового поля ни одного из имеющих нарративов, несмотря на претензии на универсальность, не хватает»⁹. Многополярность, с данной точки зрения, не может претендовать на роль модели мирового устройства, хотя бы потому, что с ней согласны далеко не все игроки на международной арене.

Химена Куровска считает, что российский дискурс многополярности выступает в качестве формы сопротивления либеральной гегемонии стран Запада, так как предполагает право региональных «полюсов» силы самостоятельно определять, каким образом применять демократические ценности, а также защищать свою культуру и институты перед лицом западного доминирования [Kurowska 2014:491].

Британский политолог Елена Чебанкова обращает внимание, что возвращение к биполярной системе международных отношений, в которой Россия была бы способна выступать в качестве противовеса Западу, невозможно. Продвижение идеи многополярности, таким образом, позволяет сохранять за собой голос на международной арене [Chebankova 2017].

Д.Б. Казаринова отмечает, что Россия, отстаивающая идею многополярности и провозгласившая поворот на Восток, по большей части сконцентрировалась «в своем внешнеполитическом дискурсе на полемике со странами Запада» [Казаринова 2018], что не только уводит ее нарратив от многополярности Е.М. Примакова, но может привести к самоизоляции и коллапсу. Основой российского внешнеполитического нарратива может стать поиск и формирование комплексной архитектуры евразийской безопасности, которая бы охватывала

⁸ Дегтерев Д.А. Многополярность или «новая биполярность»? // РСМД. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 01.02.2021).

⁹ Алексеева-Карневали О. Почему мир не становится многополярным, или грамматика международной (не)любви // РСМД. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym-ili-grammatika-mezhdunarodnoy-ne-lyubvi/> (дата обращения: 20.04.2021).

не только военную, территориальную и политическую безопасность, но также культурную, научно-техническую и другие виды безопасности¹⁰.

Вместе с тем обращение к многополярному дискурсу характерно не только для России и ее условных партнеров по многополярности.

Бельгийский исследователь Гудула Де Кирсмекер обращает внимание на то, что среди всех стран ЕС к дискурсу многополярности наиболее часто обращается Франция. Эксперт выделяет две взаимосвязанные причины. Статус великой державы все еще сохраняется в качестве основы французской национальной идентичности. При этом французские политики осознают, что потенциал Франции не сопоставим с советским во время холодной войны или американским тогда и сегодня, а также с тем, что возникновение новых крупных игроков, таких как Китай, Индия или Бразилия, размывает основы ее влияния [De Keersmaeker 2017:160].

Феномен многополярного популизма отмечают американские исследователи Александер Кули и Дэниел Нексон. С их точки зрения, сегодня многие популистские лидеры (например, в Сербии и Италии) заявляют о многополярном мировом устройстве, подчеркивают наличие на мировой арене новых партнеров, в первую очередь, таких, как Россия и Китай, и создают тем самым основу для проведения более независимой от либерального Запада самостоятельной политики [Cooley, Nexon 2020].

Рассматривая многополярность через призму конструктивизма, следует обозначить следующее:

- многополярность рассматривается как внешнеполитический дискурс, социальный конструкт, претендующий как на описание, так и трансформацию реальности;
- среди причин развития многополярного дискурса следует выделить стремление ряда государств проводить более независимую от либерального Запада политику, осознание изменения соотношения сил на международной арене.

Заключение

Анализ многополярности с точки зрения различных теоретических школ и подходов позволяет с разных сторон взглянуть на данную концепцию. Изучение данного феномена с разных, порой противоположных сторон приближает к комплексному пониманию концепции многополярности в современной мирополитической науке. Многополярность предстает не как утверждение, которое необходимо подтверждать, отстаивать, или опровергать, но как предмет обсуждения, дискуссия вокруг которого отражает тенденции мирового развития и способствует комплексному пониманию происходящих в мире процессов.

¹⁰ Казаринова Д.Б. На пути к новой архитектуре безопасности Большой Евразии // *Rethinking Russia*. 2018. URL: <https://rethinkingrussia.ru/2018/10/на-пути-к-новой-архитектуре-безопасно/> (дата обращения: 17.04.2021).

В академической среде нет общепринятого понимания многополярности. Представители различных школ и подходов, ученые из разных стран по-разному определяют и оценивают сущностное содержание многополярности.

Реализм отмечает, что многополярность может рассматриваться как объективное отражение тенденций мирового развития. Фундаментом многополярности выступает ослабление позиций США как глобального лидера, рост экономического, военного и политического потенциала незападных держав.

Неореализм рассматривает многополярность как свойство международной системы, оказывающее влияние на поведение государств.

Цивилизационный подход фокусируется на определении цивилизаций в качестве новых акторов и центров силы на мировой арене.

Региональный подход акцентирует внимание на усиливающихся процессах регионализации, создании региональных интеграционных систем, которые в условиях роста потенциала региональных держав и ослабления позиции США в мире способствуют формированию многополярности.

Либерализм, в первую очередь, стремится оценить влияние многополярности на стабильность и безопасность международной среды. Наряду с предсказуемым отношением к многополярности как к угрозе миру и безопасности существует иная, более оптимистичная точка зрения.

Конструктивизм рассматривает многополярность как внешнеполитический дискурс и одновременно проект ряда государств, в первую очередь России.

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Марченя П.П. Геополитические угрозы и суверенная Россия: столкновение цивилизаций нарастает? // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 4–9.
- Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. № 8 (4). С. 30–41. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41
- Алексеев О.А. Глобализация и регионализация как определяющие тенденции процесса формирования полицентричной системы международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 3. С. 28–33
- Бутенко В.А., Мохаммади Ш. Регионализация и «новый» регионализм // Право и политика. 2020. № 7. С. 105–113.
- Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 2. № 8. С. 30–58. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58
- Дугин А.Г. Теория многополярного мира. – М.: Евразийское движение, 2013.
- Казаринова Д.Б. Кризис либерализма в оценках его адептов // Россия в глобальной политике. 2018. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/krizis-liberalizma-v-ocenках-ego-adeptov/> (дата обращения: 09.03.2021).

- Костин А.И., Изотов В.С.* Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 2. С. 7–32.
- Лагутина М.Л.* Мировая политическая система в контексте глобальной регионализации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 2. С. 134–140.
- Мартынов Б.Ф.* Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 3 (21). С. 60–68.
- Реутов В.Е.* Роль глобальной регионализации в многополярном мире // Тенденции развития науки и образования. 2016. № 14–1. С. 42–44.
- Селищева Т.А., Чжоу В., Потапенко А.В., Ананьев А.А.* Евразийская экономика и идея многополярного мира в контексте глобализации и регионализации // Проблемы современной экономики. 2016. № 1 (57). С. 6–11.
- Сирота Н.М., Мохоров Г.А.* Полицентризм в контексте глобальной трансформации // Инновационные технологии нового тысячелетия: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. Т. 3. С. 170–175.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций М.: Издательство АСТ, 2020.
- Цыганков П.А.* Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 119–130.
- Acharya A.* Regional Worlds in a Post-hegemonic Era // SPIRIT Working Papers. 2009. No 1.
- Acharya A.* The End of the American World Order. Polity, 2014.
- Acharya A.* The Myth of the Civilization State: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics & International Affairs. 2020. Vol. 34, No. 2. P. 139–156. DOI: 10.1017/s0892679420000192
- Alcaro R.* The West, multipolarity, and the liberal order // The Brookings Institution. 2015. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/04/10/the-west-multipolarity-and-the-liberal-order/> (accessed: 25.04.2021).
- Allison G.* Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Blagden D.* Global Multipolarity, European Security and Implications for UK Grand Strategy: Back to the Future, Once Again // International Affairs. 2015. Vol. 91, No. 2. P. 333–350. DOI: 10.1111/1468-2346.12238
- Blagden D.* Power, polarity, and prudence: the ambiguities and implications of UK discourse on a multipolar international system // Defence Studies. 2019. Vol. 19, No 3. P. 209–234. DOI: 10.1080/14702436.2019.1643243
- Burton G.* Middle power behavior under multipolarity: Indonesia and Malaysia in the Middle East since the Arab uprisings // Asian Politics & Policy. 2021. Vol. 13, No. 2. P. 228–247. DOI: 10.1111/aspp.12577
- Butler S.* Gemeinschaft as the Lynchpin of Multilateralism: World Order and the Challenge of Multipolarity // Irish Studies in International Affairs. 2018. No 29. P. 17–34. DOI: 10.3318/isia.2018.29.09
- Chaulia S.* Trumped: Emerging Powers in a Post-American World. Bloomsbury India, 2019.
- Chebankova E.* Russia's idea of the multipolar world order: origins and main dimensions // Post-Soviet Affairs. 2017. Vol. 33, No. 3. P. 217–234. DOI: 10.1080/1060586x.2017.1293394
- Coker C.* The Rise of the Civilizational State (1st ed). Polity, 2019.
- Cont S.* Geopolitical Shifts and the Post-COVID World: Europe and the Multipolar System // IAI Commentaries. 2020. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/geopolitical-shifts-and-post-covid-world-europe-and-multipolar-system> (accessed: 23.01.2021).
- Cooley A., Nexon D.* Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order. Oxford University Press, 2020.
- Cooley A., Nexon D.* Why Populists Want a Multipolar World // Foreign Policy. 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/25/populists-multipolar-world-russia-china/> (accessed: 26.04.2021).
- De Keersmaeker G.* Polarity, Balance of Power and International Relations Theory. Palgrave Macmillan, 2017.

- De Santis H.* The Right to Rule: American Exceptionalism and the Coming Multipolar World Order. Lexington Books, 2021.
- Dreher S.* Religions in International Political Economy. Palgrave Macmillan, Cham, 2020.
- Garzón J.* Multipolarity and the future of economic regionalism // *International Theory*. 2017. Vol. 9, No. 1. P. 101–135. DOI: 10.1017/S1752971916000191
- Gürçan E.C.* The construction of “post-hegemonic multipolarity” in Eurasia: A comparative perspective // *The Japanese Political Economy*. 2020. 46 (2–3). P. 127–151. DOI: 10.1080/2329194X.2020.1839911
- Hadano T.* Multipolarity and the Future of Multilateralism: Towards “Thick” Peacekeeping in the Donbas Conflict // *Global Policy*. 2020. Vol. 11, No. 2. P. 212–221. DOI: 10.1111/1758-5899.12790
- Jones B.* A Not Quite Multipolar World // *Think Tanks, Foreign Policy and the Emerging Powers* / ed. by M. McGann. Palgrave Macmillan, 2019. P. 61–78.
- Kausch K.* Competitive Multipolarity in the Middle East // *The International Spectator*. 2015. Vol. 50, No. 3. P. 1–15. DOI: 10.1080/03932729.2015.1055927
- Kurowska X.* Multipolarity as resistance to liberal norms: Russia's position on responsibility to protect // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol. 14, No. 4. P. 489–508. DOI: 10.1080/14678802.2014.930589
- Laidi Z.* Towards a post-hegemonic world: The multipolar threat to the multilateral order // *International Politics*. 2014. Vol. 51, No. 3. P. 350–365. DOI: 10.1057/ip.2014.13
- Litsas S., Tziampiris A.* The Eastern Mediterranean in Transition: Multipolarity, Politics and Power (1st ed.). Routledge, 2016.
- Marrone A., Muti K.* NATO's Future: Euro-Atlantic Alliance in a Peacetime War // *IAI Papers*. 2020. No. 20/28. URL: <https://www.iai.it/en/node/12251> (accessed: 12.03.2021).
- Martill B., Ten Brinke L.* *Europe in a multipolar world* // *Strategic Updates*. 2020. LSE IDEAS, London School of Economics and Political Science, London, UK.
- Muzaffar M., Yaseen Z., Rahim N.* Changing Dynamics of Global Politics: Transition from Unipolar to Multipolar World // *Liberal Arts and Social Sciences International Journal*. 2017. Vol. 1, No. 1. P. 49–61. DOI: 10.47264/idea.lassij/1.1.6
- Raby G.* China's Grand Strategy and Australia's Future in the New Global Order. Melbourne University Press Digital, 2020.
- Rapanyane B.M.* The new world [dis] order in the complexity of multi-polarity: United States of America's hegemonic decline and the configuration of new power patterns // *Journal of Public Affairs*. 2020. e2114. DOI: 10.1002/pa.2114
- Richey M.* Buck-passing, Chain-ganging and Alliances in the Multipolar Indo-Asia-Pacific // *The International Spectator*. 2020. Vol. 55, No. 2. P. 1–17. DOI: 10.1080/03932729.2019.1706390
- Savin L.* *Ordo Pluriversalis. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity*. Black House Publishing, 2020.
- Ten Brinke, L., Martill, B.* Coping with Multipolarity: EU Values and the Stability of International Order // *Dahrendorf Forum Working Paper*, 2019. No. 11. URL: https://www.dahrendorf-forum.eu/wp-content/uploads/2019/08/Coping-with-Multipolarity_EU-Values-and-the-Stability-of-International-Order.pdf (accessed: 15.01.2021).
- The West and the Global Power Shift: Transatlantic Relations and Global Governance* / ed. by R. Alcaro, J. Peterson, E. Greco. London: Palgrave Macmillan, 2016.
- Tizzard D.* American Unipolarity: The Uneven Distribution of Power // *Global Politics Review*. 2017. Vol. 3, No. 2. P. 10–25.
- Valli V.* *The American Economy from Roosevelt to Trump*. Palgrave Macmillan, 2018.

References

- Ableev, S.R., Zolkin, A.L., & Marchenya, P.P. (2019). Geopolitical threats and sovereign Russia: Is the clash of civilizations growing? *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, 7, 4–9. (In Russian).

- Acharya, A. (2009). Regional worlds in a post-hegemonic era. *SPIRIT Working Papers*, 1.
- Acharya, A. (2014). *The end of the American world order*. Polity.
- Acharya, A. (2020). The myth of the civilization state: Rising powers and the cultural challenge to world order. *Ethics & International Affairs*, 34(2), 139–156. DOI: 10.1017/s0892679420000192
- Alcaro, R. (2015). The West, multipolarity, and the liberal order. *The Brookings Institution*. Retrieved April 25, 2021, from <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/04/10/the-west-multipolarity-and-the-liberal-order/>
- Alcaro, R., Peterson, J., Greco, E. (Eds.). (2016). *The West and the global power shift: Transatlantic relations and global governance*. London: Palgrave Macmillan.
- Alekseenko, O.A. (2015). Globalization and regionalization as defining trends in the formation of a polycentric system of international relations. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 3, 28–34. (In Russian).
- Alekseeva, T. (2017). Theory of international relations in the mirrors of “Scientific pictures of the world”: What’s next? *Comparative Politics Russia*, 8(4), 30–41. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-30-41
- Allison, G. (2017). *Destined for war: Can America and China escape Thucydides’s trap?* Houghton Mifflin Harcourt.
- Blagden, D. (2015). Global multipolarity, European security and implications for UK Grand strategy: Back to the future, once again. *International Affairs*, 91(2), 333–350. DOI: 10.1111/1468-2346.12238
- Blagden, D. (2019). Power, polarity, and prudence: the ambiguities and implications of UK discourse on a multipolar international system. *Defence Studies*, 19(3), 209–234. DOI: 10.1080/14702436.2019.1643243
- Burton, G. (2021). Middle power behavior under multipolarity: Indonesia and Malaysia in the Middle East since the Arab uprisings. *Asian Politics & Policy*, 13(2), 228–247. DOI: 10.1111/aspp.12577
- Butenko, V.A., & Mohammadi, S. (2020). Regionalization and the «new» regionalism. *Law and Politics*, 7, 105–113. (In Russian).
- Butler, S. (2018). Gemeinschaft as the Lynchpin of multilateralism: World order and the challenge of multipolarity. *Irish Studies in International Affairs*, 29, 17–34. DOI: 10.3318/isia.2018.29.09
- Chaulia, S. (2019). *Trumped: Emerging powers in a Post-American world*. Bloomsbury India.
- Chebankova, E. (2017). Russia’s idea of the multipolar world order: origins and main dimensions. *Post-Soviet Affairs*, 33(3), 217–234. DOI: 10.1080/1060586x.2017.1293394
- Coker, C. (2019). *The rise of the civilizational state*. Polity.
- Cont, S. (2020). Geopolitical shifts and the Post-COVID world: Europe and the multipolar system. *IAI Commentaries*. Retrieved January 23, 2021, from <https://www.iai.it/en/publicazioni/geopolitical-shifts-and-post-covid-world-europe-and-multipolar-system>
- Cooley, A., & Nexon, D. (2020). *Exit from hegemony: The unraveling of the American global order*. Oxford University Press.
- Cooley, A., & Nexon, D. (2020). Why populists want a multipolar world. *Foreign Policy*. Retrieved April 26, 2021, from <https://foreignpolicy.com/2020/04/25/populists-multipolar-world-russia-china/>
- De Keersmaeker, G. (2017). *Polarity, balance of power and international relations theory*. Palgrave Macmillan.
- De Santis, H. (2021). *The right to rule: American exceptionalism and the coming multipolar world order*. Lexington Books.
- Dreher, S. (2020). *Religions in international political economy*. Palgrave Macmillan, Cham.
- Dugin, A.G. (2013). *The theory of a multipolar world*. Moscow: Eurasiyskoe dvizhenie publ. (In Russian).
- Garzón, J. (2017). Multipolarity and the future of economic regionalism. *International Theory*, 9(1), 101–135. DOI: 10.1017/S1752971916000191

- Gürcan, E.C. (2020). The construction of “post-hegemonic multipolarity” in Eurasia: A comparative perspective. *The Japanese Political Economy*, 46 (2–3), 127–151. DOI: 10.1080/2329194X.2020.1839911
- Hadano, T. (2020). Multipolarity and the future of multilateralism: Towards “thick” peacekeeping in the Donbas Conflict. *Global Policy*, 11(2), 212–221. DOI: 10.1111/1758-5899.12790
- Huntington S. (2020) *The clash of civilizations*. Moscow: AST. (In Russian).
- Jones, B. (2018). A not quite multipolar world. In McGann, M. (Ed.), *Think tanks, foreign policy and the emerging powers* (pp. 61–78). Palgrave Macmillan.
- Kausch, K. (2015). Competitive multipolarity in the Middle East. *The International Spectator*, 50(3), 1–15. DOI: 10.1080/03932729.2015.1055927
- Kazarinova, D.B. (2018). Crisis of liberalism in the assessments of its adherents. *Russia in Global Affairs*, 6. (In Russian). Retrieved March 9, 2021, from <https://globalaffairs.ru/articles/krizis-liberalizma-v-ocenkah-ego-adeptov>
- Kostin, A.I., & Izotov, V.S. (2015). Integration systems in the paradigm of globalistics: Updating of the research approaches. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2, 7–32 (In Russian).
- Kurowska, X. (2014). Multipolarity as resistance to liberal norms: Russia’s position on responsibility to protect. *Conflict, Security & Development*, 14(4), 489–508. DOI: 10.1080/14678802.2014.930589
- Lagutina, M.L. (2015). World political system: Global regionalization issues. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 2, 134–140. (In Russian).
- Laidi, Z. (2014). Towards a post-hegemonic world: The multipolar threat to the multilateral order. *International Politics*, 51(3), 350–365. DOI: 10.1057/ip.2014.13
- Litsas, S., & Tziampiris, A. (2016). *The Eastern Mediterranean in transition: Multipolarity, politics and power*. Routledge.
- Marrone, A., & Muti, K. (2020). NATO’s future: Euro-Atlantic alliance in a peacetime war. *IAI Papers*, No. 20/28. Retrieved March, 3, 2021 from <https://www.iai.it/en/node/12251>
- Martill, B., & Ten Brinke, L. (2020). *Europe in a multipolar world. Strategic Update*. LSE IDEAS, London School of Economics and Political Science, London, UK.
- Martynov, B.F. (2009). Multipolar or multi-civilizational world? *International Trends*, 7, 3(21), 60–68. (In Russian).
- Muzaffar, M., Yaseen, Z., & Rahim, N. (2017). Changing dynamics of global politics: Transition from unipolar to multipolar world. *Liberal Arts and Social Sciences International Journal*, 1(1), 49–61. DOI: 10.47264/idea.lassij/1.1.6
- Raby, G. (2020). *China’s Grand strategy and Australia’s future in the new global order*. Melbourne: University Press Digital.
- Rapanyane, B.M. (2020). The new world [dis] order in the complexity of multi-polarity: United States of America’s hegemonic decline and the configuration of new power patterns. *Journal of Public Affairs*, e2114. DOI: 10.1002/pa.2114
- Reutov, V.E. (2016). The role of global regionalization in a multipolar world. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 14(1), 42–44. (In Russian).
- Richey, M. (2020). Buck-passing, chain-ganging and alliances in the multipolar Indo-Asia-Pacific. *The International Spectator*, 55(2), 1–17. DOI: 10.1080/03932729.2019.1706390
- Savin, L. (2020). *Ordo pluriversalis. The end of Pax Americana and the rise of multipolarity*. Black House Publishing.
- Selishcheva, T.A., Zhou, V., Potapenko, A.V., & Ananyev, A.A. (2016). Eurasian economy and the idea of a multipolar world in the context of globalization and regionalization. *Problems of Modern Economics*, 1(57), 6–11. (In Russian).
- Sirota, N.M., & Mokhorov, G.A. (2016) Polycentrism in the context of global transformation. *Innovative Technologies of the New Millennium. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference*, 3, 170–175. (In Russian).

- Ten Brinke, L., & Martill, B. (2019). Coping with multipolarity: EU values and the stability of international order. *Dahrendorf Forum Working Paper*, No 11. Retrieved January 15, 2021, from https://www.dahrendorf-forum.eu/wp-content/uploads/2019/08/Coping-with-Multipolarity_EU-Values-and-the-Stability-of-International-Order.pdf
- Tizzard, D. (2017). American unipolarity: The uneven distribution of power. *Global Politics Review*, 3(2), 10–25.
- Tsygankov, P.A. (2004). Trends of classical paradigms in Western theory of international affairs. *Social Sciences and Contemporary World*, 2, 119–130. (In Russian).
- Valli, V. (2018). *The American economy from Roosevelt to Trump*. Palgrave Macmillan.
- Voskressenski, A.D. (2012). Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary IR. *Comparative Politics Russia*, 3(2(8)), 30–58. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58

Сведения об авторе:

Солуянов Владислав Сергеевич – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: soluyanov_vladislav@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-2489-3002).

About the author:

Vladislav S. Soluianov – Postgraduate Student, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: soluyanov_vladislav@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-2489-3002).

**ПАРТИИ В ПОЛИТИКЕ:
ИДЕОЛОГИЯ РАДИКАЛИЗМА
И РЕГИОНАЛИЗМА**

**PARTIES IN POLITICS:
THE IDEOLOGY OF RADICALISM
AND REGIONALISM**

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-446-462

Научная статья / Research article

**Конструирование идеологии праворадикальной
партии в современной Великобритании:
пример Партии независимости
Соединенного Королевства**

М.С. Головин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен случай формирования обновленных идеологических основ крупнейшей праворадикальной партии Британии (и всей Европы) – Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК). Предметом исследования стал программный текст партии – Manifesto For Brexit and Beyond – документ, в котором ведется рассуждение не только о Брексите. Данный документ появился в конце 2019 года и, несмотря на частую смену руководства в партии в течение 2020 г., так и остался идеологическим фундаментом организации после Брексита. Целью статьи является анализ специфики формирования идеологической базы праворадикальной партии в Великобритании в социально-политических реалиях начального периода после выхода государства из Европейского союза. В работе проведен дискурсивный анализ основного идеологического документа одной из ведущих крайне правых партий Британии, обозначены идеологические позиции британских праворадикалов на современном этапе. Поскольку исследование носило преимущественно прикладной характер, основным результатом можно считать данные, полученные в ходе дискурс-анализа по методике Р. Водак и свидетельствующие о тех изменениях, которые происходят с дискурсом крайне правых в Британии в последнее время, а также о перспективах его эволюции в ближайшие годы после Брексита. В результате проведенного исследования дискурса Партии независимости Соединенного Королевства можно сделать вывод о том, что его формирование зависит от политического, социального и культурного контекстов, которые преобладают в современном британском обществе, а также от общеевропейского контекста. В рамках проведенной работы было показано, каким образом современная праворадикальная партия

© Головин М.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

конструирует свой дискурс, используя наиболее болевые для общества вопросы в рамках политической борьбы.

Ключевые слова: правый радикализм, Великобритания, ПНСК, Европейский союз, националистический дискурс

Для цитирования: Головин М.С. Конструирование идеологии праворадикальной партии в современной Великобритании: пример Партии независимости Соединенного Королевства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 446–462. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-446-462

Constructing the Ideology of the Right-Wing Radical Party in Modern United Kingdom: The Case of the United Kingdom Independence Party

M.S. Golovin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. This article examines the update of ideological foundations of the largest right-wing radical party in Britain (and in the whole of Europe) – the United Kingdom Independence Party (UKIP). The subject of the research is the party’s programmatic text, Manifesto for Brexit and Beyond, a document that is not limited to the discussion of Brexit alone. This document appeared at the end of 2019 and, despite the frequent change of leadership in the party during 2020, remained the ideological foundation of the organization after Brexit. The aim of the article is to analyze how the ideological base of the right-wing British radical party was formed in the socio-political realities of the initial period after the state’s exit from the European Union. The paper presents a discursive analysis of the main ideological document of one of UKIP, as well as identifies the ideological positions of British right-wing radicals at the present stage. Since the research is mainly practice-oriented, the main results are presented the data obtained through discourse analysis using to the method of R. Wodak. The data testify the changes that have been taking place in the discourse of the extreme right in Britain in recent years, as well as the prospects for its evolution in the coming years after Brexit. Studying UKIP’s discourse, the author concludes that it forms depending on the political, social and cultural conditions that prevail in modern British society, as well as on the general European context. The article also shows how a modern right-wing radical party constructs its discourse using the most painful issues for the society within the framework of political struggle.

Keywords: right-wing radicalism, United Kingdom, UKIP, European Union, nationalist discourse

For citation: Golovin, M.S. (2021). Constructing the ideology of the right-wing radical party in modern United Kingdom: The case of the United Kingdom Independence Party. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 446–462. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-446-462

Введение

Согласно ряду исследований, динамика публикаций книг и статей в научных журналах по тематике правого радикализма следующая: если в начале XXI в. в год в среднем выходило не более 50 научных публикаций по теме, то к середине 2010-х гг. этот показатель находился на уровне 180–200 работ, посвященных идеологии и политике праворадикальных организаций [Caiani

2017]. Рост количества научных работ, посвященных исследованию деятельности и идеологии крайне правых политических сил, таким образом, можно увязать с тем, что именно в 2010-е гг. во многих странах Европы, в том числе и в Великобритании, которой будет посвящена данная статья, наблюдалось существенное увеличение электоральной поддержки этих политических сил. Целью настоящего исследования является изучение такого вопроса, как специфика конструирования националистического дискурса праворадикальной партии в современной Европе, на примере британской политической организации Партия независимости Соединенного Королевства.

Говоря об изучении феномена правого радикализма, можно отметить, что среди типологий и классификаций, существующих в политической науке, особое внимание хотелось бы обратить на исследовательские подходы, в рамках которых правый радикализм и правый экстремизм разделяются по принципу включенности в легальное поле политики. Среди исследователей, заложивших основы изучения современного правого радикализма и правого экстремизма, можно отметить таких ученых, как К. Мюдде [Mudde 2007], Г. Китчелт [Kitschelt 1997], Р. Итуэлл [Eatwell 2000], Э. Картер [Carter 2005], М. Минкенберг [Минкенберг 2004]. В частности, некоторые из них предпочитали использовать понятие «правый радикализм» в отношении идеологии соответствующих партий (К. Мюдде, Г. Китчелт, М. Минкенберг), делая акцент на формировании идеологии и социально-политическом контексте, в котором данные организации стали влиятельными акторами легального политического процесса. Пожалуй, одним из самых точных и лаконичных определений понятия «правый радикализм» является трактовка, которую дал исследователь К. Мюдде: основу праворадикальной идеологии составляет сочетание трех компонентов – нативизм (исключающий национализм), авторитаризм (морализм) и популизм [Mudde 2007].

На наш взгляд, данные составляющие и по сей день остаются неотъемлемыми частями праворадикальной идеологии, но, конечно же, ими не исчерпываются, о чем, в частности, пойдет речь в данной статье. Среди исследователей, изучающих непосредственно деятельность и идеи праворадикальных партий Британии, можно выделить М. Гудвина и Р. Форда. Научные работы этих авторов позволяют понять как причины успеха британских крайне правых в последние годы, так и особенности эволюции идеологии различных крайне правых организаций в современной Великобритании [Goodwin 2011, 2014; Ford, Goodwin 2014].

Одним из инструментов праворадикальных партий в политической борьбе является националистический дискурс, формируемый идеологами организаций в рамках программных документов, а также содержащийся в речах политических лидеров. Среди исследований дискурса крайне правых партий, а также трудов о национализме как дискурсивной формации можно выделить работы таких ученых, как Т. Ван Дейк, К. Калхун и Р. Водак. Методология изучения дискурса крайне правых партий, разработанная Р. Водак и подробно описанная в ее труде [Водак 2018], предполагает детальный анализ риторики лидеров правых партий и программных документов организаций в соответствии с определенными

критериями, на которых более подробно мы остановимся в настоящей статье. Что касается работ Т. Ван Дейка [Дейк 2013] и К. Калхуна [Калхун 2006], то в своих исследованиях ученые делали акцент, во-первых, на дискурсивной природе национализма, а также на выделении и анализе механизмов конструирования и использования дискурсивных практик, связанных с расизмом и национализмом в современном мире. В целом можно отметить, что, опираясь на традиции изучения национализма, которые существуют в социальных науках, современные исследователи дискурса праворадикальных партий ставят, на наш взгляд, перед собой задачу выявления механизмов конструирования националистического дискурса на самых различных уровнях, учитывая актуальные социально-политический и культурный контексты.

Таким образом, в начале исследования автором была выдвинута гипотеза о том, что понимание причин феномена электорального успеха праворадикальных партий возможно в случае детального изучения механизмов формирования их дискурса. Дискурс-анализ в соответствии с методологией Р. Водак – а именно данный подход был выбран автором в качестве рабочего – позволил детально изучить механизмы формирования националистического дискурса британских крайне правых, а также выделить те его элементы, которые, вероятно, станут базовыми для идеологии крайне правых партий во многих государствах Европы в обозримой перспективе.

Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК) была образована в 1993 г. группой политиков, отколовшихся по идейным соображениям от Консервативной партии. Необходимо отметить, что в 1990-е гг. ведущей праворадикальной силой страны была Британская национальная партия и только в XXI в. ПНСК стала набирать популярность, что отражалось как в электоральных результатах, так и в росте численности партии. Так, если брать временной отрезок с начала 2000-х гг. и до рубежных для партии 2014–2015 гг., то можно наблюдать следующие статистические показатели: в табл. 1 наглядно показана электоральная динамика ПНСК, а также продемонстрировано, как в количественном отношении изменялся электорат крайне правых Британии.

Таблица 1 / Table 1

**Выборы в Палату общин Парламента Великобритании (2000–2015) /
General Elections UK Parliament (2000–2015)**

Год выборов / Year of elections	Процент проголосовавших и количество мест в Парламенте / % voters and number of seats	Количество проголосовавших / Voters
2001	1,5 % (0)	390 563
2005	2,2 % (0)	603 298
2010	3,1 % (0)	919 546
2015	12,6 % (1)	3 881 099

Источник: составлено по официальным статистическим данным UK Election Statistics¹ /
Source: Compiled from official UK Election Statistics data.

¹ UK Election Statistics: 1918–2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (accessed: 10.05.2021).

Следует отметить, что выборы 2001 г. стали вторыми в истории участия ПНСК в электоральных циклах в британский парламент: в 1997 г. партия получила 0,3 % (105 722 человека) и, конечно, не была в результате представлена в парламенте. Но в целом, несмотря на то, что за эти почти 20 лет партии удалось лишь единожды войти в состав парламента (одной из причин данного обстоятельства можно считать специфику британской избирательной системы), динамика поддержки ПНСК британцами впечатляет. Кроме того, необходимо подчеркнуть следующее: социологические исследования показывают, что в 2000-х гг. настроения британцев в отношении иммиграции и в целом темы национального и глобального стали меняться. Следовательно, электоральный рост ПНСК логично встраивается в контекст тех настроений и событий, которые происходили в Британии в первое десятилетие XXI в. За 15 лет число голосующих за ПНСК увеличилось почти в 10 раз (с 390 563 человек в 2001 г. до 3 881 099 человек в 2015 г.). Здесь необходимо сказать, что данные социологических исследований также подтверждают рост влияния крайне правых Британии в рассматриваемый период. Так, одним из крупнейших социологических проектов, касающихся проблем иммиграции и мультикультурализма, было исследование, проведенное по заказу организации Searchlight Educational Trust в 2011 г. на предмет изучения проблемы национализма и экстремизма. Как говорится в их докладе «Страх и надежда. Новая политика идентичности», принцип деления на классы, который был актуален ранее, теперь уступает место принципу идентичности². По мнению авторов доклада, именно этот факт способствует повышению популярности в обществе националистических организаций правого толка.

После успеха на выборах в Европейский парламент в 2014 г.³ и в целом положительного для британских евроскептиков результата по Брекситу в 2016 г. ПНСК стала терять свою популярность, в самой же партии стали происходить конфликты, в результате которых за менее чем 3 года у поста руководителя сменилось 4 человека⁴. Во многом это произошло по той причине, что Н. Фарадж, который на протяжении всей истории партии был тем самым харизматичным лидером, с помощью которого риторика ПНСК находила отклик у немалой части британцев, после Брексита заявил об уходе с поста лидера партии. В последний год своего членства в ПНСК (весна 2018 – весна 2019 г.) Н. Фарадж все чаще стал критиковать руководство своей родной партии – а потом заявил и об уходе после 25 лет в ее рядах – именно за радикализацию дискурса и переход от партии евроскептицизма к формату классической праворадикальной партии,

² Lowles N., Painter A. Fear and hope. The new politics of identity / A Searchlight Educational Trust project. – L., 2011. URL: <http://www.fearandhope.org.uk/project-report/> (accessed: 10.05.2021).

³ Партия набрала 26,77 % голосов и, как следствие, получила представительство в Европейском парламенте в количестве 24 мест // Results by country. URL: <https://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/country-results-uk-2014.html> (accessed: 10.05.2021).

⁴ McTague T. How Brexit brought UKIP to its knees [Электоральный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/how-brexit-brought-ukip-to-its-knees-next-leader-nigel-farage-steven-woolfe-diane-james-lisa-duffy/> (accessed: 10.05.2021).

основной акцент в риторике которой сделан на антииммигрантской теме и противопоставлении «Нас» и «Другого». Как сказал Н. Фарадж, такое решение было принято им из-за того, что новый лидер партии Дж. Баттен слишком заостряет антимусульманскую повестку и прибегает к сотрудничеству с такими одиозными, по мнению бывшего лидера ПНСК, политиками, как глава «Лиги английской обороны» Т. Робинсон⁵.

Таким образом, можно отметить, что в результате кризиса в партии, выразившегося в постоянной смене руководства, а также кризиса идейного (поскольку выход из ЕС был темой, вокруг которой практически полностью строился националистический дискурс ПНСК), стал возможен приход к руководству в партии нового человека. Новый лидер не побоялся начать процесс трансформации дискурса ПНСК из евроскептицистского в праворадикальный, актуализируя те проблемы, которые волнуют значительную часть британцев⁶. Как замечает один из ведущих экспертов по проблематике британских крайне правых, профессор Кентского университета М. Гудвин, несмотря на кризис ПНСК в последние годы и снижение ее популярности, было бы неверным предполагать, что та популистская риторика, которую используют и будут использовать представители партии в дальнейшем, перестанет находить отклик у избирателей, поэтому ПНСК еще рано списывать со счетов⁷.

В рамках настоящего исследования вызывает интерес статья, вышедшая в марте 2019 г. и посвященная идеям и методам ведения политической борьбы ПНСК. Публикация Дж. Холидея и П. Уокера в рамках проекта *The New Populism*, который направлен на экспертный анализ крайне правой популистской повестки в современной Европе и непосредственно в самой Великобритании, была названа красноречиво: «Ukip 2.0: young, angry, digital and extreme» / «ПНСК 2.0: Молодые, злые, цифровые и экстремистские»⁸. Акценты, расставленные авторами статьи, достаточно показательны. «Молодые и злые» – это явная отсылка к сотрудничеству тогдашнего лидера партии Дж. Баттена с Т. Робинсоном, одним из ярких представителей британских крайне правых; слово «цифровой» отсылает нас к тем каналам, которые активно использует ПНСК и которые популярны у крайне правых политиков по всей Европе, – для того, чтобы донести свою позицию до как можно большего числа людей, включая, конечно, и молодежь. И наконец, *extreme* – экстремистские.

⁵ Walker P. Nigel Farage quits Ukip over its anti-Muslim «fixation». URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/dec/04/nigel-farage-quits-ukip-over-fixation-anti-muslim-policies> (accessed: 10.05.2021).

⁶ The Brexit Process / What UK Thinks: EU. URL: <https://whatukthinks.org/eu/explore-by-topic/the-brexit-process/> (accessed: 10.05.2021).

⁷ Rankin J. The party has imploded: can Ukip survive Brexit? // *Guardian*, 21 February 2018. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/sep/21/party-imploded-can-ukip-still-survive-brexit> (accessed: 10.05.2021).

⁸ Halliday J. Walker P. Ukip 2.0: young, angry, digital and extreme // *Guardian*, 3 March 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/03/new-ukip-gerard-batten-corbbyn-hard-right-momentum> (accessed: 10.05.2021).

Необходимо подчеркнуть, что проблема идентификации той или иной политической организации как радикальной или экстремистской является одним из главных методологических вопросов, стоящих перед исследователями данной темы. На наш взгляд, даже привлечение в партию таких радикальных политиков, как Т. Робинсон с его более открытой ксенофобской риторикой, не делает партию автоматически экстремистской. Другое дело, что такие понятия, как *far-right*, *radical right* и *extreme right*, часто используются как синонимы, что, на наш взгляд, весьма упрощает действительную картину. В случае с ПНСК стоит говорить скорее о радикализации того националистического дискурса, который был свойствен партии на протяжении долгих лет руководства Н. Фараджа.

В настоящем исследовании мы придерживаемся следующей позиции: обозначить политическую организацию как правоэкстремистскую возможно лишь в том случае, если она активно выступает против системы, в рамках которой проходит легальный политический процесс, и не нацелена на то, чтобы с помощью участия в ней добиваться каких-то преференций, становясь уже одним из ее элементов, участвуя в принятии властных решений и т.д. В статье, упомянутой выше, говорится о том, что, возглавив ПНСК в непростые для организации времена, лидер партии Дж. Баттен поставил цель сделать из партии евроскептиков крайне правую партию, что во многом объясняет назначение Т. Робинсона одним из своих советников по внутренней политике. Уместно будет отметить, что в программе, предшествовавшей той, которая появилась в декабре 2019 г., иммиграция и ислам стали в куда большей степени объектами для критики, нежели ЕС, что, очевидно, есть попытка перевести повестку с общеевропейской на национальную, которая, по мнению нового руководства партии, является более актуальной и сможет найти отклик у электората. Как резюмируют авторы статьи «Ukip 2.0: young, angry, digital and extreme» / «ПНСК 2.0: Молодые, злые, цифровые и экстремистские», подобный идейный крен в дискурсе партии на самом деле оказывается скорее благоприятным для нее, чем наоборот, ибо количество членов партии за время руководства организацией Д. Баттенем лишь увеличилось⁹.

Переходя к непосредственному дискурсивному анализу программы ПНСК, стоит оговорить еще одну важную, на наш взгляд, деталь. Безусловно, в современных условиях ПНСК не является самой крупной и влиятельной праворадикальной партией Британии: неудачи на последних выборах в Европарламент, а также самые провальные за всю историю партии выборы в Парламент Великобритании¹⁰ крайне ярко свидетельствуют о кризисе, в котором

⁹ William J. Pro-Brexit movement splinters in fight against PM's EU divorce plan // Reuters, September 23, 2018. URL: <https://www.reuters.com/subjects/euro-zonehttps://www.reuters.com/article/us-britain-eu-ukip/pro-brexit-movement-splinters-in-fight-against-pms-eu-divorce-plan-idUSKCN1M30CN> (accessed: 10.05.2021).

¹⁰ General Election 2019: full results and analysis. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8749/> (accessed: 10.05.2021).

находится партия на данный момент. В частности, в период голосования по Брекситу новая партия основателя ПНСК Н. Фараджа – Brexit Party – стала ведущей крайне правой политической силой страны, о чем могут свидетельствовать результаты выборов в Европейский парламент, состоявшиеся в 2019 г.¹¹ Однако такая ситуация отнюдь не свидетельствует об отсутствии необходимости в исследовании программных документов организаций, подобных UKIP или BNP (Британская национальная партия), ибо темы, которые там поднимаются, так или иначе затрагивают не только сугубо национальные (в данном случае – британские) проблемы, но и обозначают некие общеевропейские идеологические тренды, достойные внимания. В книге «Политика страха» исследователь правопопулистского дискурса Р. Водак озвучивает ряд критериев, соответствие которым характеризует партию и ее дискурс, риторику ее членов как правопопулистскую (что, в общем, относится и к дискурсу праворадикальных организаций). Р. Водак выводит ряд феноменов, связанных, по мнению автора, с риторикой правых популистов и имеющих непосредственное отношение к сущности националистического дискурса [Водак 2018]:

1) фокусировка на гомогенном демосе, народе (нативистские критерии определения данных понятий);

2) акцент на «исконной нации», конструирование сценариев угроз («Нам» угрожают «Они»);

3) вера в общий нарратив о прошлом (конструирование ревизионистской истории, в которой «Мы» – герои или «Мы» – жертвы Зла);

4) заговор как неотъемлемая часть дискурса крайне правых, основа которого – дискурс страха;

5) традиционные ценности и моральные принципы как основа идеологии политических партий правопопулистской направленности;

6) антиинтеллектуализм (упрощенные объяснения и решения)¹².

Таким образом, Р. Водак выделяет те критерии, которые можно считать базовыми для националистического дискурса, ибо дальше идут вариации, в зависимости от национального и внутривластного контекста.

Дискурсивный анализ идеологии Партии независимости Соединенного Королевства

Уже в самом начале *Manifesto For Brexit and Beyond* его авторы обозначают новые приоритеты партии в рамках внутренней политики. В контексте настоящего исследования это представляет для нас наибольший интерес, поскольку после Брексита акценты политических организаций, вероятно, постепенно

¹¹ 2019 European election results. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/national-results/united-kingdom/2019-2024/> (accessed: 10.05.2021).

¹² Более детально специфика конструирования националистического дискурса праворадикальных партий была разобрана нами в одной из предыдущих работ. См.: Головин М.С. Националистический дискурс: теоретические проблемы и дискуссии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 2. С. 74–86.

должны сместиться в сторону именно внутренней политики. В частности, во введении авторы пишут, что у партии, помимо внешнеполитической, есть и внутривнутриполитическая повестка, которая очень важна для будущего и заключается в следующем: соединение «либертарианских принципов с идеями популизма и подлинного консерватизма... в частности, мы поддерживаем свободу слова, свободу рынка, финансовую ответственность и традиционные британские ценности». Первый абзац во введении дает много поводов для размышлений о специфике националистического дискурса ПНСК на современном этапе. Далее, во второй части введения, акцент делается на таких категориях, как «свобода мнения, самовыражения», «полиция политкорректности», которая, по мнению П. Маунтейн, является «удушающей» (*suffocating*) и которой необходимо «положить конец». Также несколько раз во введении употребляется словосочетание «*common sense politics*», т.е. политика здравого смысла, с помощью которого указывают на то, что именно этот здравый смысл отсутствует сегодня в проводимой в Британии политике властей.

Резюмируя те идейные принципы, которые были изложены авторами Манифеста во введении, следует отметить несколько любопытных моментов. Во-первых, как указывает в своем исследовательском подходе политолог Р. Водак, неотъемлемой частью дискурса крайне правых партий является апелляция к так называемым традиционным ценностям и акцент на гомогенном народе. И в случае программы ПНСК эти элементы присутствуют уже во введении: авторы отсылают нас к «традиционным британским ценностям» и «популизму». Здесь необходимо отметить, что может показаться странным, когда партия сама обозначает себя как популистскую. Однако в случае с ПНСК это происходит не в первый раз: уже в предыдущей программе партии Дж. Баттен открыто заявлял, что они считают себя популистами, то есть теми, кто выступает за интересы «простого народа». Следовательно, данная категория в дискурсе ПНСК приобретает положительные коннотации. Еще одним важным моментом, на который следует обратить внимание во вводной части программы, – это, конечно же, жесткое противопоставление «свободы слова и самовыражения» той политике «политкорректности», которая, по мнению авторов Манифеста, активно проводится правящими элитами. И здесь также следует оговориться, что уже в предыдущем программном документе партии¹³ его разработчики вводили такие понятия, как «политкорректность» и «культурный марксизм», а также интересное словосочетание *thought-police* (полиция мыслей), которое является отсылкой к известной антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Таким образом, одним из самых интересных в исследовательском плане моментов анализа дискурса современных крайне правых партий является не только обозначение и интерпретация привычных элементов националистического дискурса, в частности антииммигрантской повестки или критики наднациональных структур, но и рассмотрение вопросов, которые связаны с

¹³ Interim Manifesto «Policies For People» / UK Independence Party, September 2018. URL: https://www.ukip.org/pdf/UKIP_Manifesto_Sept_2018.pdf (accessed: 10.05.2021).

глобальным доминированием и проведением в жизнь таких идей, как политкорректность и культурный марксизм, внимание к которым присутствует в современных социальных науках [Dzenis, Nobre Faria 2020; Jamin 2014].

Манифест ПНСК 2019 г.¹⁴ содержит 35 глав, каждая из которых затрагивает ту или иную область общественных и властных отношений. Руководствуясь целями исследования, мы отобрали несколько глав, в которых наиболее ярко отражена позиция партии по рассматриваемым вопросам. Так, в число анализируемых вошли следующие части программы:

- 1) Брексит;
- 2) здоровье и система здравоохранения;
- 3) работа и благосостояние;
- 4) иммиграция;
- 5) образование;
- 6) полиция и уголовное правосудие;
- 8) свобода слова и политкорректность;
- 9) культура и СМИ.

Во всех перечисленных главах программы в той или иной степени затрагиваются вопросы, которые являются элементами националистического дискурса праворадикальных партий.

Для того чтобы анализ вышеобозначенных позиций был более наглядным, решено сгруппировать их все в несколько тематических блоков:

- 1) политические вопросы («Брексит», «Иммиграция», «Полиция и уголовное правосудие»);
- 2) вопросы социальной сферы («Здоровье и система здравоохранения», «Работа и благосостояние», «Равенство и нетрудоспособность»);
- 3) политика в сфере образования и культуры («Образование», «Свобода и политкорректность», «Культура и СМИ»).

Анализируя содержимое первого блока – «Политические вопросы», можно выделить несколько основных положений, которые, согласно методологии Р. Водак, обозначают «Нас» как носителей исключительно положительных характеристик в противоположность «Им», которые представляют потенциальную (или реальную) угрозу «нашему существованию»:

- «За пределами ЕС Великобритания станет более процветающей страной» – жесткое противопоставление ЕС как субъекта политического процесса, который как бы не позволял становиться Британии «более процветающей» (*more prosperous*);
- критика иммиграционной политики нынешнего и предшествующих правительств выражается в негативной оценке политики открытых границ, а также в конкретных предложениях: пребывание в стране временных работников и студентов-иммигрантов должно быть жестко ограничено; создание Департамента контроля за миграцией; выход Британии из ряда договоров, касающихся иммиграции (в частности, Барселонская декларация 1995 г., Марракешская

¹⁴ Manifesto 2019. URL: https://www.ukip.org/pdf/manifesto_complete.pdf (accessed: 10.05.2021).

декларация 2018 г., и Глобальный договор о миграции ООН 2018 г.); в целом, по мнению британских крайне правых, требования к тем, кто хочет стать частью британской нации, должны быть довольно серьезны – мигрант должен проработать в Британии без перерыва 10 лет, «полностью ассимилироваться в стране, свободно владея устным и письменным английским языком»;

- в разделе «Полиция и правосудие» необходимо обратить внимание не на тонкости предложений ПНСК в этой области (поскольку данный вопрос не является предметом настоящего исследования), а на употребление в контексте правосудия следующего словосочетания: «UKIP will end the culture of politically correct policing» («ПНСК положит конец полиции политкорректности»); это заявление крайне важно и еще несколько раз встретится в программе, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, в блоке вопросов, обозначенном нами как «политические», основной упор в контексте рассматриваемой проблематики крайне правыми делается на пестовании собственной национальной идентичности, в противовес идентичности общеевропейской. Кроме того, критикуется иммиграционная политика, проводимая в Британии последние десятилетия и одновременно наличествуют конкретные предложения по изменениям в этой сфере. Отдельного внимания заслуживает дискурсивное использование понятия «политическая корректность» в ожидаемо негативном свете при обозначении проблемы полицейского (что в данном случае имеет явные негативные коннотации) использования элитами этого инструмента политической борьбы. Немалую часть программы, посвященную социальным вопросам, вопросам здравоохранения и социального обеспечения, также занимает то, что можно именовать как националистический дискурс. В частности, в разделе «Здоровье и система здравоохранения» явственно прослеживается такой элемент националистического дискурса, как «социальный шовинизм», – явление, сущность которого состоит в идее предпочтительности социальных гарантий для собственного, «коренного» населения и тотальная критика действий правительства по несправедливому, по мнению крайне правых политических сил, распределению социальных благ в обществе.

В этом контексте будет уместно привести полный фрагмент из программы, посвященный данной проблеме: «Национальная служба здравоохранения является национальной службой, а не международной. Национальная служба здравоохранения готова идти на существенные злоупотребления в работе с иностранными гражданами. Мы покончим с „оздоровительным туризмом“ иностранцев. Любые приезжие/мигранты должны будут иметь личную медицинскую страховку до тех пор, пока не выплатят сумму пятилетнего государственного страхования. Прибывшие в Соединенное Королевство также должны будут иметь личную медицинскую страховку в процессе получения визы, если нет каких-либо конкретных взаимных соглашений». Таким образом, мы можем видеть, как в частном аспекте вопроса здравоохранения британские крайне правые отстаивают идею приоритета социальной защищенности собственных граждан в противовес той политике, которая ведется

со стороны Правительства в сфере социального обеспечения и социальной помощи мигрантам. Здесь следует отметить, что категория «welfare chauvinism» – «социального шовинизма», «шовинизма благосостояния» – стала одной из ключевых для многих крайне правых партий Европы, начиная с 1990-х годов, когда они смогли, таким образом, перехватить традиционную повестку «левых» и увеличить свой электорат [Панкратов 2014].

Интересным представляется раздел программы, названный авторами документа Equality and Disability (Равенство и нетрудоспособность). Акцент в этой части программы делается на критике так называемого Equality Act (Акт о равенстве), суть которого состоит в защите людей от дискриминации, принятого в 2010 г. и ставшего единым документом, который заменил все предыдущие юридические документы по этому вопросу¹⁵. Идеологи ПНСК, рассуждая об этой проблеме, отмечали, что нововведения, которые появились после принятия этого закона, стали угрозами для проявления свободы слова в сфере социальных отношений. Согласно ПНСК, данный закон не способствовал межкультурной гармонии в таком «многосоставном» обществе, как британское, но лишь усугубил ситуацию с дискриминацией, однако, конечно же, не меньшинств, а представителей большинства – в частности белых подростков. Обещая закрыть различные учреждения, отвечающие за эти вопросы (в частности, такие как Комиссия по вопросам равенства и прав человека, Правительственная комиссия по вопросам равенства), авторы Манифеста предлагают словосочетание, которое вполне может войти в набор идеологических конструкций современного праворадикального дискурса – «культурно-марксистская социальная инженерия общества» (Cultural Marxist social engineering of society). Подобные речевые обороты, на наш взгляд, как и в случае с «полицией политкорректности», вызывают ассоциации с моделированием «идеального» общества будущего, происходящие в дискурсе крайне правых для создания образа «врага» в контексте современных социально-политических и культурных процессов. «Полиция политкорректности», «полиция мысли», «социальная инженерия общества» – все эти словосочетания используются для формирования образа современного общества как достаточно тоталитарного в своей перспективе, исключающего базовые принципы прав и свобод, на которых оно, кажется, и должно стоять. Кроме того, в программе ПНСК проводится критика феномена, который принято обозначать как «позитивная дискриминация».

В Кембриджском словаре позитивная дискриминация определяется как акт предоставления преимущества определенным группам, к которым зачастую относятся несправедливо по причине расы, пола и т.д.¹⁶ Поэтому

¹⁵ Equality Act 2010: guidance. URL: <https://www.gov.uk/guidance/equality-act-2010-guidance> (accessed: 10.05.2021).

¹⁶ Positive discrimination / Cambridge Dictionary – Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/positive-discrimination/> (accessed: 10.05.2021).

представляется вполне логичным, что в программе ПНСК мы читаем следующее: «Мы являемся сторонниками равных возможностей для каждого индивида, но мы отвергаем принуждение к равенству для групп с различными характеристиками. ПНСК не будет вводить какое-либо квотирование для рабочих мест или замещения управленческих должностей на основе цвета кожи, пола или иных характеристик». Помимо этого в данной части программы акцентируется внимание на гендерной проблематике («существует только 2 пола – мужской и женский»), интегрируется в этот вопрос критика системы шариатских судов, говорится об их недопустимости в Британии по причине того, что согласно этим правовым нормам женщины подвергаются дискриминации. В целом, как было показано выше, праворадикальные политические силы в современной Британии достаточно умело манипулируют актуальными темами, связанными с проблематикой так называемого «культурного марксизма», «позитивной дискриминацией», «политической корректностью» и различными гендерными вопросами.

На наш взгляд, особо интересно в этой связи то, какие именно ассоциации, модели, конструкции выстраивают крайне правые посредством формирования своего дискурса. Они олицетворяют себя с защитниками традиционных ценностей, достижений западной цивилизации, одновременно обозначая нынешние элиты (как на национальном, так и на наднациональном уровне) как сторонников полицейских мер в области межкультурного взаимодействия и свободы самовыражения, свободы слова. Подобный антагонизм, думается, в скором времени станет центральным для общественно-политического дискурса современной Европы, поскольку, как подчеркивает ряд исследователей правого радикализма, в частности М. Кайяни и П. Крель [Caiani, Kroll 2017], Й. Ридгрэн [Rydgren 2013], К. Мюдде [Mudde 2007], неотъемлемой чертой праворадикальной идеологии является социокультурный авторитаризм, который включает в себя декларации о жесткой приверженности закону и порядку, а также уважительное отношение к семейным ценностям. Кроме того, отдельного внимания исследователей в последние годы заслуживает тема взаимосвязи гендерной проблематики и праворадикального дискурса как в целом [Greig 2019], так и в рамках британского случая [Ralph-Morrow 2020].

Акцент праворадикальных политических сил Европы в целом и Британии в частности на вопросах образования и культуры в последние годы можно объяснить тем, что нормы политкорректности, а также неурегулированный миграционный кризис в совокупности образуют тот комплекс проблем, который усиливает напряженность в социальном взаимодействии между различными группами общества. Так, еще до триумфа ПНСК на выборах в Европейский парламент в 2014 г. исследователи отмечали, что 41% британцев готовы проголосовать за партию, центральной идеей которой станет ограничение иммиграции, 55% – за ту, которая выступает за доминирование «традиционных британских ценностей» над всеми остальными и 37% респондентов отмечали, что число мусульманского населения в Британии необходимо сократить [Goodwin 2014].

Последующие годы не изменили ситуацию и ряд вопросов, которые актуализируют крайне правые Соединенного Королевства сегодня, лишь подтверждает это. В частности, в области образования британские крайне правые из ПНСК критикуют феномен «учителей-активистов», которые поднимают гендерную проблематику и способствуют культивации «ненависти к нашей собственной культуре и наследию». Любопытно, что в весьма откровенной форме идеологи британских правых радикалов говорят следующее: «ПНСК покончит с политкорректностью в школах... мы должны дать им [школьникам] возможность мыслить самостоятельно». Более развернуто ПНСК формулирует свою позицию относительно политкорректности и свободы слова в соответствующем разделе, который так и называется – «Свобода слова и политическая корректность».

В качестве негативно окрашенных словосочетаний, которые используют идеологи партии в этом разделе, можно выделить следующие: «так называемые концепции „разжигания ненависти“ и „преступления на почве ненависти“»; «политическая доктрина культурного марксизма»; «допустимость только одной левой политкорректной точки зрения». Анализируя эту часть программы, следует подчеркнуть, что дискурсивное жонглирование терминами и устойчивыми словосочетаниями, ставшими таковыми в последний десяток лет в контексте политического и социально-культурного процессов современной Европы, позволяет достаточно точно проводить линию между «своими» и «чужими». Также необходимо отметить, что современные крайне правые зачастую маркируют как «врагов» не мигрантов, а именно тех идеологов и практиков политкорректности, «культурного марксизма» и мультикультурализма, которые в ответе за формирование сегодняшнего политического курса.

Таким образом, хотелось бы обратить внимание на следующее: в последнее десятилетие в Европе, пораженной миграционным кризисом, а также при все большем доминировании идеи политкорректности сформировалось два больших идейно-политических лагеря, которые способны в обозримом будущем существенно изменить партийно-политический ландшафт Старого Света. Позиция по поводу перечисленных вопросов, на наш взгляд, как никакая другая, разделяет сегодня политические силы на европейском континенте и явно не способствует продолжению интеграционных процессов. Здесь, кстати, можно вспомнить об интересных наработках отечественных исследователей в области изучения трансформаций партийно-политического ландшафта Европы в настоящее время [Швейцер 2018]. На этом фоне праворадикальные политические силы конструируют свой дискурс исходя из доминирующих в общественно-политическом дискурсе проблем и вопросов, связанных с беспокойством о национальном суверенитете, национальной идентичности, о том, что традиционные ценности – а таковыми для них является семья, Родина, свобода слова и самовыражения и т.д. – размываются посредством идей «культурного марксизма». Отчасти этому посвящена глава программы ПНСК, названная «Культура и СМИ», в которой четко обозначена

позиция британских правых радикалов в отношении мультикультурализма, национальной идентичности, и выражено несогласие с тем, в каком ключе различные британские масс-медиа преподносят данную повестку жителям Соединенного Королевства.

Заключение

В рамках настоящего исследования мы разобрали только один частный случай дискурса праворадикальных политических сил европейских государств – идеологический дискурс Партии независимости Соединенного Королевства. На наш взгляд, феномен Брексита в этом отношении имеет довольно специфическое значение: с одной стороны, выход из ЕС способствует переключению внимания политических партий на внутривнутриполитические проблемы с повестки, являвшейся главной на протяжении последних нескольких лет; но с другой стороны, оппозиция правоконсервативной, праворадикальной идеи и теории и политической практики того, что обозначают как «культурный марксизм» и «политическая корректность», настолько сильна в современном мире – и особенно в Европе – что вряд ли бы отсутствие Брексита как-то повлияло на степень ее значимости и непреходящей актуальности. Безусловно, ПНСК – это не единственная праворадикальная сила в современной Британии: под влиянием событий в США, связанных с расовой проблематикой, активность крайне правых групп как праворадикальной, так и правоэкстремистской направленности в Британии за последние месяцы резко возросла¹⁷, и это, безусловно, должно стать в обозримом будущем предметом нового исследования. Однако, изучив актуальный программный документ ПНСК, мы смогли выделить несколько базовых моментов, на которых строится дискурс праворадикальной партии в Британии в условиях новой политической реальности. И это, конечно, будет справедливым замечанием в отношении крайне правых сил целого ряда европейских государств, что вполне может стать предметом будущих научных исследований в области изучения специфики конструирования дискурса праворадикальных партий в современном мире.

Поступила в редакцию / Received: 24.01.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Водак Р.* Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр Харьков, 2018.

¹⁷ Напр., о реакции государства на рост активности крайне правых политических сил см.: Allen C. Extremism in the UK: new definitions threaten human and civil rights. URL: <https://theconversation.com/extremism-in-the-uk-new-definitions-threaten-human-and-civil-rights-157086> (accessed: 10.05.2021).

- Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006.
- Минкенберг М. Новый правый радикализм в сопоставлении: партии, движения и среды // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 2. С. 16–32.
- Панкратов В.В. Идеология правого радикализма: проблемы концептуализации / Интеграция отечественной науки в мировую: проблемы, тенденции и перспективы: сборник научных докладов Международной научно-практической конференции. М.: Научное обозрение, 2014. С. 247–261.
- Партии и движения политической альтернативы в современной Европе / отв. ред. В.Я. Швейцер. М.: ИЕ РАН, 2018.
- Caiani M. & Kröll P. Nationalism and Populism in Radical Right Discourses in Italy and Germany // *Javnost – The Public*. 2017. P. 1–19.
- Caiani M. Radical right-wing movements: Who, when, how and why? *Sociopedia*. 2017. DOI: 10.1177/205684601761.
- Carter E. *The Extreme Right in Western Europe: Success Or Failure?* Manchester University Press, 2005.
- Dzenis S., Nobre Faria F. Political Correctness: The Twofold Protection of Liberalism // *Philosophia*, 2020. P. 48. 95–114. DOI: 10.1007/s11406-019-00094-4
- Eatwell R. The Rebirth of the ‘Extreme Right’ in Western Europe? // *Parliamentary Affairs*. 2000. Vol. 53. P. 407–425
- Ford R., Goodwin M. Understanding UKIP: Identity, Social Change and the Left Behind // *Political Quarterly*, 2014. № 85. P. 277–284.
- Ford R., Goodwin M.J. *Revolt on the Right: Explaining Support for the Radical Right in Britain*. Routledge, 2014.
- Goodwin M. J. Forever a false dawn? Explaining the Electoral Collapse of the British National Party (BNP) // *Parliamentary Affairs*, 2014. P. 67.
- Goodwin M.J. *New British Fascism: Rise of the British National Party*. L.: Routledge, 2011.
- Greig A. Masculinities and the Rise of the Far-Right / Implications for Oxfam’s Work on Gender Justice. 2019.
- Jamin J. Cultural Marxism and the Radical Right / *The Post-War Anglo-American Far Right: A Special Relationship of Hate*, edited by Paul Jackson and Anton Shekhovtsov. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 84–103.
- Kitschelt H. *The Radical Right in Western Europe*. University of Michigan Press, 1997.
- Mudde C. *Populist radical right parties in Europe*. N. Y.: Ambridge University Press, 2007.
- Ralph-Morrow E. The Right Men: How Masculinity Explains the Radical Right Gender Gap. *Political Studies*. July 2020. DOI: 10.1177/0032321720936049.
- Rydgren J. (Ed.). *Class politics and the radical right*. London: Routledge, 2013. P. 1–9.

References

- Caiani, M. (2007). Radical right-wing movements: Who, when, how and why? *Sociopedia*.
- Caiani, M., & Kröll, P. (2017). Nationalism and populism in radical right discourses in Italy and Germany. *Javnost – The Public*. 24, 1–19. DOI: 10.1080/13183222.2017.1330084
- Carter, E. (2005). *The extreme right in Western Europe: Success or failure?* Manchester University Press.
- Dzenis, S., & Nobre Faria, F. (2020). Political correctness: The twofold protection of liberalism. *Philosophia*, 48, 95–114.
- Eatwell, R. (2000). The rebirth of the ‘extreme right’ in Western Europe? *Parliamentary Affairs*. 53, 407–425.
- Ford, R., & Goodwin, M. (2014). Understanding UKIP: Identity, social change and the Left Behind. *Political Quarterly* [Online] 85, 277–284.
- Ford, R., & Goodwin, M.J. (2014). *Revolt on the right: Explaining support for the radical right in Britain*. Routledge.

- Goodwin, M.J. (2011). *New British fascism: Rise of the British National Party*. Routledge.
- Goodwin, M.J. (2014). Forever a false dawn? Explaining the electoral collapse of the British National Party (BNP). *Parliamentary Affairs*, 67.
- Greig, A. (2019). Masculinities and the rise of the far-right. *Implications for Oxfam's Work on Gender Justice*.
- Jamin, J. (2014). Cultural marxism and the radical right. In: Jackson, P. & Shekhovtsov, A. *The Post-War Anglo-American Far Right: A Special Relationship of Hate* (pp. 84–103). New York: Palgrave Macmillan.
- Kitschelt, H. (1997). *The radical right in Western Europe*. University of Michigan Press.
- Mudde, C. (2007). *Populist radical right parties in Europe*. N. Y.: Cambridge University Press.
- Pankratov, V.V. (2014). The ideology of right-wing radicalism: problems of conceptualization. In: *Integration of national science into the world: problems, trends and prospects. International conference proceedings* (pp. 247–261). Moscow: Nauchnoye obozrenie. (In Russian).
- Ralph-Morrow, E. (2020). The right men: How masculinity explains the radical right gender gap. *Political Studies*. July 2020. DOI: 10.1177/0032321720936049.
- Rydgren, J. (Ed.). (2013). *Class politics and the radical right* (pp. 1–9). London: Routledge.
- Shveytzer, V.Ya. (Ed.). (2018). *Parties and movements of political alternative in contemporary Europe*. Moscow: IE RAS. (In Russian)
- Wodak R. (2018). *The politics of fear: What right-wing populist discourses mean* (pp. 139–140). Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russian).

Сведения об авторе:

Головин Михаил Сергеевич – старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (e-mail: golovin.mihail@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-4339-4842).

About the author:

Mikhail S. Golovin – Lecturer at the Department of Political Science and International Relations of Chelyabinsk State University (e-mail: golovin.mihail@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-4339-4842).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-463-478

Научная статья / Research article

Сила регионалистских партий Соединенного Королевства: концептуализация и измерение

М.В. Грабевник

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук, Пермь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена концептуализации понятия партийной силы (party strength) и измерению двух ее количественных элементов (электорального и институционального) на примере четырех регионалистских партий Соединенного Королевства: Шотландской национальной партии, Демократической юнионистской партии, партии «Шинн Фейн» и партии «Плайд Камри». На основании анализа основных теоретических подходов к интерпретации партийной силы предложена методика ее измерения. Представленная методика является вкладом в проблематику измерения и оценки регионализма посредством силы регионалистских партий в разных политико-институциональных условиях. Сравнение уровней электоральной и институциональной силы регионалистских партий позволяет проследить некоторые закономерности: отмечаются тенденции роста электоральной силы при стабилизации институциональной в рамках исследуемого периода 2010-х гг., а разрыв в уровнях институциональной силы партий не отражает разницу в уровне электоральной силы. Вместе с тем в статье отмечаются вызовы, стоящие перед проблематикой оценки силы регионалистских партий: детальная проработка концептуального аппарата качественных характеристик партийной силы; анализ коммуникативного и организационного элементов силы партий.

Ключевые слова: партийная сила, регионализм, регионалистские партии, Соединенное Королевство, электоральная сила, институциональная сила

Для цитирования: Грабевник М.В. Сила регионалистских партий Соединенного Королевства: концептуализация и измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 463–478. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-463-478

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

© Грабевник М.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Party Strength of Regionalist Parties of United Kingdom: Conceptualisation and Measuring

M.V. Grabevnik

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russian Federation

Abstract. The article conceptualizes the concept of party strength and the measurement of its two quantitative elements (electoral and institutional) by example of four United Kingdom regionalist parties: Scottish National Party, Democratic Unionist Party, Sinn Fein and Plaid Cymru. Based on the analysis of the main theoretical approaches to party strength, the article proposes a method for its measurement, which can be used to measure and evaluate regionalism through the strength of regionalist parties in different political and institutional contexts. Comparing the levels of electoral and institutional party strength allows to highlight several tendencies: growth in electoral strength of UK regionalist parties during 2010s is noted, with stabilization of the institutional party strength; and the gap in the levels of institutional strength of the regionalist parties does not reflect the difference in the level of electoral strength. At the same time, the article mentions the challenges to assessing the strength of regionalist parties, namely, the need for detailed conceptualization of the qualitative characteristics of the party strength and the lack of analysis of the communicative and organizational elements of party strength.

Keywords: party strength, regionalism, regionalist parties, United Kingdom, electoral party strength, institutional party strength

For citation: Grabevnik, M.V. (2021). Party strength of regionalist parties of United Kingdom: Conceptualisation and measuring. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 463–478. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-463-478

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 19-18-00053 “Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices)”, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Введение

Одной из характерных черт политической партии является поиск электоральной поддержки, позволяющей претендовать на политическое влияние и парламентские места. В таком ключе закономерно рассматривать поиск электоральной поддержки не как цель партии, а как необходимое организационное условие для достижения политического влияния. И электоральная поддержка, и парламентская репрезентация, являются, как правило, проекцией либо идеологических коллективных мотивов (реализации политического курса), либо выборочных материальных или статусных мотивов (поиск портфеля/мандата). Иными словами, с одной стороны, политические партии стремятся к формированию политического курса, институтов и системы общественно-политических отношений в целом, основываясь на идеологии и предпочтениях избирателей. С другой стороны, политические партии могут выступать как «машины распределения» частных выгод для своих членов, таких как персональное влияние, социальный статус, материальные и финансовые

выгоды. Безусловно, в реальной политической практике цели тесно связаны друг с другом, поскольку обретение частных выгод непосредственно зависит от электоральной поддержки, завоевание которой основано на идеологических и коллективных целях и интересах политического курса [Katz, Mair, 1995]. Тем не менее, вне зависимости от конкретных партийных целей и стратегий, их реализация одинаково зависит от того, насколько партия не только электорально успешна, но и электорально устойчива.

Регионалистские партии в ходе получения регионами институциональных предпочтений (создание региональных парламентов и расширение региональных полномочий) сталкиваются с трудным вызовом собственного дальнейшего развития, сопряженного с задачей достижения электорального успеха и его воспроизводством (т.е. достижением электоральной устойчивости). Представляется вполне закономерным в современных условиях, что регионалистским партиям необходимо сохранять баланс между преданностью регионализму как политическому курсу и лояльностью генеральной линии правящей коалиции, чтобы сохранять (и усиливать) конкурентоспособность по отношению к крупным национальным партийным акторам. Автор статьи предполагает, что сегодня успешные регионалистские партии придерживаются модели, которая предполагает сохранение регионалистского наполнения (в партийной повестке), с одной стороны, и воспроизводство электоральной и институциональной силы партии – с другой.

Настоящая статья посвящена рассмотрению концептов электоральной и институциональной силы и попытке применения измерительных методов к регионалистским партиям Соединенного Королевства. Выбор кейсов регионалистских партий Соединенного Королевства обусловлен различными деволюционными моделями британских регионов (countries) Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, а также различной идеологической направленностью регионалистских партий (регионализм, национализм, юнионизм). В анализ включены следующие регионалистские партии Соединенного Королевства: Шотландская национальная партия, партия «Плайд Камри», партия «Шинн Фейн», Демократическая юнионистская партия. Рассматриваемые в настоящей статье данные регионального уровня охватывают хронологический интервал 2010-х гг.

Регионалистские партии понимаются в настоящей статье в русле интерпретации П.В. Панова [Панов 2020]. Во-первых, регионалистская партия является региональной, то есть, в отличие от общенациональных партий (state-wide parties), ее активность, в том числе электоральная, сконцентрирована в одном (или нескольких) регионах. Во-вторых, регионалистская партия выдвигает регионалистские требования [De Winter, Tursan 1998; Massetti, Schakel 2016; Rosema 2006; Taagepera 2007].

Электоральная и институциональная сила партий: концептуальные подходы

Сила политической партии (party strength) является одним из основных показателей развития и устойчивости партий, как традиционных, так и

регионалистских. Ниже представлена дискуссия относительно концепта силы политической партии (*party strength*) и выстраивается интегрированная методология определения и измерения силы политической партии. Партии рассматриваются как акторы, преследующие два основных типа целей (идеологических/коллективных и прагматических/частных), для достижения которых им требуется политические властные ресурсы. В конечном итоге обладание такими ресурсами и их реализация ради политического влияния определяет феномен силы политической партии. Для достижения собственных целей регионалистские партии должны заботиться о приобретении и сохранении политических властных ресурсов, которые понимаются как активы, необходимые для их функционирования и повышения политического влияния [Rye 2014]. Контроль над политическими ресурсами, которые позволяют партиям оказывать политическое влияние и стремиться к достижению целей (как идеологических, так и прагматических), в дальнейшем и будет именоваться политической силой партии.

Очевидно, существует широкий спектр таких политических ресурсов. Во-первых, это электоральные ресурсы, которые в современных демократических системах европейских государств являются главным выражением общественной поддержки и легитимности партии. Во-вторых, институциональные ресурсы, которые позволяют использовать политические и общественные институты как площадки и инструменты выражения политического и общественного влияния партий. В-третьих, коммуникационные ресурсы, которые в рамках постиндустриального общества помогают формировать и трансформировать общественную и политическую повестку посредством как официальных, так и неофициальных каналов политической коммуникации. При этом важно отметить, что коммуникационные ресурсы могут быть реализованы как внутри политической (и/или партийной) системы, где выстраиваются стратегии взаимодействия с действующей властью и другими партиями, так и за рамками политической системы, т.е. во взаимодействии с общественностью и СМИ. И наконец, в-четвертых, это организационные ресурсы, включающие организацию партии, членов и активистов партии, сотрудничество в блоках с другими партиями, а также финансовые ресурсы.

Приобретение и удержание политических властных ресурсов не означает напрямую увеличение политического влияния. Способность партии трансформировать абстрактную и потенциальную власть имеющихся у нее ресурсов в реальное политическое влияние посредством принятия решений, выстраивания тактик и стратегий взаимодействий с политическими и неполитическими акторами имеет решающее значение. Поэтому измерение политической силы партий должно происходить не только на уровне контроля политических ресурсов, но также на уровне полученных результатов. Политическая сила партии – успешное приобретение, удержание и реализация политических властных ресурсов. Данная концептуальная рамка позволяет операционализировать феномен силы политической партии (*party strength*) посредством квантификации переменных властных ресурсов.

Хотя большой пласт теоретической литературы в отношении политических партий затрагивает тему силы политической партии (*party strength*), существует ряд проблем в операционализации такого феномена. Во-первых, не существует целостной и систематизированной методологии измерения силы политической партии, существуют концепты измерения отдельных параметров партий. Большую работу в данном направлении провел П. Чиочетти, который предпринял попытку систематизировать различные методологии измерения параметров политических партий [Chiocchetti 2016]. Во-вторых, нужно отметить, что все отдельные индикаторы не отражают общую силу политической партии, а лишь являются показателем отдельных ее параметров. Данная проблема была отмечена в работах П. Игнаци, посвященных исследованию феномена «организационной силы» партии, которая, по существу, является комбинированным показателем человеческих, финансовых и коммуникационных ресурсов партии [Ignazi 1996]. В-третьих, существуют показатели силы партии, которые не могут быть определены количественно: коммуникативные переменные; переменные связи партий с группами интересов и гражданским обществом; влияние партии на административный и бюрократический аппарат государства и т.п. Разработка адекватных показателей подобных параметров партий затруднена из-за их качественного характера и недостатка полных данных.

Соответственно, ресурсы (переменные), характеризующие силу политической партии, могут быть разделены на количественно измеримые и качественные. Количественные показатели силы политической партии следующие: электоральные ресурсы (количество голосов), институциональные ресурсы (количество мест в парламенте), организационные ресурсы (количество финансов и количество участников). Качественные показатели силы политической партии – коммуникативные ресурсы, включающие выстраивание стратегий политической партии во взаимодействии с правящими и оппозиционными партиями, институтами гражданского общества и формирование общественной и политической повестки. Выбор данных показателей силы политической партии (*party strength*) охватывает большинство переменных, упоминаемых в теоретической литературе относительно политических партий, обеспечивая при этом сбалансированную систему показателей электоральной, институциональной, организационной и коммуникативной областей. В настоящей статье при анализе используется два количественных измерения силы партии: электоральное и институциональное.

Электоральная сила политической партии характеризует успех партии в завоевании голосов избирателей, полученных на свободных и справедливых общенациональных парламентских выборах. Предлагается измерять электоральную силу партий следующими показателями: 1) количество голосов, отданных за партию на выборах; 2) доля голосов к общему количеству голосовавших; 3) отношение количества голосов к общему количеству имеющих право голосовать граждан. Вместе с тем, очевидно, электоральная сила партии может быть измерена на разных уровнях (региональном, национальном, супранациональном) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Показатели электоральной силы регионалистских партий /
Indicators of electoral strength of regionalist parties**

Уровни / Levels	Показатели электоральной силы / Indicators of electoral strength		
Региональный уровень / Regional level	Количество голосов, отданных за партию на региональных парламентских выборах / Votes on regional parliament elections	Доля голосов, отданных за партию на региональных парламентских выборах / Share of votes (votes/total valid votes) on regional parliament elections	Доля голосов в отношении к общему количеству электората / Share of votes (votes/eligible voters) on regional parliament elections
Национальный уровень / National level	Количество голосов, отданных за партию на национальных парламентских выборах / Votes on national parliament elections	Количество голосов, отданных за партию на национальных парламентских выборах / Share of votes (votes/total valid votes) on national parliament elections	Доля голосов в отношении к общему количеству электората / Share of votes (votes/eligible voters) on national parliament elections

Источник / Source: составлено автором на основе работ П. Чиочетти [Chiocchetti 2016] и П. Игнаци [Ignazi 1996].

Институциональная сила характеризует завоевание политическими партиями парламентских и правительственных портфелей. В данном вопросе уже были предложены ряд показателей: общая доля мест в парламенте или доли в отношении большинства и оппозиции [Blau 2008], доля правительственных мест по отношению к парламентским местам без учета срока пребывания на посту [Lijphart 1985] и с учетом срока пребывания [Vowles 2004]. Следует отметить, что раздельный расчет парламентской и правительственной компонент не является столь необходимым, поскольку, с одной стороны, в исследуемых государствах парламентские и правительственные органы тесным образом связаны и определяют функционирование друг друга, а с другой стороны, этого достаточно для решения задачи измерения общей силы политической партии (overall party strength). В данном исследовании институциональная сила партии измеряется следующими показателями: 1) количеством мест в парламенте и правительстве; 2) долей мест в парламенте и правительстве; 3) долей мест в парламенте в отношении к количеству мест правящей партии в парламенте и правительстве; 4) правительственным статусом (правящей партией, партией правительственной коалиции или оппозиционной партией) (табл. 2).

Что касается уровней электоральной и институциональной силы, то предлагается выделять три основных: высокий, средний и низкий. Высокий уровень электоральной силы подтверждают электоральные показатели, которые превосходят средние электоральные показатели в рамках актуальной партийной системы (т.е. среди партий, вошедших в легислатуру), в два или более раза. Средний уровень электоральной силы партии демонстрируют электоральные показатели, равные средним электоральным показателям в рамках актуальной партийной системы или превосходящие их менее чем в два раза. В случае если

электоральные показатели ниже усредненных показателей по партийной системе, то уровень электоральной силы партии находится на низком уровне.

Таблица 2 / Table 2

**Показатели институциональной силы регионалистских партий /
Indicators of institutional strength of regionalist parties**

Уровни / Levels	Показатели институциональной силы / Indicators of institutional strength			
Региональный уровень / Regional level	Количество мест в региональном парламенте / Seats in regional parliament	Доля мест в региональном парламенте / Share of seats in regional parliament	Доля мест в парламенте в отношении к количеству мест правящей партии / Share of seats / ruling party's seats in regional parliament	Статус в региональном правительстве (правящая, оппозици- онная, коалиция) / Status in regional parliament (ruling, opposition, coalition)
Национальный уровень / National level	Количество мест в национальном парламенте / Seats in national parliament	Доля мест в национальном парламенте/ Share of seats in national parliament	Доля мест в парламенте в отношении к количеству мест правящей партии / Share of seats / ruling party's seats in national parliament	Статус в национальном правительстве (правящая, оппозици- онная, коалиция) / Status in national parliament (ruling, opposition, coalition)

Источник / Source: составлено автором.

Несколько более комплексно измерение уровня институциональной силы партии. Высокий уровень институциональной силы партии наблюдается в случае, когда количество мест в парламенте и доля мест в парламенте партии превосходят среднее значение показателей в рамках актуальной партийной системы (т.е. среди партий, вошедших в легислатуру) в два или более раза. Кроме того, доля мандатов партии с высоким уровнем институциональной силы должна составлять более половины от доли мест правящей партии, а сама партия должна либо являться правящей, либо входить в правящую коалицию. Средний уровень институциональной силы партии подтверждают показатели количества мест и доли мест партии в парламенте, равные средним показателям в рамках актуальной партийной системы или превосходящие их менее чем в два раза, тогда как статус партии в подобном ключе не имеет приоритетного значения. Низкий уровень институциональной силы партии – показатели количества мест и доли мест партии в парламенте ниже средних показателей в рамках актуальной партийной системы, а сама партия пребывает в оппозиции.

**Электоральная и институциональная сила
регионалистских партий в 2010-е годы**

Динамика электоральной и институциональной силы регионалистских партий Соединенного Королевства рассматривается на протяжении второй

половины 2010-х гг. Данный период охватывает два электоральных цикла регионального уровня (2011, 2016) в Шотландии и Уэльсе и три электоральных цикла регионального уровня в Северной Ирландии (2011, 2016, 2017). В подобных условиях на региональном уровне включаются в анализ две конфигурации электоральной и институциональной силы Шотландской национальной партии и валлийской партии «Плайд Камри», а также три конфигурации для регионалистских партий Северной Ирландии (партия «Шинн Фейн» и Демократическая юнионистская партия). Данные электоральной и институциональной силы регионалистских партий Соединенного Королевства представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3 / Table 3

**Электоральная сила регионалистских партий Соединенного Королевства.
Региональный уровень /
Electoral Party Strength of UK Regionalist Parties. Regional Level**

Партия / год Party / Year	Кол. голосов (абсолют.) / Votes (absolute)	Доля голосов (%) / Share of Votes (%)	Доля голосов к электорату (%) / Votes / eligible voters (%)	Уровень силы / Level of Strength
SNP 2011	902915 (399127)	44,0 / 45,4 (20,0)	45,1 (20,0)	Высокий / High
PC 2011	182907 (237313)	17,9 / 19,3 (25,0)	NA	Низкий / Low
SF 2011	178222 (94533)	26,9 (14,3)	14,7 (14,3)	Средний / Medium
DUP 2011	198436 (94533)	29,9 (14,3)	16,4 (14,3)	Высокий / High
SNP 2016	1059898 (457673)	41,7 / 46,5 (20,0)	49,1 (20,0)	Высокий / High
PC 2016	209376 (203876)	20,8 / 20,5 (20,0)	NA	Средний / Medium
SF 2016	166785 (86789)	24,0 (12,5)	13,0 (12,5)	Средний / Medium
DUP 2016	202567 (86789)	29,2 (12,5)	15,8 (12,5)	Высокий / High
SF 2017	224245 (100414)	27,9 (12,5)	17,8 (12,5)	Высокий / High
DUP 2017	225413 (100414)	28,1 (12,5)	17,9 (12,5)	Высокий / High

Источник / Source: составлено автором на основе данных UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020.

* SNP – Scottish National Party (Шотландская национальная партия); PC – Plaid Cymru («Плайд Камри»); SF – Sinn Fein («Шинн Фейн»); DUP – Democratic Unionist Party (Демократическая юнионистская партия).

** SNP+PC. Количество голосов: только Constituencies. Доля голосов: Constituencies / Regional Additional Members.

Шотландия. Региональную партийную систему в Шотландии можно охарактеризовать как систему умеренного плюрализма. Фрагментации регионализма в шотландском регионе не наблюдается – на региональном уровне доминирует Шотландская национальная партия. Помимо нее другие региональные партийные акторы – это региональные отделения общенациональных британских партий. В разные периоды 2000–2010 гг. на региональных парламентских выборах выступали шотландские партии, которые могут характеризоваться как регионалистские: Шотландская социалистическая партия (Scottish Socialist Party), Партия свободной Шотландии (Free Scotland Party), Шотландский голос (Scottish Voice, 2007–2012), Левый альянс Шотландии

(Scotland's Left Alliance – RISE – Respect, Independence, Socialism and Environmentalism, 2016). Подобные региональные партийные акторы оказываются безуспешны в электоральном плане и не составляют конкуренцию ШНП. Лейбористская партия в регионе традиционно пользуется большей поддержкой, чем Консервативная партия¹.

Таблица 4 / Table 4

**Институциональная сила регионалистских партий Соединенного Королевства.
Региональный уровень /
Institutional Party Strength of UK Regionalist Parties. Regional Level**

Партия / год Party / Year	Кол. мест (абсолют.) / Seats (Absolute)	Доля мест, % / Share of seats, %	Доля мест к доле правящей партии, % / Seats / ruling party's seats, %	Статус / Position	Уровень силы / Level of Strength
SNP 2011	69 (25,8)	53,4 (20,0)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
PC 2011	11(15)	18,3 (25,0)	36,6	Оппозиция / Opposition	Низкий / Low
SF 2011	29 (15,4)	26,8 (14,3)	76,3	Коалиция / Coalition	Средний / Medium
DUP 2011	38 (15,4)	35,1 (14,3)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
SNP 2016	63 (25,8)	48,8 (20,0)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
PC 2016	12 (12)	20,0 (20,0)	41,4	Оппозиция / Opposition	Низкий / Low
SF 2016	28 (13,5)	25,9 (12,5)	73,7	Коалиция / Coalition	Высокий / High
DUP 2016	38 (13,5)	35,1 (12,5)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High
SF 2017	27 (11,2)	30,0 (12,5)	96,4	Правящая / Ruling	Высокий / High
DUP 2017	28 (11,2)	31,1 (12,5)	100,0	Правящая / Ruling	Высокий / High

Источник / Source: составлено автором на основе данных UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020.

* SNP – Scottish National Party (Шотландская национальная партия); PC – Plaid Cymru (Плайд Камри); SF – Sinn Fein («Шинн Фейн»); DUP – Democratic Unionist Party (Демократическая юнионистская партия).

Парламентские выборы в Шотландии 2011 г. стали наиболее интересными за весьма короткий период функционирования шотландского регионального парламента. Победа ШНП примечательна по нескольким причинам. Во-первых, шотландские националисты впервые получили абсолютное большинство мест в региональном парламенте (69/129 – 53%) в рамках избирательной системы, в которой довольно сложно достичь абсолютного большинства мест без абсолютного большинства отданных за партию

¹ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

голосов избирателей². Что касается Шотландской национальной партии, то она получила 45,4% голосов по избирательным округам и 44,0% региональных голосов³. Во-вторых, высокие показатели электоральной силы ШНП 2011 г. основаны на победе в рамках выборов по избирательным округам, тогда как предыдущее доминирование лейбористов было основано преимущественно на региональных списках⁴. В-третьих, шотландские националисты забрали важные для лейбористской партии округа (например, Глазго). Региональное правительство большинства впервые составила ШНП во главе с А. Салмондом. Теневой региональный кабинет в Шотландии составили лейбористы и либеральные демократы во главе с Дж. Лэмонт (2011–2014), затем с Дж. Мерфи (2014–2015) и К. Дукгейл (2015–2016).

Парламентские выборы в Шотландии 2016 г. прошли через два месяца после принятия нового Акта о Шотландии, подчеркнувшего локальный успех шотландского регионализма в расширении экономической автономии⁵. Шотландская национальная партия стала наиболее крупной фракцией в региональном парламенте, заняв 63 депутатских места (2 места партии не хватило до абсолютного большинства)⁶. Шотландские консерваторы достигли значимого успеха, став второй партией в шотландской ассамблее – 31 депутатское место, лучший результат консерваторов с 1999 г. Консерваторы потеснили со второго места Лейбористскую партию Великобритании, которая на выборах 2016 г. заняла третье место (24 депутатских мандата, худший результат лейбористов с 1999 г.). В сравнении с 2011 г. консерваторы приобрели 16 депутатских мест в региональном парламенте, тогда как лейбористы, наоборот, потеряли 13 депутатских мест. Партия либеральных демократов осталась на прежнем уровне (5 депутатских мест), а Партия зеленых увеличила представительство в региональном парламенте в три раза (2 депутатских места в 2011 г. к 6 депутатским местам в 2016 г.)⁷. Правительство меньшинства ШНП с 2016 г. по настоящее время. Первым министром Шотландии стала Н. Стерджен, после отставки А. Салмонда после неудачных итогов референдума о независимости Шотландии в 2014 г.

Шотландская национальная партия в рамках 2010-х гг. демонстрирует стабильно высокий уровень электоральной и институциональной силы на региональном уровне. Подобная ситуация в Шотландии уникальна в рамках Соединенного Королевства: в условиях отсутствия фрагментации регионализма

² UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ The Scottish Act 2016. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/11/contents/enacted> (accessed: 15.08.2020).

⁶ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

⁷ Ibid.

регионалистская партия электорально и институционально сильна и устойчива в региональном разрезе.

Северная Ирландия. Региональную партийную систему Северной Ирландии можно охарактеризовать как многопартийную поляризованную систему. Два партийно-идеологических полюса представляют юнионистские партии, с одной стороны, и регионалистские/националистические партии – с другой [Ананьева 2017]. К первым, юнионистским, партиям относятся Демократическая юнионистская партия и Ольстерская юнионистская партия и ряд других малых партий, которые выступают за сохранение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства. Как правило, юнионистские партии поддерживает протестантское большинство Северной Ирландии. Ко вторым, националистическим/регионалистским, партиям относятся: Социал-демократическая и лейбористская партия и партия «Шинн Фейн», которые выступают за объединение Северной Ирландии и Республики Ирландии. Последние партии, как правило, поддерживает католическое меньшинство региона. Фрагментация регионализма в регионе наблюдается.

По итогам региональных парламентских выборов 2011 г. было сформировано довольно похожее традиционное коалиционное региональное правительство по соглашению следующих партий: Демократическая юнионистская партия – 4 министерских портфеля, «Шинн Фейн» – 3, СДЛП – 1, Ольстерская юнионистская партия – 1⁸. Более того, в региональное правительство впервые вошла Партия Альянса Северной Ирландии (Alliance Party of Northern Ireland) – 1 министерский портфель. П. Робинсон от Демократической юнионистской партии стал Первым министром Северной Ирландии. Его заместителем стал член партии «Шинн Фейн» М. Мак Гиннесс.

По итогам региональных парламентских выборов 2016 г. было сформировано схожее коалиционное правительство по соглашению следующих партий: Демократическая юнионистская партия – 5 министерских портфелей, «Шинн Фейн» – 4, еще один министерский портфель был предложен независимому кандидату⁹. А. Фостер от Демократической юнионистской партии стала Первым министром Северной Ирландии. Ее заместителем стал северо-ирландский лидер «Шинн Фейн» М. Мак Гиннесс. Однако, после относительно успешного функционирования Ассамблеи Северной Ирландии третьего созыва (2007–2011) и четвертого созыва (2011–2016), в 2017 г. разгорелся крупный коррупционный скандал (Renewable Heat Incentive Scandal), который запятнал репутацию «Шинн Фейн»¹⁰. Заместитель первого министра М. Мак Гиннесс был вынужден уйти в отставку после 10 лет в кабинете. Были инициированы новые региональные парламентские выборы в 2017 г.

⁸ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

⁹ Ibid.

¹⁰ Renewable Heat Incentive Policy Overview // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/renewable-heat-incentive-policy-overview> (accessed: 15.08.2020).

После скандала 2016–2017 гг. стороны не смогли договориться о новом составе регионального правительства. В период с 2017 по 2020 г. функционал регионального правительства контролировал Вестминстер. В настоящий момент региональное правительство Северной Ирландии вышло из кризисного состояния и взяло управление регионом в собственные руки. Региональное правительство состоит из 5 министров – Демократическая юнионистская партия; 4 министра – «Шинн Фейн»; по 1 министру – Социал-демократическая и лейбористская партия и Ольстерская юнионистская партия, Партия Альянса Северной Ирландии¹¹. А. Фостер от Демократической юнионистской партии продолжила занимать пост Первого министра Северной Ирландии, а заместителем стала член партии «Шинн Фейн» М. О’Нилл.

Противоборство между юнионистами и националистическими партийными акторами в Северной Ирландии структурирует партийную систему и фрагментирует регионализм. Партнерство партийных акторов внутри группы юнионистов и националистов и разделение их на (условно) лидирующих и поддерживающих партийных акторов продуцирует больший успех крупных регионалистских партий (Демократическая юнионистская партия и «Шинн Фейн»), нежели их малых союзников (Ольстерская юнионистская партия и СДЛП). В случае Северной Ирландии организация региональной политической власти и фрагментация регионализма способствуют повышению (и/или поддержанию) электоральной и институциональной силы крупных регионалистских партий и стабилизации силы на низком уровне (= отсутствие силы) малых регионалистских партий. Вместе с тем важно подчеркнуть, что динамика показателей электоральной и институциональной силы в рамках исследуемого периода демонстрирует устойчивую силу Демократической юнионистской партии (высокий уровень электоральной и институциональной силы) при неоднозначности показателей националистской партии «Шинн Фейн», когда уровень институциональной силы партии зависит от колебаний с показателей электоральной силы (2011, 2016).

Уэльс. Региональную партийную систему в Уэльсе можно охарактеризовать как систему умеренного плюрализма (3–5 партий). Помимо крупной регионалистской партии «Плайд Камри» в Уэльсе функционирует новая партийная сила Валлийская национальная партия (Welsh National Party), которая выступает за независимость Уэльса¹². Помимо данных партий другие партийные акторы в регионе – это отделения общенациональных британских партий (валлийские консерваторы, валлийские лейбористы, валлийские зеленые и пр.). На разных этапах проявлялись иные регионалистские партийные акторы – партия «Голос Гвинедд» (Voice of Gwynedd, Llais Gwynedd), партия «Земля, Земля» (Land, Land / Gwlad Gwlad), партия «Суверенитет Уэльса»

¹¹ UK Election Statistics: 1918-2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

¹² Welsh National Party. Official Site. URL: <https://www.wnp.wales/> (accessed: 15.08.2020).

(Cymru Sovereign). Однако все подобные регионалистские партийные акторы оказываются безуспешны в электоральном плане на региональном уровне и не составляют конкуренцию доминирующей (в отношении регионализма) партии «Плайд Камри». В подобном контексте регионализм в Уэльсе сложно охарактеризовать как фрагментированный.

На выборах в Национальную ассамблею Уэльса 2011 г. победила в очередной раз Валлийская лейбористская партия и самостоятельно сформировала региональное правительство большинства во главе с К. Джонсом (2011–2016)¹³. Регионалистская партия «Плайд Камри» впервые уступила второе место в рамках региональной партийной системе консерваторам, что стало вполне ожидаемым эффектом общенационального успеха последних. Лидер регионалистской партии «Плайд Камри» Ю. Джонс, занимавший пост заместителя Первого министра Уэльса в 2007–2011 гг., после поражения на выборах оставил свой пост. Новым лидером партии стала Л. Вуд. По результатам региональных парламентских выборов 2016 г. регионалистская партия упрочила собственные позиции по сравнению с 2011 г.¹⁴ Региональное правительство сформировала коалиция Валлийской лейбористской партии и партии «Валлийские либеральные демократы». Первым министром Уэльса стал лейборист К. Джонс (2016–2018), а затем М. Дрейкфорд (2018 – настоящее время). Регионалистская партия «Плайд Камри» во главе с Л. Вуд составила официальную оппозицию.

Кейс валлийской «Плайд Камри» не похож на шотландский и североирландские случаи регионалистских партий. С одной стороны, наблюдается консолидация регионализма в форме ключевого регионалистского партийного актора, но не наблюдается весомой партийной силы (как в случае с ШНП в Шотландии). С другой стороны, отсутствует потенциал фрагментации регионализма и, как следствие, институционально сконструированная конкуренция, повышающая уровень силы регионалистских партий (что происходит в случае Северной Ирландии). Уровень электоральной силы «Плайд Камри» вполне закономерно отражается на уровне институциональной силы партии в рамках исследуемого периода.

Заключение

Описанная методика позволяет сравнивать силу регионалистских партий в разных региональных системах, партийных и электоральных. Данная методика не лишена неточностей, но демонстрирует потенциал в измерении и сравнительном анализе силы рационалистских партий не внутри одного региона (т.е. единого политико-институционального контекста), но разных регионов с различными условиями электоральной и партийной борьбы.

¹³ UK Election Statistics: 1918–2019: A Century of Elections // Briefing Paper, Number CBP7529, 28 July 2020. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (accessed: 15.08.2020).

¹⁴ Ibid.

При использовании данной методики, безусловно, необходимо учитывать ее ограничения. Разделение электоральной и институциональной силы партий на три уровня (высокий, средний, низкий) представляется грубым и негибким, что является одним из основных направлений модернизации метода. Подобный инструмент измерения силы регионалистской партии учитывает лишь количественные показатели (электоральные и институциональные), оставляя вне поля рассмотрения качественные характеристики партийной силы – коммуникационный (повестка, стратегия, пропаганда, реклама) и организационный (структура, финансы, ресурсы, возможности) элементы. Для нивелирования указанных пробелов необходима тщательная и детальная проработка концептуального аппарата качественных характеристик силы регионалистских партий. Важным дополнением методики станет измерение электоральной и институциональной силы партий не только на региональном уровне, но и общенациональном и супранациональном уровнях управления.

Вместе с тем представленные данные электоральной и институциональной силы регионалистских партий Соединенного Королевства позволили выделить несколько закономерностей.

Во-первых, вполне закономерно, институциональная сила регионалистских партий не воспроизводит в точности электоральную силу. Преимущественно это обусловлено электоральной и институциональной системой регионов. В шотландском (ШПН) и валлийском («Плайд Камри») кейсах в условиях, где электоральная система на региональном уровне смешанная и включает не только пропорциональное голосование, но и голосование по региональным спискам, трансформация электоральной силы в институциональную пропорциональна. Учитывая институциональную специфику Северной Ирландии, ведущие регионалистские партии уравниваются в институциональной силе, но неполностью соответствуют уровням электоральной силы.

Во-вторых, в рамках рассматриваемого периода наблюдается рост электоральной силы регионалистских партий Соединенного Королевства при стабилизации институциональной силы партий на региональном уровне. Подобная стабилизация институциональной силы главным образом связана с конкретной конфигурацией региональной партийной системы.

В-третьих, разрыв в уровнях институциональной силы партий не отражает в разницу в уровне электоральной силы. По результатам региональных парламентских выборов 2016 г. не наблюдается радикального разрыва в уровне электоральной силы партии «Плайд Камри» и партии «Шинн Фейн», хотя в институциональном смысле североирландская партия приобрела многим больше валлийского регионалистского партийного актора. Вместе с тем партия «Плайд Камри» в рамках исследуемого периода поступательно упрочивает свою электоральную силу, но не в силах пока достигнуть институциональной силы. Вероятно, в ближайшее время ей это станет под силу с учетом обновленного в последний электоральный цикл руководства партии.

Поступила в редакцию / Received: 24.12.2020

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Ананьева Е.В. Разобшенная Британия // Современная Европа. 2017. № 5 (77). С. 5–15.
- Панов П.В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. № 1. С. 102–115.
- Blau A. The Effective Number of Parties at Four Scales: Votes, Seats, Legislative Power and Cabinet Power // *Party Politics*. 2008. № 14 (2). P. 167–187.
- Chiocchetti P. Measuring Party Strength: A New Systematic Framework Applied to the Case of German Parties, 1991–2013 // *German Politics*. 2016. № 25. P. 84–105.
- De Winter L., Tursan H. *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge, 1998.
- Ignazi P. The Crisis of Parties and the Rise of New Political Parties // *Party Politics*. 1996. № 2 (4). P. 549–566.
- Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization and Party Democracy. The Emergence of the Cartel Party // *Party Politics*. 1995. № 1 (1). P. 5–28.
- Masseti E., Schakel A. Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism // *Party Politics*. 2016. № 1. P. 59–79.
- Lijphart A. Proportional Tenure vs. Proportional Representation: Introducing a New Debate // *European Journal of Political Research*. 1985. № 13. P. 387–399.
- Rosema M. Partisanship, Candidate Evaluations, and Prospective Voting // *Electoral Studies*. 2006. № 25. P. 467–488.
- Rye D. *Political Parties and the Concept of Power. A Theoretical Framework*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
- Taagepera R. *Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems*. New York: Oxford University Press, 2007.
- Vowles J. Electoral Systems and Proportional Tenure of Government: Renewing the Debate // *British Journal of Political Science*. 2004. № 34. P. 166–179.

References

- Ananieva, E.V. (2017). Divided Britain. *The Contemporary Europe*, 5(77), 5–15. (In Russian).
- Panov, P.V. (2020). Many faces of regionalism. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14(1), 102–115. (In Russian).
- Blau, A. (2008). The effective number of parties at four scales: Votes, seats, legislative power and cabinet power. *Party Politics*, 14(2), 167–187.
- Chiocchetti, P. (2016). Measuring party strength: A new systematic framework applied to the case of German parties, 1991–2013. *German Politics*, 25, 84–105.
- De Winter, L., & Tursan, H. (1998). *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge.
- Ignazi, P. (1996). The crisis of parties and the rise of new political parties. *Party Politics*, 2(4), 549–566.
- Katz, R., & Mair, P. (1995). Changing models of party organization and party democracy. The emergence of the Cartel Party. *Party Politics*, 1(1), 5–28.
- Masseti, E., & Schakel, A. (2016). Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism. *Party Politics*, 1, 59–79.
- Lijphart, A. (1985). Proportional tenure vs. proportional representation: Introducing a new debate. *European Journal of Political Research*, 13, 387–399.
- Rosema, M. (2006). Partisanship, candidate evaluations, and prospective voting. *Electoral Studies*, 25, 467–488.
- Rye, D. (2014). *Political parties and the concept of power. A theoretical framework*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Taagepera, R. (2007). *Predicting party sizes: The logic of simple electoral systems*. New York, Oxford University Press.

Vowles, J. (2004). Electoral systems and proportional tenure of government: Renewing the debate. *British Journal of Political Science*, 34, 166–179.

Сведения об авторе:

Грабеvник Михаил Владимирович – кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (e-mail: m.grabevnik@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3321-7519).

About the author:

Mikhail V. Grabevnik – Candidate in Political Science, Research Fellow Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: m.grabevnik@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3321-7519).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ CURRENT ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-479-494

Научная статья / Research article

Теоретико-методологические основания изучения GR-менеджмента в политической науке

В.В. Романычев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Переосмысление государственной политики в ответ на быстро меняющийся мир и экономическое развитие предопределило актуальность изучения GR-деятельности компаний в XXI в. Ввиду того, что сфера взаимодействия власти и бизнеса имеет междисциплинарный характер, политологам требуется соответствующий методологический инструментарий для ее эффективного изучения. Большинство научных трудов по изучению сферы GR имеет преимущественно узконаправленный, практико-аналитический характер и, вследствие этого, малорезультативный итог, поскольку анализ GR-деятельности в рамках одной методологической парадигмы оставляет «за кадром» рассмотрение GR как системы и ее встроенность в политическую структуру. В этой связи получаемые результаты не дают ни исследователям, ни политикам качественной информации о возможностях формирования адекватных политических решений. Задачей настоящей статьи является попытка нахождения варианта системной методологии, интегрирующей различные методологические стратегии, для разностороннего анализа GR-деятельности. Автор рассматривает основные парадигмы и метатеории, используемые исследователями в качестве оснований в изучении GR, приводит аргументацию в пользу синтеза теоретико-методологических подходов в интегративную методологическую систему в изучении GR. Основной вывод автора состоит в том, что изменения в исследовательских подходах к изучению сферы GR и мышлении исследователей потенциально могут существенно повлиять на повышение качества и эффективности подготовки и реализации государственных и корпоративных решений.

Ключевые слова: GR-менеджмент, взаимодействие власти и бизнеса, методология политических исследований, принятие политических решений, мультиметодология

© Романычев В.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Романычев В.В. Теоретико-методологические основания изучения GR-менеджмента в политической науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 479–494. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-479-494

Theoretical and Methodological Foundations for Government Relations Research in Political Science

V.V. Romanychev

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

Abstract. The rethinking of public policy in response to a rapidly changing world and economic development predetermined the relevance of studying the GR-activities of companies in the 21st century. Due to the fact that business-government relations have an interdisciplinary nature, political scientists need an appropriate methodological toolkit for their thorough study. Most of GR research are narrowly focused, and, as a result, are ineffective, since analyzing GR activities within the framework of one methodological paradigm leaves the consideration of GR as a system and its embeddedness in the political structure “behind the scenes”. In this regard, the results obtained do not provide either researchers or policymakers with comprehensive information on effective policy-making. The purpose of this article is to try to find a systemic methodology, enabling political scientists to display, describe and analyze GR-activities with the end of putting the findings into practice in order to improve the efficiency of these activities. The author examines the main paradigms and metatheories used by political scientists and argues for synthesizing theoretical and methodological approaches into a unified methodological system for GR research. The author comes to the conclusion that changes in research approaches to political GR research and in the thinking of researchers could potentially help improve the quality and effectiveness of preparing and implementing public and corporate decisions.

Keywords: Government Relations, business-state relations, business-government relations, constructivism, methodology in political research, multimethodology, policymaking (political decision-making)

For citation: Romanychev, V.V. (2021). Theoretical and methodological foundations for government relations research in political science. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 479–494. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-479-494

Введение: характеристики исследования GR-менеджмента компаний в современных реалиях

GR-менеджмент современных компаний представляет собой стратегическую деятельность по выстраиванию устойчивых долгосрочных взаимовыгодных отношений крупных компаний с общественными группами и органами государственной власти для влияния на процессы принятия политических и административных решений с целью создания максимально благоприятной среды для достижения корпоративных целей. Ввиду своей функциональной дифференцированности и наличия большого числа политических стейкхолдеров, вовлеченных в отношения между государственным, корпоративным и общественным секторами, GR образует многомерный и мультидисциплинарный объект анализа и управления современной политической науки,

целью которой является изучение межсекторальной сферы корпоративного управления. В рамках данного поля происходит устойчивое взаимодействие государственных и негосударственных акторов посредством социально-коммуникативных и нормативно-организационных технологий.

Институционализация сферы GR в политическом поле произошла в конце XX в. С постепенным вхождением различных групп компаний в число политических акторов и появлением и эволюцией других значимых институтов, регулирующих корпоративную деятельность (таких, например, как бизнес-ассоциации), изучение GR-деятельности компаний вошло в предметное поле политической науки. Этот факт является очевидным ввиду того, что существование *государства*, осуществляющего суверенную власть и управление обществом, и *политики* как совокупности программ и проектов, направленных на непосредственную реализацию государственной власти, вынуждает *компании* подстраиваться под принимаемые решения, стремиться осуществлять влияние на них и выстраивать долгосрочные взаимоотношения с органами государственной власти [Дегтярев 2004; Малкин, Сучков 2017; Политическая социология 2019].

Эффективность изучения сферы GR как объекта исследований во многом определяется выбором методологической рамки исследования. В настоящее время GR-исследования с точки зрения методологии можно условно разделить на две большие части. Первая часть GR-исследований носит сугубо практико-ориентированный характер: дизайн таких исследований оформлен в виде case-study, имеет форму политической аналитики и носит преимущественно описательно-технологический характер. Одной из целей таких исследований является анализ GR-деятельности компании или группы компаний в конкретно взятой отрасли в отдельной стране. Это позволяет вычленять подход «одна компания (отрасль в национальном (международном) масштабе) – одна страна». Вторым значимым компонентом данного блока GR-исследований является рассмотрение методов и способов реализации GR-технологий и инструментов посредством характеристик факторов и принципов, определяющих взаимодействие государства и бизнеса. Учет каждого фактора или принципа приводит к возникновению новой или доработке, видоизменению или уточнению существующей модели такого взаимодействия, т.е. определенного соотношения признаков, факторов, форм и способов GR-взаимодействия, сложившихся в конкретных политических, экономических и социокультурных условиях.

Второй блок GR-исследований выстроен в политической плоскости и состоит в поиске инструментов GR-менеджмента политического характера и его роли в политической сфере. Целью таких исследований является рассмотрение и анализ взаимного влияния государства и бизнеса на общий социально-политический контекст. Ввиду того, что сфера изучения GR является полем выраженного междисциплинарного знания, ее исследование во многом определяется качеством методологической рамки рассмотрения [Тулчинский 2019]. Для решения задач этого блока GR-исследований политологи

применяют различные теории и концепции, заимствованные из экономики, политической науки и менеджмента, в поиске ответов на вопросы функционирования и эффективности использования GR-менеджмента компаний (например, концепции политического лоббизма и лоббирования, теория групп, сетевой подход, теория трансакционных издержек, теория игр). Однако бессистемное использование широкого спектра теоретических оснований, определенное необходимостью междисциплинарности, нередко приводит к эклектичным результатам, которые либо мало применимы в практике корпоративной деятельности, либо сводят представления о GR как исключительно к компоненту, сопровождающему политическую жизнь. Так, например, при применении теории игр в GR-исследованиях нередко не учитывается неполнота информации, существование неформальных правил игры; преувеличена способность прогнозировать шаги принимающих в игре сторон. Иными словами, анализируя конкретное явление политического мира и применяя исследовательскую технологию, политологи либо действуют в отрыве от онтологических оснований (т.е. не учитывают генезис рассматриваемых феноменов и их встроенность в политическую сферу); либо, рассуждая об инструментах и учитывая эпистемологическую основу, упускают основополагающее значение GR-исследований: повышение эффективности политических решений для всех заинтересованных сторон – власти, бизнеса, общества.

В поисках эффективных методологических оснований изучения современной GR-деятельности компаний следует выделить пять крупных парадигмальных течений, которые так или иначе присутствуют в методологии политических исследований сферы GR, такие как:

- *экономические основания политики* (как основополагающая парадигма, объясняющая социально-экономический и политический контекст, тренды и тенденции развития современного мира);
- *элитология* (поскольку политические элиты представляют собой совокупность лиц, принимающих решения, и выступают объектом GR-усилий);
- *институционализм* (ввиду того, что взаимодействие акторов невозможно вне политических институтов);
- *теория рационального выбора* в разрезе ограниченной рациональности (вследствие презумпции рационального поведения игроков, в качестве которых выступают органы государственной власти и компании);
- *конструктивизм* (поскольку все участники взаимодействия подвергаются восприятию и интерпретации разных систем с разнородными интересами и ресурсами).

Для понимания преимуществ и недостатков для изучения GR-деятельности рассмотрим каждую из пяти обозначенных парадигм.

Основные парадигмы и теоретические подходы в изучении GR

Прежде всего, следует выделить влияние экономики и бизнеса на политическую сферу (и, следовательно, на политическую науку). В частности, речь идет о появлении и утверждении в качестве самостоятельных политических

акторов и субъектов международного права мультинациональных корпораций. Необходимо также упомянуть информационный бум и развитие Интернета и глобализационные и интеграционные тренды, позволившие обеспечить более конкурентную рыночную среду и распространение новейших технологий, с одной стороны, и изменившие структуру внутренних и внешних политических конфликтов – с другой. Главными методологическими вызовами, стоящими перед политической наукой сегодня вследствие онтологического синтеза позитивизма, постпозитивизма и конструктивизма, являются баланс глобализации и национальных интересов государств в быстро меняющихся условиях и применение инструментов политического прогнозирования и технологического форсайта. В контексте мировых рынков эти задачи как никогда актуальны и в сфере GR.

В рамках элитоцентричной парадигмы изучения политики политические элиты рассматриваются как исходный инициатор и важнейший фактор системных изменений в политике и, соответственно, операционализируются как независимая переменная в политических исследованиях. Сам термин «политическая элита» концептуализируется в политологии функционально – как сообщество лиц, принимающих стратегические решения и выступающих ключевым субъектом выработки норм и ценностей, и как характеристика политико-управленческой категории [Гаман-Голутвина 2008; Политический класс в современном обществе 2012]. Безусловным преимуществом элитоцентричной методологии для GR-исследований является всестороннее рассмотрение представителей политических элит с точки зрения их мотивации, интересов, партикулярных и общественных ориентаций в отношении принятия решений. Однако такой фокус дает однобокое понимание проблематики GR и отдельных казусов в данной сфере, особенно в отрыве от коалиции акторов, противодействующих элитаристскому курсу в каждом конкретном казусе, и оставляет за рамками рассмотрения организационно-институциональное поле, в котором действуют все политические акторы.

Говоря об *институциональном* подходе, следует отметить, что любой центр принятия политических решений существует в определенной институциональной среде, для которой характерны специфические институциональные возможности и ограничения, которые должны учитывать политические акторы [Powell, Dimaggio 2015]. Политические исследования в рамках институционализма показывают, как функционируют политические сообщества, как распределяются власть и влияние внутри таких сообществ и между ними, как происходит эволюция политических сообществ и как принимаются решения, что является центральным вопросом в GR-исследованиях. В течение своей более чем столетней эволюции институционализм как методология политической науки пришел к рассмотрению институтов в качестве механизма с четкой институциональной структурой, в рамках которой принимаются политические решения, с дальнейшим рассмотрением внутренних элементов этой структуры и связей между ними вплоть до появления так называемого «нового институционализма». Специфика данной версии институционализма

состоит в том, что политические институты понимаются с точки зрения взаимосвязи формальных норм и неформальных правил игры, образующих сложные организационные отношения, формы взаимодействий и кооперацию людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе [Патрушев, Филиппова 2019]. При рассмотрении институционализма следует отметить методологию *корпоративистских и плюралистических моделей* взаимодействия государства и групп интересов, в рамках которой исследователь ставит в центр анализа компанию как политический субъект, преследующий собственные интересы, отраженные в его миссии и стратегии. Однако С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина и И.С. Семенов отмечают, что далеко не во всех случаях процесс принятия и реализации решений сводится к воздействию организованных групп и лобби на государственную власть или к основанному на достигнутом балансе сил взаимодействию элит. Исследователи приходят к выводу, что в реальной жизни имеет место более сложное взаимодействие интересов и государства, в ходе которого каждая из сторон совместно участвует в выработке и принятии решений и управленческом процессе [Перегудов, Лапина, Семенов 1999].

Помимо анализа субъектов принятия решений и корпоративных политических акторов, оказывающих влияние на этот процесс, GR-исследователи стремятся достигнуть понимания механизмов этой деятельности в целях разработки сценариев реализации GR-стратегий и кампаний. Один из таких механизмов нашел отражение в еще одной важной методологической рамке GR-исследований – *теории рационального выбора*.

Применение теории рационального выбора в GR может быть описано следующим образом: центры принятия решений при анализе и рассмотрении какой-либо политической ситуации проводят разделение такой ситуации на ряд последовательных подпроблем. Следующим шагом является рациональный выбор из серии альтернатив разрешения каждой из таких подпроблем. Соответственно, сам процесс выработки политического решения (точно так же, как и влияния на него со стороны бизнес-структур) представляет собой осуществление совокупности операций по формированию множества вариантов решения, из которых в результате многоступенчатого рационального анализа определяется наиболее эффективная альтернатива в соответствии с предварительно определенными целями и критериями эффективности [Kahneman 2003]. Ключевые постулаты теории рационального выбора, в том числе представление об отсутствии непреодолимой связи бизнеса и политики и о целесообразности изучения политического поведения, в том числе с помощью экономических методов, легли в основу такого значимого для GR направления политической науки, как политический маркетинг. Последний стал еще одним содержательным методологическим источником идей для сферы GR. Характерные для GR долгосрочные взаимовыгодные отношения между участниками обмена составляют суть современной концепции политического маркетинга, смысл которого состоит в *производстве доверия*, что отличает

эти концепции от маркетинга прошлого века, нацеленного на *создание политического продукта*.

Ввиду ряда ограничений (например, неполноты необходимой и качественно проработанной информации) рациональный подход не может использоваться в отрыве от других методологических оснований, в частности бихевиоралистского подхода, при котором исследователи при наличии прямых или косвенных сведений стремятся учесть поведение и действия отдельно взятых лиц, принимающих решения, не только как представителей определенных политических акторов, но и с точки зрения их индивидуальности. Более того, принимая во внимание плюрализм интерпретаций практически любой политической проблемы, исследователи GR обращаются к парадигме *политического конструктивизма*.

Конструктивизм понимается как «метатеоретический механизм», основанный на трех важных принципах: онтологическом (социальная реальность сконструирована); эпистемологическом (знание конструируется обществом) и рефлексивном (знание и реальность являются взаимно образующими элементами) [Guzzini 2000; Guzzini 2013]. Политические акторы и лица, принимающие решения, действуют в политическом пространстве на основе тех смыслов, ценностей и интерпретаций, которые складываются и формируются у них в восприятии на основании личных и позиционно-ролевых убеждений.

Более того, конструктивизм как метатеория может рассматриваться в качестве связующего звена между теориями рациональности с их универсальными законами и интерпретативистами, наделяющими решающим влиянием в политическом анализе событий и процессов за смыслы и дискурсы, которые всегда включены в конкретный социально-экономический контекст [Алексеева 2019].

В современных реалиях любой из теоретико-методологических подходов изолированно не может являться исследовательской базой столь многопланового и сложного явления, как GR. Л.В. Сморгунов, приводя в профильном тематическом издании таблицу отраслей знания и концепций, используемых политологами в GR-исследованиях, подчеркивает необходимость разработки интегративной теории GR именно в рамках политической науки [GR-отношения с государствами... 2011]. Соответственно, для более полного отражения современных практик GR и повышения эффективности последних необходима интегративная системная теоретико-аналитическая система координат, которая позволила бы рассмотреть GR наиболее объемно и всесторонне и применять результаты анализа на практике и для дальнейших исследований.

Мультиметодология: концепция и применение

Системную роль призвана сыграть *мультиметодология*, то есть сочетанное использование различных методологических парадигм, позволяющая совместить различные ракурсы понимания предмета. Этот принцип активно используется исследователями различных научных сфер – от здравоохранения до

компьютерных, психологических и физических наук и менеджмента [Holm, Dahl, Barra 2013; Moshchenko, Smetanko, Glushko, Gavel, Kashper 2019].

Необходимость применения мультиметодологии как сочетанного использования различных теоретических подходов вызвана в том числе:

- различными типами данных;
- различными уровнями анализа – например, групповые данные и микроаналитические данные;
- различными группами, которые не могут быть объединены, но обсуждаются отдельно для удовлетворения потребностей исследовательского вопроса: данные, полученные от респондентов различного профиля; данные из разных этнических групп или данные за два периода времени [Pouliot 2007].

Достоинство мультиметодологии состоит, помимо прочего, в том, что она позволяет рассмотреть различные аспекты изучаемого объекта и использовать методы, сформировавшиеся в рамках различных методологических парадигм. Так, например, аргентинские авторы Марии Александры Кастейини и Альберто Паукар-Касерес анализируют систематические меры, принимаемые в ходе трансформации управленческих практик в малом и среднем бизнесе, основанные на комбинации классических методов, таких как оперативный анализ, методы структурирования проблем и инструменты менеджмента качества. Вовлекая все заинтересованные стороны в этот процесс, такие основанные на научном подходе системные меры позволяют более эффективно оценивать и понять особенности проблемных ситуаций, возникающих в рамках бизнес-процессов организаций. Это позволяет руководству разработать планы действий для дальнейших организационных и структурных изменений [Castellini, Paucar-Caceres 2019].

Примечательной особенностью мультиметодологии является не только совмещенное рассмотрение различных измерений предмета и привлечение методов из различных областей, но также расширение арсенала средств за счет *вспомогательных методов*, что предполагает постановку подвопроса или набора подвопросов, способствующих разработке или прояснению основного исследовательского вопроса/вопросов. Некоторые исследователи также отмечают, что вторичный компонент в виде дополнительного теоретического подхода не может выступать в качестве полноценного исследования [Morse 2015], поскольку отразит лишь некоторую часть исследуемой реальности или явления. Отдельные теоретические подходы, составляющие мультиметодологию, как правило, основаны на единственном или доминирующем факторе или конкретной последовательности исследуемых факторов, а также предполагают более комплексные и сложные «конъюнктурные» подходы (например, по анализу культурной специфики страны или региона). В дальнейшем каждый из факторов сопоставляется с набором эмпирических данных. В частности, подобное исследование траекторий и выживаемости демократических режимов в европейских странах было осуществлено Д. Берг-Шлоссером [Berg-Schlösser 2012]. Среди факторов (индикаторов) были

избраны основные социоэкономические индикаторы, макроэкономические переменные, ряд социально-структурных подходов (например, исторический институционализм), политико-культурные условия, внешние политические факторы и др.

Принимая во внимание описанные выше основные парадигмы, которые могут быть использованы как методологические основания GR-исследований, следует также учесть те модели, которые политологи используют в аналитических практико-ориентированных исследованиях:

- современные концепции бихевиорализма для обнаружения и объяснения ключевых предпосылок принятия решений;
- сетевой подход для анализа отношений между акторами и устойчивости связей, что позволяет детально рассматривать акторов в совокупности их интересов и взаимодействий;
- современные корпоративистские и плюралистические модели для определения инструментария современной GR-деятельности компаний.

Перспективы применения мультиметодологии в GR-исследованиях

Однако простое сложение методологических подходов не составляет стройную методологическую систему, которую можно было бы использовать в исследовательских целях здесь и сейчас. При том, что отсутствие методологических препятствий и ограничений в использовании мультиметодологической последовательности применимости теорий и подходов политической науки в полной мере соответствует методологическим задачам GR-исследований, принципиальной проблемой остается вопрос об основаниях сопряжения различных методологических платформ. Различные методологические источники образуют некий каркас GR-исследований, который необходимо выстроить в четкую и логичную взаимосвязь. При этом синтез теоретических оснований не должен достигаться путем их простого сложения, т.е. с применением аддитивного подхода, который понижает уровень обоснования их эвристической значимости [Гаман-Голутвина 2019]. Он должен быть основан на системе, представляющей собой четкую последовательность элементов, каждый из которых подчинен стремлению найти ответ на исследовательский подвопрос. В литературе обоснованно отмечается, что поиск холистской основы может позволить разрешить проблемы методологического синтеза и усилить его роль в трансформации компаративистики, повысив ее эвристические возможности [Сморгунов 2014].

Таким образом, определив ядро и элементы мультиметодологии исследований казусов сферы GR-менеджмента, необходимо выстроить исследовательскую логику и определить возможную последовательность применения теоретико-методологических подходов таким образом, чтобы такая система явно способствовала нахождению ответов на исследовательские вопросы GR-кейсов со стороны политической науки.

Вместе с ним необходимо учитывать, что GR-технологии также образуют рынок специфических услуг и используются компаниями и бизнес-

ассоциациями в условиях неопределенности. Именно поэтому предполагается целесообразным учитывать в мультиметодологии GR-исследований методы, используемые в других гибридных областях политического знания: политического маркетинга и политического риск-менеджмента.

Политический маркетинг, включая экономические (основанные на позитивизме) и гуманитарные (основанные на релятивизме) методы анализа политических процессов, активно использует в своих исследованиях методологические достижения управленческих наук, и здесь существуют довольно частые пересечения с GR-методологией. В первую очередь это организационно-административные теории, сосредоточенные на эффективности функционирования организаций, и ряд других [Недяк 2008]. Однако методология политического маркетинга, выходящая из сути политического рынка, шире охватывает анализ политических процессов, происходящих между государством и бизнесом, посредством встраивания сферы GR в конъюнктуру политического рынка.

Успешные субдисциплинарные прецеденты имеются. Так, известный отечественный исследователь И.Л. Недяк предложила успешную версию синтеза теоретико-методологических подходов в мультиметодологии политического маркетинга на основании сочетания сегментов исследовательских полей различных дисциплин в единую систему предметного поля политического маркетинга.

В конструктивистских реалиях существования бесконечного числа реальностей, в которых могут проигрываться различные сценарии реализации политических процессов и принятия решений, необходимо рассматривать GR-кейсы через призму политического риск-менеджмента. Под политическим риск-менеджментом понимаем совокупность инструментов для расчета наступления того или иного политического решения и/или события, которое может нанести поддающийся прогнозированию ущерб конкретному объекту политического риска [Бордовских 2015].

При проведении GR-исследования политолог может рассмотреть условия протекания контекста и предложить методы по снижению вероятности наступления рискованного события как со стороны корпоративного сектора, так и для органов государственной власти, тем самым способствуя усилиям политических акторов в реальном времени: именно качество проводимой GR-деятельности компаний и бизнес-ассоциаций прямо влияет на характер и силу проявления политического риска. Соответственно, задачей исследователя становится не просто обозначение политических рисков, а описания сценариев их предотвращения и выхода из рискованных событий после многофакторного анализа.

Резюмируя, автор предлагает проводить GR-исследования поэтапно с применением традиционных методологий, в свою очередь облеченных в теоретико-методологические основания гибридных областей политической науки – политического маркетинга и политического риск-менеджмента – с отдельным выделением контекста рассматриваемого GR-кейса (табл. 1).

**Факторы мультиметодологической модели GR-исследования /
Factors of multimethodological model of GR-research**

Смысловой вопрос и предмет рассмотрения / Conceptual question and subject matter of analysis	Факторы / признаки / Factors / patterns	Теоретико-методологический подход / Theoretical and methodological approach	Методологический контекст / Methodological context
КТО/ЧТО? (Акторы GR) / WHO/WHAT is the GR participants? Институт (в значении «организация») / Institute Компания / ОГВ / Ассоциации / Company / Public authority / Business-association Политические элиты / Political elites	Поведенческий фактор, административное влияние стейкхолдеров, деятельность акторов / Behavioral factor; administrative influence of stakeholders; activities of political actors	Институциональный / Institutionalism Элитология / Elite theory	Политический Маркетинг / Political marketing Политический риск-менеджмент / Political risk-management
КАК? Поуровневая система принятия решений (стратегический – тактический – операционный – индивидуальный) / Level-by-level decision-making system: strategic – tactical – operational – individual	Рациональный фактор принятия политических решений / Rational decision-making factor	Теория рационального выбора (ограниченной рациональности) / Rational choice – bounded rationality	Иной экономико-политический, культурный и отраслевой контекст, в условиях которого существует кейс рассмотрения GR-исследования / Other economic, political, cultural, industrial context (circumstances) around a GR-case
ЧТО ОКРУЖАЕТ? / WHAT SURROUNDS? Контекст, условия (социально-политические, экономические, культурные) / Context, conditions (sociopolitical, economic, cultural)	Сопоставление GR-явлений и процессов по заданным критериям / Comparison of GR-phenomena and processes according to specified criteria	Сравнительный, казусно-ориентированный подходы / Comparative studies, Case-study	
ЧЕМ? / BY WHAT MEANS? Совокупность GR-практик и инструментов внутри каждой связи в сети взаимоотношений акторов / A set of GR practices and tools within each link in the political network	Формальные и неформальные GR-практики и инструменты представительства интересов и влияния крупного бизнеса и бизнес-ассоциаций / Formal and informal GR practices and tools for representing interests and influence of corporations and business associations	Плюралистические модели / Pluralistic models Корпоративистские модели / Corporatism	
КАКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АКТОРАМИ? / WHAT RELATIONS ARE BETWEEN POLITICAL ACTORS? Система взаимоотношений в сети / System of links and relationships in the political network	Связи между политическими стейкхолдерами, политический вес, точки доступа / Stakeholder mapping, political weight, access points	Сетевые модели / Network analysis	

Источник: составлено автором / Source: created by the author.

Подобное разделение на блоки позволяет консолидировать максимально возможное количество объективных данных, субъективных мнений и их интерпретаций и при помощи генерализации сделать максимально точный вывод о политической вероятности результата исследования, а следовательно, понять, каким образом функционирует система, а также предложить рекомендации по ее трансформации в целях получения искомым результатов для заинтересованных групп акторов. Иными словами, расширение и усложнение методологии в рамках одного исследования может привести к более качественным результатам.

Следует отметить, что сочетание схожих теоретико-методологических элементов отмечается Л.В. Сморгунным в отношении исследований в сравнительной политологии с обоснованием того, что конструктивистский подход преодолевает издержки теории рационального выбора и экономического экспансионизма [Сморгунов 2014]. Важным является предложение применять методы, используемые в политической компаративистике в GR-исследованиях как элемент мультиметодологии с тем, чтобы иметь возможность эмпирически проследить эффекты от применения тех или иных GR-инструментов и практик или дополнить базу таких инструментов, если они еще не используются в государстве, GR-казус которого исследуется.

Заключение

Таким образом, политические мультиметодологические качественные GR-исследования открывают возможность более полного учета контекста культурных и социально-экономических факторов принятия решений и применяемых компаниями практик и инструментов по отношению к органам государственной власти, что позволит получить не только более адекватное понимание политической сферы конкретной отрасли или государства, но также будет способствовать выделению дополнительных факторов и условий для понимания причин и следствий принимаемых решений. Это означает расширение возможностей повышения эффективности как принимаемых представителями властных структур государства решений, так и применяемых крупными компаниями GR-практик.

Необходимо подчеркнуть, что выбор методологии исследования всегда зависит от цели исследования [Динамика инноваций 2011, Инновационный человек... 2012]. В данном случае мультиметодология, являясь ключевым принципом исследования, задает более обширное и концептуальное понимание GR-деятельности компаний, а именно:

1) система GR является элементом в том числе политической системы, а значит, изучая GR, политологи получают аналитический срез политической системы выбранного временного периода;

2) результатом совершенствования GR-практик и его инструментария потенциально становится повышение качества и эффективности подготовки и реализации государственных и корпоративных решений.

В заключение стоит оговориться: автор не утверждает, что мультиметодологический подход является «исследовательской панацеей» для изучения как сферы GR, так и других областей политологических исследований. Однако современные реалии неопределенности и контекстуальной специфики настоятельно диктуют необходимость поиска новых путей [Современная политическая наука... 2019], которые могли бы обеспечить приближение к универсалиям построения разных систем (в частности GR), особенно для ученых, убежденных в эффективности конструктивистских оснований.

Поступила в редакцию / Received: 24.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): политическая теория и международные отношения. М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2019.
- Бордовских А.Н.* Политические риски международного бизнеса в условиях глобализации. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015.
- Гаман-Голутвина О.В.* Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 5. С. 19–42.
- Гаман-Голутвина О.В.* Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Часть I // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 6. С. 67–85.
- Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н.* Политическая наука отвечает на вызовы современной политики (отчет с VII Всероссийского конгресса политологов) // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 3. С. 7–11.
- Дегтярев А.А.* Принятие политических решений. М.: Книжный дом «Университет», 2004.
- Динамика инноваций* / под ред. *В.И. Супруна*. Новосибирск: 2011.
- Инновационный человек и инновационное общество* / под ред. *В.И. Супруна*. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012.
- Малкин Е.Б., Сучков Е.Б.* Политические технологии. М.: Русская панорама, 2017.
- Недяк И.Л.* Политический маркетинг. Основы теории. М.: Издательство «ВесьМир», 2008.
- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.* Институционализм и неинституционализм // *Современная политическая наука: методология: научное издание* / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.
- Перекудов С.П., Лапина Н.Ю., Семенов И.С.* Группы интересов и российское государство. М.: УРСС, 1999.
- Политическая социология* / под ред. Т.В. Евгеньевой. М.: Издательство Юрайт, 2019.
- Политический класс в современном обществе* / под ред. *О.В. Гаман-Голутвиной*. М.: Российская ассоциация политической науки: Российская политическая энциклопедия, 2012.
- Сморгунов Л.В.* Методологический синтез в современной сравнительной политологии // *Метод*. 2014. № 4. С. 300–310.
- Современная политическая наука: методология: научное издание* / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019.
- Современная элита России: политико-психологический анализ* / под общей ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева. М.: Аргмак-медиа, 2015.
- Тульчинский Г.* Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2019. Т. 15. № 2. С. 174–200.
- GR-отношения с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: учебное пособие* / под ред. Л.В. Сморгунова и Л.Н. Тимофеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

- Anderson J., Lee R., Tofighi M. & Anderson S. Lobbying as a potent political marketing tool for product diversification: an examination of firm-government interaction // *Journal of Strategic Marketing*. 2021. P. 1–19; doi:10.1080/0965254x.2021.1896568
- Berg-Schlosser D. *Mixed Methods in Comparative Politics: Principles and Applications*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Castellini M., Paucar-Caceres A. A Conceptual Framework for Integrating Methodologies in Management: Partial Results of a Systemic Intervention in a Textile SME in Argentina // *Systems Research and Behavioral Science*. 2019. Vol. 36. No 1. P. 20–35. DOI: 10.1002/sres.2552
- Grose Ch. Experiments, Political Elites and Political Institutions // *Advances in Experimental Political Science* / ed. by Druckman J., Green D. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
- Guzzini S. *Power, Realism and Constructivism*. London: Routledge, 2013.
- Guzzini S. A reconstruction of constructivism in international relations // *European Journal of International Relations*. 2000. No. 6. P. 147–182.
- Holm L., Dahl F., Barra M. Towards a multimethodology in health care synergies between Soft Systems Methodology and Discrete Event Simulation // *Health Systems*. 2013. Vol. 2. No. 1. P. 11–23.
- Ignacio E. *Political Marketing: An Analysis of Business Marketing in Politics* / Senior Honors Projects. Bridgewater College, 2020.
- Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *The American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No. 5. P. 1449–1475.
- Morse J. Issues in Qualitatively-Driven Mixed-Method Designs: Walking Through a Mixed-Method Project / *The Oxford Handbook of Multimethod and Mixed Methods Research Inquiry* Edited by Sharlene Hesse-Biber R. Burke Johnson. Oxford University Press, 2015.
- Moshchenko O., Smetanko A., Glushko E., Gavel O., Kashper G. Multimethodology for analysing financial statements of enterprises on the example of Russian fuel and energy companies' current assets // *International transaction journal of engineering management & applied sciences & technologies*. 2019. Vol. 10 (18). <https://tuengr.com/V10A/10A18K.pdf>
- Pouliot V. “Subjectivism”: Toward a constructivist methodology // *International Studies Quarterly*. 2007. Vol. 51. P. 359–384.
- Powell W., Bromley P. The New Institutionalism in Organizational Analysis / J.D. Wright (Ed.), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd edition. 2015. Vol. 16. Oxford: Elsevier. P. 764–769.
- Simon H. *Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Process in Administrative Organizations*. New York: The Macmillan Company, 1997.
- Zakirov A., Zaripova A. Conceptualization of Government Relations (GR) in Russian political science // *Laplage Em Revista*. 2020. 6 (Extra-C). P. 52–56.

References

- Alexeeva, T.A. (2019). *Contemporary political thought (XX–XXI cent.): Political theory and international relations*. Moscow: Aspect-Press. (In Russian).
- Anderson, J., Lee, R., Tofighi, M., & Anderson, S. (2021). Lobbying as a potent political marketing tool for product diversification: an examination of firm-government interaction. *Journal of Strategic Marketing*, 1–19; doi:10.1080/0965254x.2021.1896568
- Berg-Schlosser, D. (2012). *Mixed methods in comparative politics: Principles and applications*. NY: Palgrave Macmillan.
- Bordovskikh, A.N. (2015). *Political risks of international business in the age of globalization*. Moscow: Aspect-Press. (In Russian).
- Castellini, M., & Paucar-Caceres, A. (2019). A conceptual framework for integrating methodologies in management: Partial results of a systemic intervention in a textile SME in Argentina. *Systems Research and Behavioral Science*, 36(1), 20–35. DOI: 10.1002/sres.2552

- Degtyarev, A.A. (2004). *Political decision-making*. Moscow: University. (In Russian).
- Evgenieva, T.V. (Ed.). (2019). *Political sociology*. Moscow: Urait. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V. (2008). Processes of modern elitogenesis: Global experience and Russian practices. Part I. *Polis. Political Studies*, 6, 67–85. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V. (2019). Overcoming methodological differences: The debate about knowledge politics in an age of uncertainty. *Polis. Political Studies*, 5, 19–42. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V. (Ed.). (2012). *Political class in the modern society*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V., & Nikitin, A.I. (Eds.). (2019). *Modern political science: Methodology*. Moscow, Aspect Press. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V., Smorgunov, L.V., & Timofeyeva, L.N. (2016). Political science meets the challenges of modern politics (Report from the 7th All-Russian Congress of Political Scientists). *Polis. Political Studies*, 3, 7–11. (In Russian).
- Grose, Ch. (2021). Experiments, political elites and political institutions. In Druckman, J., & Green, D. (Eds.) *Advances in experimental political science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Guzzini, S. (2000). A reconstruction of constructivism in international relations. *European Journal of International Relations*, 6, 147–182.
- Guzzini, S. (2013). *Power, realism and constructivism*. London, Routledge.
- Holm, L., Dahl, F., & Barra, M. (2013). Towards a multimethodology in health care synergies between soft systems methodology and discrete event simulation. *Health Systems*, 2(1), 11–23.
- Ignacio, E. (2020). *Political marketing: An analysis of business marketing in politics*. Senior Honors Projects. Bridgewater College.
- Kahneman, D. (2003). Maps of bounded rationality: Psychology for behavioral economics. *The American Economic Review*, 93(5), 1449–1475.
- Malkin, E.B., & Suchkov, E.B. (2017). *Political technologies*. Moscow: Russian Panorama. (In Russian).
- Morse, J. (2015). Issues in qualitatively-driven mixed-method designs: Walking through a mixed-method project. In Hesse-Biber, S., & Burke Johnson R. (Eds.). *The Oxford Handbook of Multimethod and Mixed Methods Research Inquiry*. Oxford University Press.
- Moshchenko, O., Smetanko, A., Glushko, E., Gavel, O., & Kashper, G. (2019). Multimethodology for analysing financial statements of enterprises on the example of Russian fuel and energy companies' current assets. *International transaction journal of engineering management & applied sciences & technologies*, 10(18). Retrieved from: <https://tuengr.com/V10A/10A18K.pdf>
- Nedyak, I.L. (2008). *Political Marketing. Theoretical Foundations*. Moscow: Ves' mir, (In Russian).
- Patrushev, S.V., & Filippova, L.E. (2019). Institutionalism and neoinstitutionalism. In Gaman-Golutvina, O.V., & Nikitin, A.I. *Modern Political Science: Methodology*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Peregudov, S.P., Lapina, N.Yu., & Semenenko, I.S. (1999). *Interest groups and the Russian state*. Moscow: URSS. (In Russian).
- Pouliot, V. (2007). “Subjectivism”: Toward a constructivist methodology. *International Studies Quarterly*, 51, 359–384.
- Powell, W., & Dimaggio P. (Eds.). (1991). *The new institutionalism in organizational analysis*. Chicago: Chicago University Press.
- Shestopal, E.B., & Selezneva, A.V. (Eds.). (2015). *Modern Russian elites: Political and technological analysis*. Moscow: Argamak-media. (In Russian).
- Simon, H. (1997). *Administrative behavior: A study of decision-making process in administrative organizations*. New York: The Macmillan Company.
- Smorgunov, L.V. (2014). Methodological synthesis in contemporary comparative political science. *Method*, 4, 300–310. (In Russian).
- Smorgunov, L.V., & Timofeeva, L.N. (2011). *Government relations: Theoretical and practical implications and mechanisms*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Suprun, V. (Ed.). (2011). *Dynamics of innovations*. Novosibirsk. (In Russian).

- Suprun, V.I. (Ed.). (2012). *An innovative human and innovative society*. Novosibirsk: Foundation for Socioprognostic Research “Trends”. (In Russian).
- Tulchinskii, G. (2019). Three narratives of political science: perspectives of interdisciplinary political studies. *Political Expertise: POLITEX*, 15(2), 174–200. (In Russian).
- Zakirov, A., & Zaripova, A. (2020). Conceptualization of government relations (GR) in Russian political science. *Laplage Em Revista*, 6 (Extra-C), 52–56.

Сведения об авторе:

Романычев Вячеслав Валерьевич – аспирант Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: romanychev_v@bk.ru) (ORCID ID: 0000-0001-5443-6043).

About the author:

Viacheslav V. Romanychev – PhD student, PhD School for Political Science, National Research University “Higher School of Economics” (e-mail: romanychev_v@bk.ru) (ORCID ID: 0000-0001-5443-6043).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-495-510

Обзорная статья / Review article

Политико-психологические особенности глав российских регионов в отечественной политической науке: обзор исследований

А.И. Матюсова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен обзор отечественных исследований, посвященных изучению личностных особенностей российских губернаторов с точки зрения политико-психологического подхода. Используя метод исторической ретроспекции, автор представил этапы трансформации института губернаторства, начиная с 2000-х гг., которые в разные периоды своего осуществления требовали актуализации определенных личностных черт, способствующих успешной реализации конкретного политика в должности главы региона, а также приводили к изменению методов исследования психологических качеств региональных политиков. В результате исследования автор установил, что в современной отечественной политической науке накопленный в рамках политико-психологического подхода задел по субъектным характеристикам состояния российского губернаторского корпуса не находит должного отражения в проводимых исследованиях текущего положения региональной элиты современной России. Автор также пришел к выводу, что личностные особенности губернаторов – это эмпирический индикатор, благодаря которому ученые оценивают личность политика в психологическом контексте и сравнивают ее с другими, что подчеркивает важность изучения данной темы.

Ключевые слова: представитель губернаторского корпуса, губернатор, глава региона, личностные особенности губернатора, политико-психологические особенности губернаторов, субъект РФ

Для цитирования: Матюсова А.И. Политико-психологические особенности глав российских регионов в отечественной политической науке: обзор исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 495–510. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-495-510

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

© Матюсова А.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Political and Psychological Characteristics of Russian Governors in the Domestic Political Science: Review of Scientific Research

A.I. Matiusova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article reviews the works of Russian researchers devoted to personal characteristics of Russian governors in terms of political and psychological approach. Drawing on the method of historical retrospection, the author distinguishes the transformation stages of the governorship institution since the 2000s, which required the revelation of different personal features in order for a governor to be successful. These transformation stages also led to changes in scientific approaches to the research of a governors' psychological qualities. As a result, the author comes to the conclusion that current Russian political science fails to reflect the political and psychological portrait of modern Russian regional elite, including governors. The author notes that the personal characteristics of Russian governors are empirical indicators through which political scientists can evaluate the personality of a politician in the psychological sense, and, moreover, compare it with others, which proves the importance of this topic.

Keywords: representative of the governor's corps, governor, head of the region, personal characteristics of the governor, political and psychological characteristics of governors, subject of the Russian Federation

For citation: Matiusova, A.I. (2021). Political and psychological characteristics of Russian governors in the domestic political science: Review of scientific research. *RUDN Journal of Political Science*, 23(3), 495–510. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-495-510

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31386 «The modern Russian elite in terms of diversity of current political development: political-psychological and a status-role analysis».

Введение

В области политических наук проведен ряд исследований, посвященных изучению представителей губернаторского корпуса с разных позиций: исследуются жизненный путь губернаторов [Флягин 2020; Меженина 2016; Палитай 2019], особенности рекрутирования [Ашин 2005; Быстрова и др. 2019; Быстрова 2018], состав политической региональной элиты [Гаман-Голутвина 2016; Туровский 2017; Понделков 2004; Кынев 2020] и др. Одним из основных направлений исследования является изучение личностных особенностей губернаторов [Качанов 2006; Селезнева 2010; Добрынина 2012; Современная элита России... 2015]. Интерес политологов, политических психологов к исследованию личностей глав регионов возрастает, поскольку губернаторы стали все активнее вовлекаться в публичный политический процесс. Кроме того, набирает обороты «трансфер» как федеральных политиков на региональный уровень, так и обратно. Примерами служат кейсы ныне действующих министра экономического развития РФ М.Г. Решетникова, главы МЧС

России Е.Н. Зиничева и др. Одновременно повышение статуса глав регионов подтверждается принятыми изменениями в Конституцию РФ – закреплением Государственного совета РФ как конституционного органа власти, в работе которого принимают участие губернаторы¹.

Проведенный анализ научной литературы позволил разделить весь период изучения российскими политологами личностных особенностей губернаторов на три этапа. Каждый из них связан с происходившими в стране законодательными изменениями, политическими событиями, кадровыми решениями, что предъявляло новые требования к личностным особенностям глав регионов, выполняемым ими задачам. Это привело и к изменению методов исследования разных психологических качеств региональных политиков.

Цель статьи – анализ исследований политико-психологических (личностных) особенностей представителей губернаторского корпуса России с точки зрения временного периода для обобщения существующего опыта в данной научной области. При этом под политико-психологическими особенностями личности подразумевается набор личностных черт, позволяющих эффективно исполнять принятые на себя политические роли [Современная элита России... 2015:16].

В настоящее время в научном сообществе актуально проведение обзорных исследований: они помогают начинающим специалистам сориентироваться в данной области знания, выявить еще не изученные до конца темы, что способствует привлечению молодых ученых. В статье сделан акцент на работы именно отечественных исследователей, так как в зарубежной литературе российский губернаторский корпус изучен с точки зрения рекрутирования, институциональных характеристик и др., но не в отношении личностных особенностей губернаторов. Данного аспекта зарубежные ученые касаются в основном при изучении более значимых фигур российской и мировой политики – президентов, министров и т.д. [Dyson 2018; Winter 1991; Visser 2017]. Таким образом, статья отвечает на вопрос, насколько изменился характер политико-психологических исследований российских губернаторов на протяжении последних 20 лет?

Обоснование проблемы

Несмотря на существование в отечественной литературе большого количества работ по изучению политического лидерства, региональных лидеров, они по большей части основывались на институциональном подходе, так как исследователи уделяли больше внимания нормативно-правовым механизмам функционирования политических лидеров [Ашин 2005; Гаман-Голутвина 2016; Туровский 2017; Понеделков 2004; Россия регионов 2000]. Это было связано с институциональными рамками, в которых находились губернаторы (законы, разделяющие полномочия Центра и периферии, определяющие

¹ Федеральный закон о Государственном Совете Российской Федерации принят 8 декабря 2020 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012080064> (дата обращения: 08.12.2020).

формат избрания или назначения на должность). В период постсоветского развития России шел процесс перераспределения властных полномочий между федеральным Центром и регионами, хотя этот вопрос был урегулирован нормами Конституции РФ. Между субъектами существовала большая разница, детерминированная политическими, экономическими, субъективными причинами, в частности личностными особенностями губернаторов. Так, российский федерализм прошел в своем развитии несколько этапов, которые имели тенденцию к децентрализации и централизации [Игнатенко 2015:55].

В период с 1991 по 1995 г. главной особенностью выборов и назначений губернаторов во многих регионах был их учредительный характер [Кынев 2020; Россия регионов... 2000]. Происходила замена не столько личностей, сколько самой структуры управления. Но среди губернаторов по-прежнему ценились хозяйственники, бывшие партийно-советские руководители, умевшие наладить взаимоотношения с федеральным Центром и представляющие для местного населения образ «своего кандидата» [Качанов 2006:82]. Вместе с тем критериями отбора на должность главы региона стали авторитет среди населения, организаторские способности и приверженность демократическим принципам [Эпоха Ельцина... 2001:205]. Поэтому в 1990-е гг. в регионах правили достаточно независимые, хорошо известные в субъектах РФ лидеры-хозяйственники советского образца (например, Юрий Лужков и др.) [Политика в регионах... 2002]. Их уважало местное население и центральная власть. Так, начиная с середины 1990-х гг. в общественно-политической системе был сформирован тип губернатора «первой волны» – губернаторы-«тяжеловесы»². Они могли сочетать политику федерального Центра с общественными региональными настроениями.

В начале 2000-х гг. сотрудниками кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова были разработаны модели исследования личностных особенностей политиков [Психология восприятия власти 2002; Ракитянский 2002; Зорин 2002]. В региональных научных политологических школах (Томская, Ярославская, Краснодарская и др.) можно выделить работы, которые косвенно повлияли на дальнейшее становление политической психологии в области изучения личностей глав российских регионов [Киселев 2000], так как они в целом затрагивали общие психологические аспекты политической элиты. Однако изучение личностных особенностей губернаторов российских регионов впервые было предпринято только в 2006 г. До этого объектом анализа выступали личностные особенности значимых политических фигур, чаще всего руководителей стран [Зорин 2003; Егорова 1999]. Психологический подход к изучению глав российских регионов практически отсутствовал в политической науке, что оставляло за скобками один из наиболее важных аспектов – групповые и индивидуальные психологические особенности региональных лидеров. Исходя из этого был выделен первый этап в исследовании политико-психологических особенностей губернаторов.

² Например, ушедший в сентябре 2020 г. губернатор Белгородской области Е.С. Савченко.

Его выделение также обосновано трансформацией принципа формирования региональных элит, что стало возможным с приходом к власти В.В. Путина – происходило постепенное укрепление вертикали власти. Если в начале 2000-х гг. губернаторы избирались населением и востребованными оставались их личностные черты, «пробивные» способности, черты губернатора-хозяйственника, губернатора-автократа (вследствие конфликтов первой половины 1990-х гг.) [Кынев 2020:156], то в 2004 г. был принят закон, по которому главы регионов стали назначаться на свои должности. Федеральная элита стала доминирующим актором в региональном процессе, от губернаторов требовалось исполнять ее поручения на местах³. В связи с этим личностные особенности глав регионов были не столь востребованы, больше ценились лояльность и подотчетность Центру, а не местному населению. По мнению А.Л. Чириковой, региональные элиты со временем адаптируются к новым политическим реалиям и становятся менее критичными к практикам централизации [Чирикова 2008].

Исследования личностей политиков за рубежом стали активно развиваться примерно в 1960-х гг. В их основе лежало изучение политико-психологических особенностей более знаковых фигур. Можно вспомнить труды Э. Эриксона о А. Гитлере [Эриксон 1996], Е. Вольфенштейна о И. Ганди, В. Ленине и Л. Троцком [Wolfenstein 1967] и др. Эти работы основывались на психобиографическом методе, который сегодня является фундаментом многих исследований личностных характеристик губернаторов [Флягин 2020; Палитай 2019]. Изучение политиков с помощью дистантного метода активно осуществлялось Д. Уинтером, М. Херманн и др. [Winter et al 1991]. Объектом их анализа выступали личности правителей государств, однако их методология легла в основу изучения личностей глав регионов России.

Первый этап: 2000–2012 гг.

Первой основательной работой в рамках данного этапа можно назвать кандидатскую диссертацию А.А. Качанова [Качанов 2006], которая была посвящена политико-психологическому анализу губернаторского корпуса России с 1993 по 2005 г. Исследователь попытался определить взаимосвязь между биографиями глав регионов и стилем их политического лидерства.

В этом периоде также важно выделить работы по психологическому портретированию, которые стали одним из фундаментов построения психологических профилей губернаторов России. Это работы Н.М. Ракитянского [Ракитянский 2008], где в комплексе представлен анализ структуры личности и выявления отдельных психологических черт политиков. Построение психологического профиля политического деятеля является адекватным методом

³ Алиев У.Д. Развитие региональных политических элит в контексте модернизационных преобразований в современной России: специфика и тенденции // доклад на III Всероссийском элитологическом конгрессе. URL: <http://ruspolitology.ru/regionalnaya-deyatelnost/7977/> (дата обращения: 03.10.2020).

анализа политических элит, обладая эвристической ценностью и высоким прогностическим потенциалом.

Особую методологию исследования личности политиков создали политические психологи МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с другими исследователями элит О.В. Гаман-Голутвиной и О.Ю. Малиновой в рамках гранта «Человеческий капитал федеральных и региональных политических элит» [Селезнева 2010; Шестопап 2012]. Проект позволил провести качественный анализ, в том числе личностей губернаторов, с применением политико-психологического подхода, оценку потенциала современных политических деятелей и сделать прогноз относительно их дальнейшего поведения.

В рамках этого этапа были проведены исследования характеристик и структур личности политика как представителя политической элиты, которые также являются одной из важных составляющих в изучении личностей губернаторов. Среди российских исследователей можно выделить Э.К. Гиззатова [Гиззатов 2006] и его методику операционального кодирования, а также О.Ю. Малинову [Малинова 2011] и А.В. Селезневу [Селезнева 2007], которые разработали модель анализа политических ценностей человеческого капитала российских элит.

Отдельно стоит отметить работу В.В. Трофимовой [Трофимова 2011], в которой автор выделяет ряд личностных характеристик, сформированных под воздействием факторов социализации и играющих роль при формировании губернаторского корпуса.

Необходимо упомянуть кандидатские диссертации И.И. Рогозарь [Рогозарь 2011], в которой был введен термин «КАП-профиль», включающий в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты личности политика, и Н.В. Бушуевой [Бушуева 2010], посвященную политико-психологическому анализу гендерных особенностей региональных лидеров России.

Так, в рамках первого этапа была заложена фундаментальная методологическая база, позволившая исследователям изучать личности глав российских регионов. Требования к личности губернатора претерпели изменения: если в начале 2000-х гг. требовалась способность решать социально-экономические проблемы региона, а не политические, добиваться желаемого результата, то после проведенной реформы в 2004 г., связанной с отменой прямых выборов губернаторов, изменился характер нахождения на посту главы региона – он стал больше подотчетен федеральной власти, стала цениться лояльность Центру, а не личность как таковая. Это не могло не сказаться на особенностях изучения его личностных качеств.

Второй этап: 2012–2016 гг.

Второй этап связан с поправками 2012 г., согласно которым происходил возврат к прямым выборам губернаторов. В связи с этим востребованными оказались личностные характеристики глав регионов, их лидерские качества, которые в случае существовавшей ранее системы утверждения глав субъектов России их legislатурами по предложению Президента были не так

важны, так как их публичная деятельность не была критичной для повторного избрания на свой пост в качестве инкумбента.

Уже в 2012 г. Е.П. Добрыниной [Добрынина 2012] была защищена кандидатская диссертация, где был создан коллективный портрет российских губернаторов и предложена политико-психологическая типология регионального лидерства, которая базировалась на основаниях соотношения роли и личности. Именно эти два понятия являются значимыми практическими показателями, измерение которых позволяет оценивать политиков в психологическом отношении и сравнивать их друг с другом [Современная элита России...:25]. Исследователь также отметила, что к 2012 г. губернаторский корпус почти полностью обновился: губернаторы-«тяжеловесы» с опытом руководства еще с советских времен постепенно были вытеснены новыми назначенцами.

В рамках этого этапа по итогам гранта, посвященного изучению человеческого капитала политиков, была опубликована статья Е.Б. Шестопаля и А.В. Селезневой [Шестопаля, Селезнева 2012]. В статье расписаны психологические характеристики ряда российских региональных руководителей, а также сделан вывод о том, что одной из главных проблем политической элиты России является недостаточная развитость стратегического мышления, что влияет на ее политическое поведение, которое носит ситуативный характер.

Ни одно исследование личностных особенностей представителей губернаторского корпуса не обходилось без использования психобиографического метода, который служит для воссоздания картины жизни конкретного политика и для анализа данных о его жизненном пути [Bude 1985]. Можно отметить монографию «Современная элита России: политико-психологический анализ» [Современная элита России... 2015; Селезнева 2010]. Ее авторы рассмотрели психологические особенности разных элитных групп. Был сделан вывод о том, что в публичных выступлениях губернаторов выявляются общие личностные психологические черты, которые обуславливаются спецификой их политической роли, сочетающей в себе их поведение в качестве региональных лидеров и участие в федеральной повестке.

Психологию региональных элит и их социологическое измерение в рамках данного этапа в своих работах также рассматривали А.Ю. Шутов, А.В. Понеделков [Современные региональные элиты 2013].

Таким образом, в рамках этого этапа важным стала сама личность губернатора, прежде всего, раскрытие в публичном пространстве его лидерских качеств.

Современный этап: 2016 г. – настоящее время

Очередным знаковым событием ознаменовался 2016 г., когда начался интенсивный процесс обновления региональной элиты, к власти стали приходить молодые «технократы». В этом этапе для научной среды проявились новые аспекты в изучении личностей глав российских регионов. На первый план вышли личностные параметры кандидатов в губернаторы. Это актуализировалось и в связи с тем, что во многих регионах губернаторами стали

«варяги», не имевшие особого отношения к вверенным им территориям, поэтому им пришлось завоевывать авторитет населения, в том числе с помощью своего личного влияния на граждан. Это же касалось и кандидатов-самовыдвиженцев.

Была создана особая модель отбора управленцев посредством проведения конкурса «Лидеры России». К победителям конкурса, ставшим потом губернаторами отдельных регионов, предъявлялись требования в виде лидерских качеств, профессиональных компетенций, интеллектуальных способностей и др. Эти лидеры вошли в региональную элиту страны, что актуализировало на данном этапе изучение их личностей [Палитай 2020].

Сегодня интерес ученых к исследованию личностей представителей губернаторского корпуса России довольно велик, изучают все в комплексе: не только отдельные характеристики политика, но и биографию, особенности первичной политической социализации регионального лидера, фактор среды. В связи с этим следует отметить ряд научных проектов, поддержанных РФФИ и АНО ЭИСИ в 2019 и 2020 гг.⁴

Политико-психологический анализ молодого поколения политиков был предпринят в рамках научного проекта политических психологов МГУ им. М.В. Ломоносова «Молодое поколение российских политических лидеров: политико-психологический анализ», на основе которого вышел ряд статей [Палитай 2019, 2020]. Анализ биографий губернаторов позволил составить собирательный образ молодого представителя губернаторского корпуса, для которого характерны сочетание мотивов власти и достижения, определенный уровень доминирования.

Необходимо отметить еще два проекта – «Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры» [Быстрова 2019], а также «Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030» [Лавров 2019; Юшкина 2019]. В обоих трудах поднята проблема элитообразования с использованием биографического метода. Хотя в рамках этих проектов не были затронуты личностные особенности губернаторов, они все равно являются важными для рассматриваемой темы, так как в них были выявлены характеристики бассейна рекрутирования и карьеры политиков, что является значимым элементом при изучении жизненных путей глав регионов и, как следствие, их личностей.

В продолжение этой темы можно отметить научный проект М.А. Флягина «Социально-демографические характеристики и карьерные траектории глав субъектов Российской Федерации (1991–2019) как индикаторы трансформации российской политической системы» [Флягин 2020]. Автор провел анализ

⁴ Итоги конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, проводимого совместно РФФИ и АНО ЭИСИ в 2019 г. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/rffi_contest_results/o_2086493 (дата обращения: 03.10.2020); Итоги конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук, проводимого совместно РФФИ и АНО ЭИСИ в 2020 г. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/rffi_contest_results/o_2109497 (дата обращения: 03.10.2020).

386 биографий политиков, занимавших должности губернаторов в постсоветский период, и оценил их социально-демографические характеристики и карьерные траектории. Полученные результаты позволили сформировать основные тренды трансформации губернаторского корпуса с использованием различных параметров.

Следует отметить проведение Всероссийского элитологического конгресса в Ростове-на-Дону, Пятигорске и Таганроге. В 2019 г. большинство тем, представленных в его рамках, не затрагивали напрямую исследования личностных особенностей представителей губернаторского корпуса, однако среди них можно выделить те, которые относятся к теме опосредованно. Например, процесс рекрутирования региональных элит⁵, использование инструментария личностно-профессиональной диагностики⁶.

Наконец, в 2019 г. была опубликована монография «Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018)» [Власть и лидеры... 2019], в которой обобщены результаты 30-летнего исследования политической перцепции образов политиков, в том числе губернаторов.

В целом политико-психологические и социологические исследования данного периода продемонстрировали, что происходящие в современном мире перемены требуют появления лидеров нового типа, новых форм и механизмов их взаимодействия с последователями, в том числе в региональном контексте [Самсонова, Шпуга 2016; Goodwin 2018; *The Palgrave handbook of political elites* 2018; Давыдов 2016]. В этом периоде заметен уклон исследователей в изучение биографической составляющей глав регионов, их карьерных траекторий, каналов рекрутирования, что коррелирует с изучением их личностных особенностей, однако не является достаточным.

Вместе с тем 2020 г. предоставил губернаторам шанс проявить себя в борьбе с пандемией коронавируса, когда на них была возложена дополнительная ответственность за принимаемые социально-политические решения в их регионах⁷. Это актуализировало изучение личностей глав регионов разными аналитическими центрами страны. Так, в конце 2020 г. ЭИСИ⁸ совместно с

⁵ См.: Старостин А.М. Секторно-целевой и системный аспекты в проблеме элитного рекрутинга // доклад на III Всероссийском элитологическом конгрессе. URL: <http://ruspolitology.ru/regionalnaya-deyatelnost/7977/> (дата обращения: 03.10.2020); Понделков А.В. Механизмы рекрутирования элит и кадровой политики в современной России // доклад на III Всероссийском элитологическом конгрессе. URL: <http://ruspolitology.ru/regionalnaya-deyatelnost/7977/> (дата обращения: 03.10.2020).

⁶ См.: Агеева Е.А. Использование инструментария личностно-профессиональной диагностики при формировании кадрового резерва // доклад на III Всероссийском элитологическом конгрессе. URL: <http://ruspolitology.ru/regionalnaya-deyatelnost/7977/> (дата обращения: 03.10.2020).

⁷ Путин возложил на губернаторов решения по ограничениям на фоне пандемии. URL: <https://rg.ru/2020/05/11/putin-vozlozhit-na-gubernatorov-resheniia-po-ogranicheniiam-na-fone-pandemii.html> (дата обращения: 24.12.2020).

⁸ Доклад ЭИСИ «Губернаторы новой волны». URL: <https://regions.eisr.ru/analytics/> (дата обращения: 15.12.2020).

ВЦИОМ⁹, Институтом социального маркетинга «Инсомар»¹⁰ выпустил ряд докладов, посвященных как общим личностным характеристикам губернаторов «новой волны», среди которых энергичность, работоспособность, образованность, решительность, способность к эмпатии, умение общаться на равных и др., так и характеристикам отдельных глав регионов¹¹.

Заключение

Изучение личностных особенностей губернаторов занимает исключительное место именно в отечественной политической психологии, так как зарубежных исследователей больше интересуют личностные характеристики российских лидеров федерального и мирового масштаба.

В статье были проанализированы имеющиеся научно-исследовательские разработки по вопросу изучения личностных характеристик глав российских регионов. Обзор научной литературы позволил разделить весь период изучения личностных особенностей глав на три этапа, связанных с происходившими в стране законодательными изменениями, политическими событиями, кадровыми решениями.

В рамках периода 2000–2012 гг. был заложен крепкий фундамент и создана методология для дальнейшего изучения личностных особенностей губернаторов. Появление периода 2012–2016 гг. было связано с возвратом прямых выборов глав регионов, что существенно повлияло на характер изучения их личностей, так как губернаторы стали публичными фигурами в политической среде. Исследователи сосредоточили свое внимание на непосредственном изучении их личностей. Современный этап изучения начался с 2016 г., когда стал активно меняться состав губернаторского корпуса, что позволило ученым обратить свой взор на личности молодых «технократов» и губернаторов «новой волны». Однако за последний год было опубликовано больше работ, затрагивающих скорее институциональный аспект региональной элиты, построение социально-демографического портрета российских губернаторов с большим использованием биографического анализа, чем анализа их личностных особенностей, в связи с чем их личностные характеристики до конца не были раскрыты. Можно констатировать, что в современной отечественной политической науке достаточно разработанный политико-психологический подход не находит должного отражения в исследованиях текущего состояния

⁹ Губернаторы новой волны. Исследование ВЦИОМ. Декабрь 2020. Отчет по результатам социологического исследования. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2020/201215_Gubernatory_novoi_volny_Mamonov.pdf (дата обращения: 15.12.2020).

¹⁰ Доклад Инсомар. Губернаторы новой волны: особенности восприятия и соответствие электоральному запросу. URL: <https://regions.eisr.ru/upload/iblock/39f/39f30194c684dcdce83b584b28c3349b.pdf> (дата обращения: 24.12.2020).

¹¹ Портреты губернатора Нижегородской области Глеба Никитина и губернатора Камчатского края Владимира Солодова. URL: <https://regions.eisr.ru/analytics/> (дата обращения: 24.12.2020).

региональной элиты, в частности представителей губернаторского корпуса России, что является упущением политических ученых.

Личностные особенности губернаторов являются одним из важных факторов, влияющих на ход осуществляемой политики как в регионе, так и на уровне федерального Центра. Эта составляющая представляет собой эмпирический индикатор, измерение которого позволяет исследователям оценивать личность политика в психологическом контексте и сравнивать ее с другими, поэтому изучение личностных особенностей региональных политиков представляется особо важным.

Рассмотренный исторический обзор литературы выступает теоретическим фундаментом, позволяющим ученым строить различные исследовательские модели в отношении политико-психологического анализа текущих действий региональных властей.

Поступила в редакцию / Received: 20.12.2020
Принята к публикации / Accepted: 10.05.2021

Библиографический список

- Ашин Г.К.* Элитология: учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2005. 544 с.
- Бушуева Н.В.* Политико-психологический анализ региональных политических лидеров России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 170 с.
- Быстрова А.С.* Отставки и выборы 2018 г.: обновление губернаторского корпуса, бассейн рекрутирования и карьеры новых персонажей // *Власть и элиты*. 2018. № 5. С. 331–359.
- Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б.* Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 2. С. 22–66.
- Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / под ред. Е.Б. Шестопаля.* М.: Весь Мир, 2019. 656 с.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 38–73.
- Гиззатов Э.К.* Операциональное кодирование – метод дистантной оценки личности политического лидера // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2006. № 2. С. 76–85.
- Давыдов С.В.* Политико-психологический профиль оппозиционного политического деятеля: теоретико-методологические аспекты // *Политика и общество*. 2016. № 9. С. 1187–1193.
- Добрынина Е.П.* Политико-психологический анализ региональной власти: личность и роль губернатора: дис. ... канд. политич. наук. М., 2012. 276 с.
- Егорова Е.* Президент Буш. Психологический портрет // *Психология и психоанализ власти*. Т. 2. Хрестоматия. Самара: Изд. дом «БАХРАХ», 1999. С. 83–97.
- Зорин В.А.* Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // *Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е.Б. Шестопаля.* М.: Аспект Пресс, 2002. С. 149–162.
- Зорин В.А.* Роль личностного фактора в становлении президентства в России, Украине, Белоруссии: политико-психологический анализ личностей В.В. Путина, Л.Д. Кучмы и А.Г. Лукашенко: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2003. 164 с.
- Игнатенко И.М.* Современный этап перераспределения полномочий между федеральным центром и регионами России // *Вестник Поволжского института управления*. 2015. № 3. С. 54–60.

- Качанов А.А. Биографическая составляющая политико-психологического анализа губернаторского корпуса в современной России: дис. ... канд. политич. наук. М., 2006. 170 с.
- Киселев И.Ю. Политический истеблишмент: психологические аспекты практики властвования. М.: ИЛ РАН, 2000. 408 с.
- Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями / А. Кынев. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.
- Лавров И.А. Катализаторы и ингибиторы политической карьеры в России // Вестник университета. Изд.: ГУУ. 2019. № 12. С. 193–199.
- Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы // Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 280–293.
- Меженкина О.В. Главы исполнительной власти в субъектах Российской Федерации: социально-демографический анализ (1995 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4. С. 105–109.
- Палитай И.С. Молодое поколение политиков в современной России: политико-психологический подход к исследованию // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 3. С. 7–22.
- Палитай И.С., Данилова А.С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 252–262.
- Палитай И.С., Майорова М.А. Молодое поколение российской политической элиты: социально-демографический профиль // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. № 3. С. 160–173.
- Политика в регионах: губернаторы и группы влияния / под ред. Р. Туровского. М., 2002. С. 76–107.
- Понеделков А.В. Современные российские элиты: особенности генезиса. Взаимодействия и позиционирование во власти // Политическая наука. 2004. № 1. С. 138–159.
- Психология восприятия власти / под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Социально-политическая мысль, 2002. 244 с.
- Ракитянский Н.М. Психологический портрет политического лидера (методология поиска). Доклад // Россия в условиях трансформации. Выпуск № 20. М.: ФРПЦ, 2002. С. 89–91.
- Ракитянский Н.М. Психологическое портретирование в политологической практике. М.: Интерпресс, 2008. 178 с.
- Розозарь И.И. Исполнительное лидерство федеральных министров: влияние личностных особенностей на исполнение роли министра: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 199 с.
- Россия регионов: трансформация политических режимов / под ред. В. Гельман, С. Рыженкова, М. Бри. М.: Весь мир, 2000. 376 с.
- Самсонова Т.Н., Штуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 142–163.
- Селезнева А.В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Вып. 1. 2007. С. 128–134.
- Селезнева А.В. Политико-психологический подход к изучению ценностного компонента личности политика в контексте проблемы человеческого капитала // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 3. С. 34–39.
- Селезнева А.В., Розозарь-Колпакова И.И., Филистович Е.С., Трофимова В.В., Добрынина Е.П., Стрелец И.Э. Российская политическая элита: анализ с точки зрения концепции человеческого капитала // Полис. 2010. № 4. С. 90–106.
- Современные региональные элиты (социологический анализ) / А.Ю. Шутов, В.В. Рудой, А.В. Понеделков и др. Ростов: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 183 с.
- Современная элита России: политико-психологический анализ: монография / отв. ред. Е.Б. Шестопа, А.В. Селезнева. М.: АГРАМАК-МЕДИА, 2015. 405 с.

- Трофимова В.В. Основные каналы рекрутирования современной российской политической элиты // Политическое лидерство и проблемы личности. Круглый стол кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ и журнала «Полис». Политические исследования. 2011. № 2. С. 63–64.
- Трофимова В.В. Политико-психологические особенности процесса рекрутирования современной российской политической элиты // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 228–239.
- Туровский Р.Ф. Губернаторские выборы в постсоветской России: изменения и преемственность // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 160–167.
- Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов 1991–2019 // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. № 1. С. 29–39.
- Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопаля, А.В. Селезневой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 342 с.
- Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Полис. Политические исследования. 2008. № 6. С. 99–112.
- Шестопаля Е.Б., Селезнева А.В. Психологический анализ российского политического класса // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 1 (66). С. 91–98.
- Эпоха Ельцина: Очерки политической истории / Ю.М. Батулин, А.Л. Ильин, В.Ф. Кадацкий, В.В. Костиков, М.А. Краснов. Москва: ВАГРИУС, 2001. 816 с. URL: <http://www.yeltsincenter.ru/en/node/269> (дата обращения: 01.10.2020).
- Эрикссон Э. Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. / пер. с англ. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
- Юшкина Н.А. Влияние образовательных траекторий на формирование управленческой элиты в российских федеральных органах власти // Вестник университета. Изд.: ГУУ, 2019. № 11. С. 176–183.
- Bude H. Der Socialforschers Narrationsanimateur // *KollnerZeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie*. 1985. Jg. 37. № 2.
- Dyson S., Parent M. The operational code approach to profiling political leaders: understanding Vladimir Putin // *Intelligence and National Security*. 2018. № 33 (1). P. 84–100.
- Goodwin D.K. Leadership in turbulent times. NY: Simon & Schuster. 2018. 473 p.
- The Palgrave handbook of political elites / ed. by H. Best, J. Higley. London, 2018.
- Visser B., Book A., Volk A. Is Hillary dishonest and Donald narcissistic? A HEXACO analysis of the presidential candidates' public personas // *Personality and Individual Differences*. 2017. № 106. P. 281–286.
- Winter D., Hermann M., Weintraub W., Walker S. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy // *Political Psychology*. 1991. Vol. 12. № 3. P. 215–245.
- Wolfenstein V. The Revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi. Princeton: Princeton University Press, 1967. 330 p.

References

- Ashin, G.K. (2005). *Elitology*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).
- Baturin, Yu.M., Ilyin, A.L., Kadatsky, V.F., Kostikov, V.V., & Krasnov, M.A. (Eds.). (2001). *The Yeltsin Era. Essays on political history*. Moscow: VAGRIUS. (In Russian).
- Best, H., & Higley, J. (Eds.). (2018). *The Palgrave handbook of political elites*. London.
- Bude, H. (1985). Der Socialforschers Narrationsanimateur. *KollnerZeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie*, 37(2). (In German).

- Bushueva, N.V. (2010). *Political and psychological analysis of regional political leaders of Russia: Dis. ... cand. political sciences*. Moscow: Moscow State University. 170 p. (In Russian).
- Bystrova, A.S. (2018). Resignations and elections 2018: renewal of the Governor's corps, recruitment pool and career of new characters. *Power and elites*, 5, 331–359. (In Russian).
- Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevsky, A.V., & Tev, D.B. (2019). Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career. *Power and Elites*, 6, 22–66. (In Russian).
- Chirikova, A.E. (2008). Vertical of power in the assessments of regional elites: dynamics of changes. *Polis. Political studies*, 6, 99–112. (In Russian).
- Davydov, S.V. (2016). Political and psychological profile of an opposition politician: theoretical and methodological aspects. *Politics and society*, 9(141), 1187–1193. (In Russian).
- Dobrynina, E.P. (2012). *Political and psychological analysis of regional authorities: the personality and role of the governor: Dis. ... cand. political sciences*. Moscow: Moscow State University. 276 p. (In Russian).
- Dyson, S., & Parent, M. (2018). The operational code approach to profiling political leaders: understanding Vladimir Putin. *Intelligence and National Security*, 33(1), 84–100.
- Egorova, E. (1999). President Bush. Psychological portrait. *Psychology and psychoanalysis of power* (Vol. 2, pp. 83–97). Textbook. Samara: Publishing house "Bahrah". (In Russian).
- Erikson, E.H. (1963). *Childhood and Society*.
- Flyagin, A.M. (2020). How the portrait of the Russian governor has changed: an analysis of the biographies of the heads of regions 1991–2019. *Perm University Herald. Series: Political Science*, 1, 29–39. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V. (2016). Political elites as an object of research in domestic political science. *Political Science*, 2, 38–73. (In Russian).
- Gelman, V., Bri, M. et al. (Eds.). (2000). *Russia of regions: transformation of political regimes*. Moscow: Ves' mir. (In Russian).
- Gizatov, E.K. (2006). Operational coding – a method of distant assessment of the personality of a political leader. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 2, 76–85. (In Russian).
- Goodwin, D.K. (2018). *Leadership in turbulent times*. NY: Simon & Schuster.
- Ignatenko, I.M. (2015). Modern stage of redistribution of powers between the Federal center and regions of Russia. *Bulletin of the Volga region Institute of management*, 3, 54–60. (In Russian).
- Kachanov, A.A. (2006). *Biographical component of the political and psychological analysis of the governor's corps in modern Russia: Dis. ... cand. political sciences*. Moscow State University. (In Russian).
- Kiselev, I.Yu. (2000). *Political establishment: psychological aspects of the practice of power*. Moscow: IL RAS. (In Russian).
- Kynev, A.V. (2020). *Governors in Russia: between elections and appointments* Moscow: Liberal mission Foundation. (In Russian).
- Lavrov, I.A. (2019). Catalysts and inhibitors of a political career in Russia. *GUU University Herald*, 12, 193–199. (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (2011). Political elites as “producers of meanings” of Russian politics: to the problem statement. In O.V. Gaman-Golutvina (Ed.), *Elites and society in comparative measurement*. Moscow: ROSSPEN (pp. 280–293). (In Russian).
- Mezhenina, O.V. (2016). Heads of Executive power in the subjects of the Russian Federation: socio-demographic analysis (1995). *Proceedings of the Altai State University*, 4, 105–109. (In Russian).
- Palitay, I.S. (2019). The young generation of politicians in modern Russia: a political-psychological approach to research. *Moscow University Herald. Series 12. Political Sciences*, 3, 7–22. (In Russian).
- Palitai, I.S., & Danilova, A.S. (2020). Regional leaders of the new generation: results of political and psychological analysis. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 54, 252–262. (In Russian).

- Palitai, I.S., & Maiorova, M.A. (2019). The Young generation of the Russian political elite: socio-demographic profile. *Bulletin of the Moscow State linguistic University*, 3, 160–173. (In Russian).
- Ponedelkov, A.V. (2004). Modern Russian elites: features of genesis. Interactions and positioning in power. *Political science*, 1, 138–159. (In Russian).
- Rakityansky, N.M. (2002). Psychological portrait of a political leader (search methodology). In *Russia in the conditions of transformation* (Vol. 20, pp. 89–91). Moscow: FRPC. (In Russian).
- Rakityansky, N.M. (2008). *Psychological portraiture in political science practice*. M.: “Interpress”. (In Russian).
- Rogozar, I.I. (2011). *Executive leadership federal ministers: The impact of personality on the role of a minister*: Dis. ... Cand. polit. M.: Moscow State University. (In Russian).
- Samsonova, T.N., & Shpuga, E.S. (2016). Political leadership in the face of modern challenges. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, 4, 142–163. (In Russian).
- Selezneva, A.V. (2007). Main approaches to the analysis of political values in modern Russia. *Bulletin of Perm University. Political Science Series*, 1, 128–134. (In Russian).
- Selezneva, A.V. (2010). Political and psychological approach to the study of the value component of a politician’s personality in the context of the problem of human capital. *Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 3, 34–39. (In Russian).
- Selezneva, A.V., Rogozar-Kolpakova, I.I., Filistovich, E.S., Trofimova, V.V., Dobrylina, E.P., & Strelets, I.E. (2010). Russian political elite: Analysis from the point of view of the concept of human capital. *Polis. Political Studies*, 4, 90–106. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (Ed.). (2019). *Power and leaders in the perception of Russian citizens. A quarter of a century of observations (1993–2018)*. M.: The Ves’ mir. (In Russian).
- Shestopal, E.B., & Selezneva, A.V. (2012). Psychological analysis of the Russian political class. *Bulletin of the Russian humanitarian scientific foundation*, 1(66), 91–98. (In Russian).
- Shestopal, E.B., & Selezneva, A.V. (Eds.). (2012). *Human capital of Russian political elites. Political and psychological analysis*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Shestopal, E.B., & Selezneva, A.V. (Eds.). (2015). *The modern elite of Russia: political and psychological analysis*. M.: AGRAMAK MEDIA. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (Ed.). (2002). *Psychology of power perception*. Moscow: Socio-political thought. (In Russian).
- Shutov, A.Yu., Rudov, V.V., Ponedelkov, A.V. et al. (2013). *Modern regional elites (sociological analysis)*. YURIF Ranepa publishing house, Rostov. (In Russian).
- Trofimova, V.V. (2011). Main channels of recruitment of the modern Russian political elite. In *Political leadership and personality problems. Polis. Political Studies*, 2, 63–64. (In Russian).
- Trofimova, V.V. (2011). Political and psychological features of the recruitment process of the modern Russian political elite. *Business. Society. Power*, 7, 228–239. (In Russian).
- Turovsky, R.F. (Ed.). (2002). *Politics in the regions: governors and influence groups*. Moscow. (In Russian).
- Turovsky, R.F. (2017). Governor’s elections in post-Soviet Russia: changes and continuity. In *XVII April international scientific conference on the problems of economic and social development* (pp. 160–167). Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Visser, B., Book, A., & Volk, A. (2017). Is Hillary dishonest and Donald narcissistic? A HEXACO analysis of the presidential candidates’ public personas. *Personality and Individual Differences*, 106, 281–286.
- Winter, D., Hermann, M., Weintraub, W., & Walker, S. (1991). The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy. *Political Psychology*, 12, 215–245.
- Wolfenstein, V. (1967). *The Revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi*. Princeton: Princeton University Press.
- Yushkina, N.A. (2019). The influence of educational paths on the formation of the managerial elite in the Russian federal authorities. *GUU University Herald*, 11, 176–183. (In Russian).

- Zorin, V.A. (2002). The problem of perception of the image of a politician in the context of studying his personality. In E.B. Shestopal (Ed.), *Political and psychological problems of mass consciousness research* (pp. 149–162). Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Zorin, V.A. (2003). *The role of the personality factor in the formation of the presidency in Russia, Ukraine, Belarus: a political-psychological analysis of personalities V.V. Putin, L.D. Kuchma and A.G. Lukashenko*: Dis. ... cand. political sciences. M.: Moscow State University. (In Russian).

Сведения об авторе:

Матюсова Анастасия Игоревна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: nmatyusova@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3618-3668).

About the author:

Anastasia I. Matiusova – Postgraduate Student, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nmatyusova@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0002-3618-3668).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
